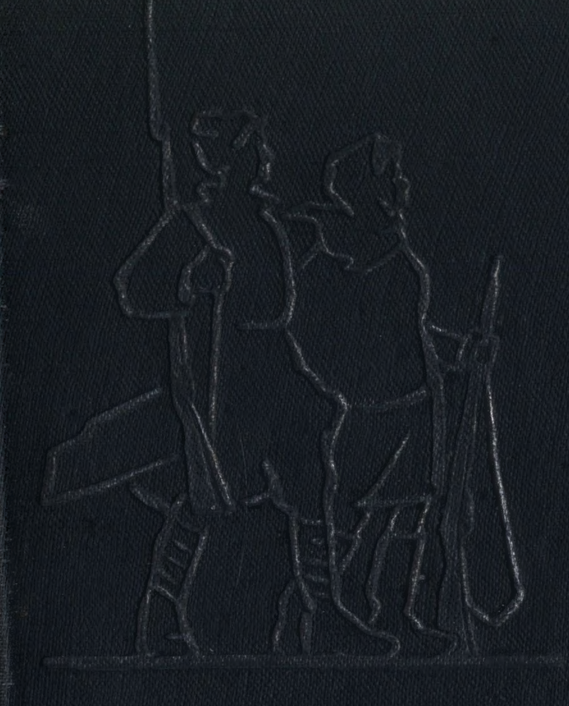

Н. Ященко

Искры не гаснут

Владику
в день вступления
в пионерскую организацию.
Будь таким же
справедливым и мужествен[ным]
как герои этой книги.

Папа

Баба

22 IV-80 год

Николай Ященко

Искры не гаснут

Повесть

Читинское книжное издательство
1962

Р2
Я 97

Борьба наших отцов и старших братьев, революция, гражданская война будут вечно жить в памяти новых поколений. Суровой поэзией и романтикой овеяны те далекие дни. Из прошлого летят к нам негаснущие искры.

В повести «Искры не гаснут» рассказывается о том, как в 1920 году в одном рабочем поселке Дальневосточной республики возникла и окрепла комсомольская ячейка.

В борьбе с врагами мужала молодость, формировались характеры, познавалась жизнь. Комсомольцы бились с белогвардейцами и японскими интервентами, чтобы Дальневосточная республика присоединилась к Советской России, пережили голод и разруху. Повесть передает своеобразие тех лет, рисует облик того времени.

Книга является продолжением повести «Босоногая команда», вышедшей в свет в 1959 году, но имеет самостоятельный сюжет.

„...Пройден гигантский путь, политый кровью борцов за народное счастье, путь славных побед и временных поражений, прежде чем к о м м у н и з м, к о т о р ы й к о г д а - т о б ы л л и ш ь м е ч т о й, с т а л в е л и ч а й ш е й с и л о й с о в р е м е н н о с т и...“

(ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЭ-ВЭ-ЭР

В школьном коридоре, около большой карты Азии, толпились старшеклассники. Гога Кикадзе, упитанный крепыш в серой гимнастерке с белыми металлическими пуговицами, что-то жевал и говорил Косте Кравченко.

— Видишь этот Великий, или Тихий, океан? И заруби себе на носу: никто и никогда не откроет большевикам ворота к этому водному бассейну! Советам крышка!

— Большевики сами умеют открывать ворота! — возразил Кравченко, приглаживая торчавший на голове вихор.

— Смотри сюда, открыватель! — горячился Кикадзе. Он пухлым пальцем очертил голубую полоску озера Байкал, перенес руку на тонкую, изогнутую линию железной дороги, быстро «проехал» по ней на восток до Яблонового хребта.

— Все это Дальневосточная республика, а не Советская Россия! Спустимся с гор к Чите. Тут царствует атаман Семенов. А дальше на всем пространстве до самого океана опять легла Дэ-вэ-эр! Не будет в этих широтах советской власти. Фига вам с маслом!

Кикадзе сложил из трех пальцев увесистую дулю.

— Видал?

Костя вспыхнул:

— Не тронь советскую власть, у тебя лапы грязные!

Кравченко отвел дулю и кулаком, что было силы, ткнул противника в бок. Кикадзе замахнулся для ответного удара, но кто-то дернул его за ремень, и между ребятами протиснулась Вера Горяева.

— Не дам драться! — крикнула она.

Тут прозвенел звонок, и враждующие стороны разошлись по классам.

Такой спор был уже не первым. Школьники ежедневно горячо обсуждали военные действия на фронтах еще не утихшей гражданской войны, хотели понять, что происходит здесь, на далекой окраине России, где они живут.

Еще минувшей зимой Костя Кравченко и его сверстники под присмотром дяди Фили печатали на гектографе и тайком разносили по дворам частушки и песни про атамана Семенова, срывали приказы японских генералов. Весной видели отступающие колонны белой армии. Однажды офицеры пронесли на плечах по всему Заречью гроб с генералом Каппелем. Падали истощенные лошади, умирали от тифа люди. Ребятишки утащили с подвод две цинковые коробки с патронами, три винтовки и ручной пулемет. Костин отец переправил все это в партизанский отряд... Разбрызгивая весенние лужи, по улицам поселка скакали всадники с красными лентами на шапках и папахах. Так вернулась советская власть. Ликовал на митингах народ, развевались красные флаги. И вдруг пошел разговор: это не советская власть. А что? Попробуй-ка разобраться. Ребята вслушивались, всматривались...

Среди учителей было много беженцев из Перми. Вместе с белогвардейцами они отступали от большевиков за Байкал, но большевики оказались повсюду, и отступать стало некуда. Теперь беженцы притихли, от вопросов учеников отмахивались. Директор школы Александр Федорович тоже был из беженцев и в беседы с учениками никогда не вступал, ссылаясь на занятость. Преподаватель химии Геннадий Аркадьевич, прозванный Химозой, охотно разговаривал со старшеклассниками, но всегда гнул одну линию: молодежь, дескать, должна прежде всего учиться, а не совать нос в политику. Поговорить по душам можно было только с Лидией Ивановной...

Красная гвардия, созданная революцией, проливала

кровь за Советы. Это ясно. Партизаны два года скитались по тайге, дрались с белыми и японцами за советскую власть. И это все понятно. Красная Армия, двигаясь с запада, установила в Сибири советскую власть. Тут и объяснять нечего. Но почему же после такой борьбы нет советской власти от Байкала до Тихого океана? За что же боролись рабочие и крестьяне? Почему армия за Байкалом называется не Красной, а Народно-революционной? На здании вокзала вывесили странный флаг: в левом углу красного полотнища пришит квадрат из синей материи. Машинист Храпчук называет его заплаткой. Почему вместо Советов объявили какую-то Дальневосточную республику? Ведь старшеклассники знают, что большевики всю жизнь боролись с меньшевиками и эсерами, как с врагами, а теперь сидят с ними за одним столом в правительстве Дэ-вэ-эр. А почему?

Рождение новой республики посеяло немало сумятицы в головах людей. Взрослые шумели на митингах, а подростки в школьном коридоре...

В восьмом классе урок литературы. Лидия Ивановна положила на стол потрепанный томик Гоголя, поправила на плечах теплый платок и близоруко прищурилась на учеников.

— Сегодня будем знакомиться с «Тарасом Бульбой».

У окна поднялась чья-то рука.

— Это Горяева, кажется? Что тебе?

— Лидия Ивановна, в коридоре опять была драка. Вы бы еще объяснили, какая у нас власть, а то непонятно.

Старая учительница приложила ладони к вискам, стараясь что-то припомнить, потом улыбнулась тонкими губами и неожиданно продекламировала:

Сошлись враги. Увлекшись боем,
Деревня пёрла напролом:
«Жарь под микитки! Бей колом!»
Барчата взвыли диким воем...

Легкий смешок пробежал по классу, все повернулись в сторону Кости Кравченко. Он покраснел и опустил голову. Его смутило не столько то, что Лидия Ивановна догадалась о его драке, сколько то, что она прочитала именно эти строки...

В октябрьский день 1918 года, когда в поселке крепко обосновались белогвардейцы и японцы, Костя, в то время ученик шестого класса, на уроке рассказал басню Демьяна Бедного. Барчуки решили поиграть в войну и наняли крестьянских ребятишек изображать враждующую рать. Деревенские мальчишки взяли да и излупили барчуков. Басня тогда всем понравилась, но Лидия Ивановна нахмурилась. Она оставила Костю после урока и долго с тревогой объясняла, что такую басню сейчас читать нельзя, что Костя ставит под удар своего отца. «Когда можно будет, я сама напомню тебе о басне». И вот через два года напомнила...

— С кем же ты на этот раз воевал? — спросила она.

Костя поднялся за партой.

— Кикадзе всегда сам вперед заедается!

— Ну вот что, вояка! Принеси-ка из учительской карту Российской империи.

Лидия Ивановна отодвинула томик Гоголя, обратилась к ученикам:

— Значит, вам непонятно, какая у нас власть. Что же, давайте поговорим об этом...

Костя Кравченко принес и укрепил на классной доске огромную карту. Лидия Ивановна взяла указку, повертела ее в руках, собираясь с мыслями...

— У вас все еще впереди, товарищи! — сказала она и долгим взглядом обвела класс. Учительница впервые назвала своих учеников товарищами и подумала: «Не рано ли?» Она заметила, как недоуменно и восторженно переглянулись ребята. Учительнице показалось, что они расправляют плечи и что им становится тесно на партах. «Нет, не рано», — успокоила она себя и подошла к карте...

— Я не знаю, товарищи, сколько лет придется ходить вам по земле, но уверена, что в жизни вы не раз оглянетесь на бурный двадцатый год... В начале этого года Красная Армия заняла Иркутск, а дальше, за Байкал, не пошла. Почему — вот вопрос....

Учительница обвела указкой территорию Дальнего Востока.

— Здесь были собраны большие силы американских и особенно японских войск. Если бы Красная Армия пошла за Байкал, значит, она вступила бы в войну с Япо-

нией. Правительство Советской России не хотело этого...

Лидия Ивановна говорила негромко, но четко. Слушая ее, ученики представляли себе колонны войск на дорогах войны, жаркие бои в лесах, на улицах городов и деревень. Карта ожила. Указка перепрыгнула на запад...

— Международное положение складывалось не в нашу пользу. В апреле панская Польша вместе с Францией и другими странами напала на Украину. А на южном фронте еще шли бои с бароном Врангелем. Судите сами, разве в таких условиях молодая Советская республика могла бы воевать с Японией? Нет, война была бы нам не под силу. Вы понимаете меня?

Ученики молча кивали.

— Тут-то и призадумался Ленин. Сделано так, как он сказал. Что же Ленин сказал? А вот что!.. В районах Дальнего Востока, уже освобожденных от белой нечисти, и в районах, которые еще только освобождаются, советскую власть временно, вы слышите, временно не восстанавливать...

— А что же вместо нее? — громко спросила Вера Горяева, поднимаясь с места.

Лидия Ивановна махнула рукой, чтобы Вера села.

— Да... Решили создать промежуточное государство — буфер — под названием Дальневосточная республика... Дэ-вэ-эр!

— Буфер бывает у вагона, — опять не выдержала Вера Горяева.

— Совершенно верно! — подтвердила учительница.— Вы дети железнодорожников и знаете, для чего устроены буфера. Поезд идет полным ходом, буфера своей пружиной мягко отталкиваются друг от друга и не дают вагонам столкнуться, разбиться. Так и наш буфер —Дальневосточная республика — поставлен между Советской Россией и Японией. Для чего? Чтобы не допустить прямого столкновения, отдалить войну с Японией, дать передышку Советской России... В городе Верхнеудинске на съезде красных партизан и трудящихся Прибайкалья была объявлена декларация о создании Дэ-вэ-эр... Там же и образовано правительство во главе с большевиками. Оно существует уже шесть месяцев, его признала Советская Россия...

«Все понятно. И папа так же объяснял, — думал Костя. — А вот когда начну спорить со сладкоежкой, все ясное куда-то из головы вылетает...»

— Кравченко, скажи нам, какие области вошли в Дэ-вэ-эр?

Костя, сильно стукнув крышкой парты, вскочил.

— В Дэ-вэ-эр вошли области: наша, Прибайкальская, потом Забайкальская, а за ней Амурская да Приамурская, еще Приморская и Северный Сахалин.

— Ничего не пропустил?

— Как будто нет!

На последней парте раздался голос:

— Костя, оглянись! Я на Камчатке сижу!

Смущенный, Костя сел. После короткого оживления класс затих. Урок становился все более интересным. Многого еще не знали восьмиклассники. Легко сказать, какие области вошли в Дэ-вэ-эр, а республика-то еще не собрана воедино, в некоторых районах до сих пор хозяйничают белые и японцы. Чита и узкая полоса земли вдоль железнодорожной ветки, идущей в Маньчжурию, оставалась в руках атамана Семенова. Этот кусок территории сейчас называют «читинской пробкой». Из-за нее Западное и Восточное Забайкалье оказались разъединенными. Указка учительницы находит и другие «пробки». Амур завоевали красные партизаны, а в Хабаровске и окружающих его районах засели белогвардейцы. Приморье разделилось на две части: одна занята партизанами, другая, где расположен Владивосток, находится у врагов. Вот она какая, Дэ-вэ-эр!

«Когда дадут сочинение на свободную тему, я напишу про нашу республику», — решил Костя.

А Лидия Ивановна уже рассказывала о Чите... В апреле части Народно-революционной армии начали наступление. Как раз праздновалась пасха, в церквах звонили колокола, а народоармейцы вели перестрелку с семеновцами на окраинах города. Белые уже метались в панике, начали отступать. Но в самый критический момент на помощь семеновцам выступили японцы. Народоармейцы отошли. Москва дала срочный приказ: ни в коем случае не ввязываться в сражения с японцами, чтобы не вызвать войны.

Ребята хорошо знали японцев. Солдаты и офицеры японской императорской армии полтора года разгулива-

ли по улицам поселка, как у себя дома. Их не забудешь. «Борьшевику не харасё», — говорили самураи. Костя медленно повернул голову налево. Во втором ряду сидит Вера Горяева, ее отца зверски убили японцы.

— Кравченко, ты куда смотришь?

Костя поспешно вскочил.

— Я все слышу, Лидия Ивановна!

— Где расположена станция Гонгота?

— У подножья Яблонового хребта! — бойко ответил Костя.

— Чем же она знаменита?

Костя много раз проезжал эту станцию, но ничего знаменитого там не видел. Даже поселка нет, стоит всего несколько железнодорожных домиков. Интересно, при чем тут Гонгота? Ее и на карте не найдешь. Костя пожал плечами. Но оказалось, что Гонгота очень даже при чем и в судьбе Дэ-вэ-эр сыграла немалую роль. Там летом встречались представители Дальневосточной республики и Японии, они подписали соглашение о прекращении военных действий. Малюсенькая, никому не ведомая Гонгота стала известна всему миру, ее поминали газеты в Токио, Нью-Йорке, Лондоне, Париже... Японское командование согласилось вывести свои войска из Забайкалья и Хабаровского района. Теперь уже легче было разбить атамана Семенова. Сейчас Народно-революционная армия наступает за Яблоновым хребтом, надо вышибать «читинскую пробку»...

Не успел прозвонить звонок, как в класс влетел Кикадзе.

— Что тебе? — остановила его Лидия Ивановна.

«Жаловаться пришел Гога-Мога», — подумал Костя, собирая учебники.

— Ребята!— закричал Кикадзе.— Сегодня, 25 октября 1920 года, в семь часов вечера, в нардоме состоится собрание молодежи. Обязательно будут танцы! Геннадий Аркадьевич всех приглашает. Приходите!..

Занятия в классах первой смены кончились. Из широких дверей школы покатилась лавина мальчишек и девчонок...

Большой станционный поселок делился почти на десяток маленьких. Центральным из них считался расположенный по длинному и широкому склону горы. Он так и назывался Горой. Справа от него по скалам лепились

избушки Порт-Артура, в распадке спрятался Чертов угол, по обоим берегам реки тянулись Теребиловка, Заречье, Большой, Малый и Хитрый острова. Горный поселок собрал лучшие деревянные здания почты, школы, нардома, аптеки, несколько магазинов. После уроков улицы Горы наводнялись детворой. Отсюда школьники с шумом и гамом стайками разлетались в разные стороны.

Вера и Костя, жмурясь от яркого солнца, торопились в Заречье, они жили по соседству.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

Обедая на кухне, Костя слышал приглушенные голоса. Спокойный и мягкий принадлежал отцу Тимофею Ефимовичу, а басистый и резкий — машинисту Храпчуку.

— Чай у них давно остыл, больше часа ругня идет! — сообщила мать, сокрушенно качая головой.

Костя вошел в комнату за учебником химии.

— Послушай, Костик, как твой батька меня обижает: советскую власть спрятал, угощает Дэ-вэ-эр, какой-то буфер на тарелке сует. А мне такая закуска не по нутру! — загремел Храпчук.

Он говорил без умолку, часто поднимался с табурета и, заложив за спину руки, тяжелыми шагами прогибал старые половицы. Тимофей Ефимович, с газетой в руках, попытался что-то прочитать вслух, но Храпчук заглушил его:

— Пишут, а я не верю! Сердце мое не принимает!

Костя молча наблюдал за отцом и Храпчуком. Отец спокойно снял очки, потянулся к кожаному футляру. Машинист сел к столу, раздраженно схватил вилку и продолжал:

— Ты, Тимофей, партиец и я партиец, только соображения у нас разные. Ты принимаешь буфер, а я не признаю его! И не успокоюсь до тех пор, пока с красного флага не сорвут синей заплатки. Не могу иначе.

Старик сильно постучал черенком вилки по столу, стаканы задребезжали на блюдцах.

— Не читай мне газету! Все равно не пойму! Может, шарики перестали работать...

Споры отца с Храпчуком Костя слышал не раз и знал, почему так волнуется старый машинист.

Квадрат синей материи на красном флаге был причиной всех тревог Николая Григорьевича Храпчука. В 1905 году он состоял в боевой дружине местного паровозного депо и хранил ее шелковое знамя, вышитое женами мастеровых. Царский палач — генерал Ренненкампф подавил восстание. Знамя же Храпчук спрятал в огромной иконе Николая-чудотворца, которая висела в часовне. В 1917 году машинист принес красное полотнище на демонстрацию по случаю свержения царя. Осенью 1918 года советская власть в Забайкалье временно пала, и Храпчук закопал знамя на кладбище. В дни разгула семеновщины он пустил свой маневровый паровоз —«компашку» — с двумя платформами камня на воинский эшелон белых и ушел к партизанам. После победы Николай Григорьевич откопал знамя, принес его на могилу павших бойцов и дал клятву сохранить святыню революции ничем не запятнанной. Теперь он и слышать не хотел о том, что флаг Дальневосточной республики должен быть не чисто красным, а непременно с синим квадратом у древка...

Храпчук свирепо отхлебнул холодного чаю.

— Не сойдемся мы с тобой, Тимофей! Не нужен России буфер, это мое последнее слово!

— Не то говоришь, Николай! — Отец свернул газету, положил ее на стол. — Ты железнодорожник, всю жизнь на поездах, и тебе пора знать, зачем у вагонов буфер...

— Да уж как-нибудь разберусь, — усмехнулся машинист.

— А мы сегодня уже разобрались! — сказал Костя.

— Ну-ка, ну-ка! — обрадовался Храпчук. — Втолкуй, Костик, своему батьке, почему нам кисло приходится при Дэ-вэ-эрии!

Встретив одобрительный взгляд отца, Костя встал с сундука, по школьной привычке поправил ремень, одернул рубашку.

— Нам на уроке Лидия Ивановна насчет буфера объяснила...

И он рассказал, как Дальневосточная республика, поставленная подобно буферу между Советской Россией и Японией, сдерживает столкновение двух государств. Храпчук от удивления заморгал густыми ресницами.

— И ты, Костик, против меня? Ай да смена! Удружил, нечего сказать!

Отец, закусив ус, лукаво поглядывал то на сына, то на машиниста.

— Что теперь скажешь, сосед? Неужели непонятно?

Старик крякнул, пощипал седеющую бороду, в которой застряло несколько хлебных крошек.

— Так-то оно так, но ты тоже век свой на поездах проводишь и знаешь, как оно бывает... Буфер, конечно, сдерживает, а крушения все-таки случаются.

Отец снова потянулся за газеткой.

— Я же тебе читал... Кто ведет этот поезд? Ленин! Не будет крушения!..

Костя внимательно слушал отца.

— Ты погоди! — старик поднялся с табурета. — А если поперек пути...

Стук в окно прекратил затянувшийся спор. Кондуктора Кравченко вызывали в очередную поездку.

— С каким ехать? — спросил отец вызывальщика.

— С воинским! — послышалось за окном.

«В Читу, значит!» — понял Костя. Отец начал собираться. Потом он ушел вместе с Храпчуком. Костя взял учебник, вылез в открытое окно и сел на согретую солнцем завалинку.

В тот же час по бровке железнодорожного полотна, заложив руки за спину, шел коренастый паренек. На его старой, простреленной дробью фуражке красовался темно-синий цветок ургуя. Большие солдатские сапоги его мягко ступали по песку и гальке. Он насвистывал «Вихри враждебные веют над нами».

День уже перевалил на вторую половину, но солнце, медленно подвигаясь на ночлег к дальним сопкам, хорошо согревало землю. Стояла на редкость сухая и теплая осень. Близился к концу октябрь, а надоедливых и холодных дождей еще не было.

Колонна по ремонту пути, в которой работал этот похожий на монгола юноша, сегодня обедала на южном

склоне горы. Люди сидели в кустах багульника с набухшими, как весной, почками. В овраге, у говорливого ручья, они видели молодую зеленую травку.

Паренек снял фуражку, убедился, что цветок на месте, и снова осторожно надел ее, придерживая за помятый козырек. Ему хотелось принести редкую находку домой, ведь ургуй — забайкальский подснежник — видеть осенью не всякому доводилось. Молодой путеец прибавил шагу, продолжая насвистывать песню. С высокой насыпи ему были видны бесшумно бегущая на восток река, ее широкий правый берег, уставленный зародами сена, уходящая вдаль громадина хребта. Насыпь примыкала вплотную к горам, на них, среди зеленых даурских сосен, мелькали березки в желтых и осины в красных накидках, еще не ощипанных ветрами.

— Красота! — проговорил пешеход и остановился.

Он снял брезентовые дырявые рукавицы, улыбаясь, подбросил их над головой. Одна шлепнулась на междупутье, другая залетела в кювет. Парень поднял с бровки камень в виде плитки, со всей силой кинул его и прислушался. За кустами тальника булькнуло: камень попал в реку. «Эх, надо бы еще что-нибудь сделать. Ну, хотя бы на скальном выступе размашисто начертить фамилию! Пусть пассажиры, выглядывая из окон, видят ее. Пусть они знают, что живет на свете Васюрка Чураков. Но где возьмешь краски?! Э, можно и по-другому сказать о себе!» — И парень присел на корточки, набрал горсть камешков и между рельсов, на шпале, старательно выложил большие буквы: В. Ч. Он засмеялся, подумал: «Читайте, черти!»

Из-за поворота донесся паровозный гудок. Васюрка подобрал рукавицы и бросился к маленькому, оголенному кусту черемухи. Паровоз «Овечка»*, тяжело пыхтя, выбрасывая пар, весь содрогаясь, тащил штук двадцать вагонов. Теплушки были открыты, в широких дверях стояли и сидели народоармейцы, до Васюрки долетали обрывки песен... Промелькнул хвостовой вагон, за ним погналась большими клубами пыль...

На небольшом мосту с красными фермами Васюрка остановился, посмотрел вниз. С горы под мост бежал

*«Овечка» — так в шутку называли паровоз серии ОВ.

шумливый ручей, сквозь прозрачную воду виднелось усеянное камнями дно... Знакомый мост. Часто ходит по нему молодой Чураков и всегда здесь вспоминает одно и то же.

Два года тому назад, в такую же солнечную осень от Байкала на восток отступали малочисленные отряды Красной гвардии. По пятам за ними следовали белочехи. На станции тогда состоялся митинг. Шныряя среди взрослых, ребятишки узнали, что речь произносит сам Сергей Лазо. Запомнились его слова: «Мы еще вернемся, товарищи!» Лазо отходил последним с маленькой группой красногвардейцев. Он и взорвал этот мост... А летом 1919 года вон на том песчаном мыске, где ручей впадает в реку, семеновцы и японцы зарубили деповского слесаря Филиппа Кузнецова. Эх, дядя Филя! Только парнишки из поселка Заречье знали, что ты значил для них... Теперь по мосту проходят эшелоны с народоармейцами. Они тоже идут от Байкала на восток...

На станции Васюрку окликнул молодой телеграфист Уваров.

— Читай, бравый кавалер, да скорей, я в комитет большевиков бегу!

Телеграмма заставила Васюрку подпрыгнуть. Забыв о цветке, он теперь не шел, а бежал в Заречье, громко выкрикивая встречным:

— Читинскую пробку вышибли! Сам атаман Семенов удрал на аэроплане!

Васюрка свернул в переулок к дому Кравченко. Во дворе снял фуражку, и, размахивая ею, закричал:

— Ур-ра! Наша берет!

Еще не зная причины Васюркиной радости, Костя поднял цветок, упавший ему под ноги с фуражки товарища, положил его вместе с книгой на подоконник и только тогда спросил:

— Чего кричишь, как угорелый?

— Наши Читу взяли! — еще громче завопил Васюрка, нахлобучивая замасленную фуражку.

Костя вскочил с завалинки, завертелся вьюном вокруг Васюрки, хлопнул его по спине.

— А как по-твоему, будет теперь советская власть?

Васюрка сдвинул фуражку на лоб, поскреб заросший затылок и пожал плечами. Потом водворил фуражку на место. Так делал машинист Храпчук, когда не знал, что

сказать. А с некоторых пор Васюрка явно подражал старику, начал ходить заложив руки за спину, даже не застегивал на рубашке верхней пуговицы. Второй год Васюрка работал подбойщиком шпал, и ему очень хотелось походить на взрослого.

— Здравствуйте, мальчики!

Ребята оглянулись. Над забором торчала голова Веры Горяевой Костя приветливо помахал рукой.

— Айда сюда!

Девушка спрыгнула с забора. Васюрка смерил Веру взглядом. «Ишь ты, как вымахала за лето, чуть не с меня вытянулась! Только больно уж тощая. Таловый прут!»

— О чем у вас разговор? — спросила Вера, подавая одну руку Васюрке, а другой закидывая за плечо белую косу. — В кедровник собираетесь?

— Какой там! — протянул Васюрка и деловито сплюнул. — Все про Дэ-вэ-эр толкуем. Знаешь, наши Читу захватили!

— Но-о! — воскликнула Вера. — Значит, рыжий Кузя не зря частушку сочинял? Помните, мальчики...

Приплясывая, она пропела:

На горе стоит избушка,
Внучка с бабушкой живет.
Скоро-скоро атаману
По заслугам попадет!..

— Хватит пылить, плясунья, мы и так видим, что у тебя новые чирки!* — сказал Костя.

Девушка схватила его за руку и потянула к завалинке. — Посидим, ребята!.. А я к тебе, Костя, по делу! Совсем забыла, есть у нас завтра химия?

«Хитрит Горяиха, — подумал Васюрка, наблюдая за тем, как она просто обращается с Костей. — Пришла на него поглазеть»...

Калитка с грохотом распахнулась, и перед компанией предстал небольшого роста, загорелый Ленька Индеец. На нем старая казачья фуражка с желтым околышем, японский китель соломенного цвета, армейские штаны-

* Чирки — женская обувь без каблуков, изготовленная из юфтевой кожи.

галифе и забайкальские ичиги.* Под мышкой Ленька держал стопку книг, перевязанную узеньким ремешком. Ходить в седьмой класс с холщовой сумкой, залитой чернилами, он уже считал позорным.

— Слыхали? — закричал он, тяжело дыша после бега.

— Это про Читу? Нет, не слыхали! — весело ответил Васюрка, предвкушая, как сейчас Ленька начнет привирать.

— Я так и думал! — вдохновенно заговорил Ленька. Он положил на землю книги, расстегнул китель. — Знаете, как атаман Семенов из Читы улепетывал? Выкинули его партизаны из дворца, он и сиганул в степь! К аэроплану! Наши за ним! Он, значит, завел мотор — наши за ним! Он в небо...

— Наши за ним! — добавил Костя под смех Веры и Васюрки.

— Погодите вы! — Ленька перевел дух, облизал пересохшие губы. — Наши из всех стволов ка-ак пальнут, сразу в левом крыле пять пробоин!

— Ты считал? — серьезно спросил Васюрка.

Рассказчик не смутился.

— И считать нечего, меньше не бывает!.. Жалко, что не в мотор влепили, тогда бы каюк атаману!

— Ты лучше скажи, где Пронька и Кузя? Вы почему не вместе? — спросила Вера.

— А вы не слыхали?—Ленька снова загорелся. — Это я из-за атамана чуть-чуть не забыл. Они же записались в этот, как его... в соучраб, ну, в союз учащейся и рабочей молодежи. После уроков на танцы остались. У них сегодня по программе разучивают... падеспань!

На этот раз Ленька Индеец говорил сущую правду. Вера, Костя и Васюрка недоуменно переглянулись.

— Что же они нам ничего не сказали!? — возмутилась Вера. — Может, в этот соучраб и записываться-то не надо!

— Конечно, не надо! — твердо произнес Васюрка. — На наш околодок приходил из депо слесарь Митя Мокин. Знаете, такой высокий и здоровый, в старой солдатской шинели. Он доклад делал: «Текущий момент». Митя го-

---

* Ичиги—мужская обувь, изготовленная, как и женские чирки, из юфтевой кожи.

К стр. 16.

ворил, что в Совроссии рабочая молодежь идет в комсомол. У нас четверо записались, я тоже думаю. А что? Уж комсомол-то наверняка за советскую власть!

Вера вздохнула.

— Страшновато записываться... Бабушка Аничиха говорит, что на всех комсомольцах антихрист свою печать ставит.

— Ой! — вскрикнул Ленька Индеец, ударяя себя по лбу. — Чуть-чуть не забыл! Сегодня же в нардоме собрание всей молодежи. Пойдем, ребята?

— Ты-то куда собираешься? — удивился Костя. — Вот мы с Верой в восьмом классе, нам по шестнадцать стукнуло, Васюрке — тоже, а тебе и полных пятнадцати нет.

— Ишь ты какой красивый! — обиделся Ленька, застегивая китель на все пуговицы. — Проньке и Кузе тоже полных пятнадцати нет, а их записали в соучраб. Химоза сказал, что семиклассникам можно приходить!

Первым с завалинки поднялся Васюрка.

— Я после работы еще ничего не шамал.. В нардом все вместе пойдем!

Он направился к воротам. Ленька поднял с земли связку книг и пошел следом. Хлопнула калитка.

Костя огляделся, пригладил пятерней вихор, взял с подоконника цветок и протянул его Вере.

— Ой, Костя! Откуда у тебя ургуйка? Разве сейчас весна?

Костя почувствовал, что уши у него полыхают огнем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТАНЦЫ В НАРДОМЕ

Пронька и Кузя не пришли из школы. Не дождавшись их, Вера, Костя и Васюрка отправились в народный дом. Ленька Индеец, боясь, что ребята не возьмут его с собой, убежал туда раньше.

Собираясь на первое в жизни собрание молодежи, заречецы принарядились, как могли.

Васюрка надел оставшиеся после смерти отца черную шляпу и светлый чесучовый пиджак. Праздничных брюк и сапог в семье Чураковых не было, пришлось обойтись

старыми, в которых Васюрка ходил на работу. Для пущей важности он прихватил отцовскую деревянную трость с головой дракона вместо ручки.

Костя нарядился в кондукторскую фуражку, специально для него укороченный форменный казакин, в сшитые матерью штаны из холщового мешка и в большущие американские ботинки. Их подошвы были окованы железом. Дома эти ботинки называли кандалами: они весили восемь фунтов.

Перетянутый ремнем долговязый Костя казался еще выше. Мать, закрывая за ним калитку, подумала: «Вот вымахал, того и гляди ветер сломает его пополам»...

Вера была в ситцевом платье. На ее худенькие плечи наброшена старая курмушка, на ногах белые, домашней вязки шерстяные чулки и чирки с цветными шнурками. Голову ее украшала уже успевшая немного завянуть ургуйка. Увидев цветок, Васюрка покосился на Костю, но ничего не сказал...

В широких окнах нардома тускло мерцали огни, из форточек на улицу вырывались звуки вальса «На сопках Маньчжурии».

— Это струнный оркестр нашей школы наяривает!— сказал Костя, прислушиваясь.

Молодежи собралось много, везде было шумно. Зареченские остановились в коридоре, чтобы оглядеться.

Перед входом в зрительный зал висел, написанный химическими чернилами на склеенных тетрадных обложках, лозунг: «Хочешь быть культурным — запишись в соучраб».

Васюрка прочел вслух, пожевал толстыми губами.

— Попадись к ним в сети — не выберешься!

Из комнаты заведующего нардомом вышли два парня. Один из них держал в руке молоток, а зубами зажимал несколько небольших гвоздей. Другой нес лист старой фанеры, на котором обычно сообщалось о спектаклях драмкружка. Молодежь расступилась, пропуская парней. Васюрка сообщил своим товарищам:

— Вот тот здоровый, с молотком — это Митя Мокин, вождь комсомола. Ух и сильный! Одного ударит — пятеро падают! Он кочегаром на паровозе работает. А второй, чернявый — слесарь, его зовут Федя-большевичок.

— Почему большевичок? — удивился Костя.

— Он в партизанском отряде был! У него привычка такая — как начнет речь говорить, так обязательно скажет: «Мы — большевики»...

Парни прибили лист фанеры. С него глядели слова, написанные желтой охрой:

> ***„Товарищи ученики, пролетарии!***
>
> ***Знайте же, что с вами учатся и те, которые мечтают и грезят наяву о юнкерской плеточке, о светлых офицерских погонах.***
>
> ***Прежде чем вступить в соучраб, подумайте, куда вы идете и с кем вы будете вместе!***
>
> ***Ваше место в комсомоле!"***

Прочитав новое объявление, Вера на миг съежилась и закрыла глаза. Юнкерская плеточка напомнила ей страшную картину лета прошлого, 1919 года... Она ходила к поездам продавать цветы. Однажды около воинского эшелона предлагала красные саранки. Услышав слово «красные», пьяный семеновский офицер ударил ее нагайкой. Японский солдат схватил Веру за руку и волоком утащил к станционному палисаднику. Там и нашел ее Ленька Индеец. Он позвал машиниста Храпчука, и старик унес Веру домой. Кроваво-синий рубец на спине долго не заживал...

— Эх, а Пронька и Кузя записались в этот соучраб! — всполошился Костя.

— Ничего, мы их за уши вытащим, — успокоил Васюрка.

В фойе заиграл оркестр. Ребята пошли туда и остановились в углу около печки. Просторная комната казалась мрачной оттого, что не хватало света. Небольшая лампа, укрепленная на стене, светила только оркестру, а танцующие пары плавали в полумраке.

— Смотрите, вон Кузя! — Васюрка указал тростью на середину круга.

Кузя держал за руку белокурую старшеклассницу и

старательно выделывал па. Ученица, как видно, была более опытным танцором, она все время что-то объясняла Кузе. Вот пара приблизилась, стало слышно, как ученица подпевает в такт танца:

Падеспань—это простенький танец,
Его очень легко танцевать!..

— Рыжий! — закричал Васюра и помахал шапкой.

Узнав своих, Кузя заулыбался, затряс головой — дескать, не могу бросить барышню — и потерялся среди танцующих.

Вера заметила Проньку. С танцем у него не ладилось, он неуклюже прыгал около хохочущей партнерши, наступал ей на ноги своими ичигами. Когда его окликнули, он с радостью бросил партнершу и выскочил из круга.

— Невежа! — крикнула она вдогонку.

— Чем вы тут занимаетесь? — строго спросил Костя Проньку.

А Вера добавила:

— Дома отец и мать с ног сбились, ищут его, а он, на тебе, прыгает как козел!

Смущенный Пронька вытер рукавом потное лицо.

— Кузя меня сманил. Давай, говорит, запишемся, пускай наши позавидуют, что мы раньше их успели.

— Отхлестать бы вас вот этой палкой! — Васюрка сунул Проньке под нос голову дракона с раскрытой пастью.

— Да я что! Я ничего! — забормотал Пронька. — Я завтра же выпишусь обратно.

— Вот подожди, отец задаст тебе трепку, — не унимался Васюрка, ища глазами Кузю. — Еще бы вот этого рыжего на расправу вызвать!

Кто-то положил Косте руку на плечо. Оглянувшись, он увидел Федю-большевичка. Тот кивнул ему. Они вышли в коридор, где было меньше толкучки. Федя негромко сказал:

— На тебя мне Усатый указал... В оркестре есть кто-нибудь из вашего класса?

— Есть девчонка, она с Верой на парте сидит.

— С какой Верой?

— Тут одна наша бывшая подпольщица!

— А больше знакомых нет? — допытывался Федя.

— Надо найти Леньку Индейца, он знает того, который на мандолине играет.

— Что это за Индеец?

— Загорелый! Как голенище. Одни зубы блестят. Его Индейцем зовут. Тоже наш!

— Индейца возьмем, пригодится! Важное дело я тебе скажу...

Костя, слушая, разглядывал Федю-большевичка. Небольшого роста, крепко сложенный, немного кривоногий. Лицо смуглое, глаза черные, волосы кудрявые, падают колечками на лоб.

— Соучрабовцы развели тут мелкобуржуазную стихию, — говорил Федя, кивая на фойе. — Надо сорвать эти танцульки. Ты еще не комсомолец?

— Нет! А можно? В нашей школе нет комсомольцев...

— Можно, браток! Твой отец известный... Так вот! Пусть Индеец скажет тому с мандолиной, что дома несчастье... Понял?

— Ага!

— Действуй! Я еще кого-нибудь найду вам в помощь!

— Постой! — Костя задержал Федю за рукав. — Наши двое сегодня записались в соучраб, что с ними делать?

— Расстрелять на три года огурцами! — Федя засмеялся и сейчас же перешел на серьезный тон: — Они промашку дали по своей сугубой несознательности. А делать с ними ничего не надо. Скажи им, чтобы не ходили в соучрабовскую лавочку. К пролетариату пусть примыкают... Я побежал!

Костя вернулся в фойе и сказал Вере о просьбе Феди-большевичка, она понимающе кивнула и скрылась в толпе. Васюрка продолжал распекать Проньку. Косте стало жалко паренька.

— Ничего, Проха, — сказал он, — это у тебя от сугубой несознательности. В соучрабовскую лавочку больше не заглядывай. Ты лучше вот что сейчас сделай...

Костя рассказал, как следует сыграть штуку с каким-нибудь музыкантом. Пронька сразу повеселел, шмыгнул носом и молча удалился. Костя поручил Ва-

сюрке найти Леньку Индейца, а сам остался у входа в фойе...

Передние скамьи зрительного зала заняла большая группа учащихся. Перед ними суетился низенький и толстый, совершенно лысый мужчина. Это был церковный регент. Васюрка не знал, что соучраб создал в школе хоровой кружок, и пригласил регента. Вместо платы за руководство кружком, соучраб обещал ему побольше привлечь учащихся в церковный хор. Ленька сидел среди хористов, внимательно слушал регента. Васюрка толкнул Леньку в спину и указал взглядом на дверь. Ленька нехотя поднялся, думая, что его собираются вывести из нардома, как малолетнего. Подошли к Косте.

— Получено задание от комсомола. Выполнишь?

Ленька решил, что над ним смеются.

— Костя, не будь графом Трепачевским!.. Мне нет полных пятнадцати!

— А ты постарайся!

Узнав, в чем состоит задание, Ленька заулыбался. Как раз в фойе умолкла музыка. Ленька начал пробираться к оркестру. Знакомый ему музыкант-одноклассник стоял у окна и настраивал инструмент.

— Я тебя целый час ищу! — закричал Ленька, изображая на своем лице ужас. — А ты тут тренькаешь на своей балалайке.

— У меня мандолина!

— Все-равно трынди-брынди! Твой отец ногу сломал! Беги скорей, поворачивайся!..

Музыкант кинулся к выходу, размахивая мандолиной. В зрительном зале слаженно запели:

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он...

Молодежь повалила в зал. Ленька тоже хотел пойти послушать, но увидел в фойе незнакомого ученика с гитарой, подбежал к нему и о чем-то заговорил, сильно жестикулируя руками. Гитарист заторопился в коридор. Это была Ленькина жертва сверх задания. А хор продолжал песню...

О прошлых днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
Бом-бом, бом-бом...

В другом конце зала собралась деповская ячейка комсомола. Федя-большевичок приглашал всех, кого считал надежным. Спешно создавался комсомольский хор. Костя, Вера и Васюрка тоже попали в число хористов. Митя Мокин решил подставить ножку церковному регенту.

Вечерний звон еще разливался по нардому:

Где с нею я, навек простясь,
Услышал звон последний раз...

Федя-большевичок тряхнул кудрями и сильным голосом затянул:

О чем толкует нам буржуй?
О чем толкует нам буржуй?

Тут Федя ткнул пальцем в сторону Мокина. Митя громко пропел:

На революцию наплюй!
На революцию наплюй!

По взмаху Фединых рук все подхватили задорный припев:

Станцуем карманьолу,
Пусть гремит гром борьбы!
Эй, живей, живей, живей
На фонари буржуев вздернем!
Эй живей, живей, живей!
Хватило б только фонарей!

Эту песню с французским названием «Карманьола» недавно привез из Советской России станционный телеграфист Уваров, и она быстро пошла гулять по поселку.

Федя снова запел:

О чем толкует меньшевик?
О чем толкует меньшевик?

Отвечая ему, Митя Мокин широко раскрыл рот и тряс подбородком...

Я к диктатуре не привык!
Я к диктатуре не привык!..

Хористы исполнили припев о вздернутых на фонари буржуях

К комсомольцам подошел учитель Химоза. Он был в черной диагоналевой тройке, белой сорочке с галстуком-бабочкой, лакированных туфлях. Маленькие черные усики и пенсне со шнурком делали его похожим на актера, которого молодежь часто видела в комедиях на экране киноиллюзиона.

— Это хорошо, что вы поете. Но зачем же, друзья мои, вносить разнобой и нарушать гармонию. Подходите к нашему кружку и споем вместе, у нас прекрасный руковод

— От вашего руковода пахнет ладаном!—огрызнулся Митя Мокин.

Химоза развел руками.

— Я не понимаю, зачем такой тон... Видите ли, в чем дело...

К нему подбежал ученик, сын начальника лесничества, с балалайкой в руке.

— Геннадий Аркадьевич, мы не можем продолжать танцы: оркестр разбежался.

— Как разбежался? Что вы такое говорите?!

— Никого не могу найти! Я остался один!

Химоза и балалаечник скрылись в фойе.

— Хорошо сработала братва! — сказал Федя, подмигивая Мокину.

Если поверить Леньке Индейцу, Вере Горяевой и всем, кто выполнял задание Феди-большевичка, то в этот вечер во многих семьях оркестрантов появились калеки: двое отцов сломали ноги, одна мамаша опрокинула на себя самовар, чей-то дедушка вывихнул руку, а чья-то сестренка упала в колодец. План Мити Мокина удался...

Заметив, что регент поднял перед своим хором руки, Федя повел «Карманьолу» дальше:

О чем толкует нам эсер?
О чем толкует нам эсер?

Подбежал рассерженный Химоза.

— Прекратите неорганизованное пение! Будем начинать собрание!

Так и осталось неизвестным, о чем толкует нам эсер...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

„ДАЕШЬ КОМСОМОЛ!"

Большая висячая лампа с закопченным стеклом мигала и потрескивала, бросая слабый свет на средние скамьи, а первые и последние оставались в полумраке. Сторож нардома, маленький старичок в брезентовой куртке и в заплатанных валенках, ухватившись за один край большого стола, тянул его из-за кулис на сцену. Стол бороздил ножками, стонал и скрипел. Таким же образом сторож вытащил скамью без спинки, затем, шаркая валенками, вынес и поставил на ничем не покрытый стол маленькую жестяную лампу. Немощные блики заметались на лицах людей в первом ряду.

Химоза постучал карандашом о столешницу.

— Сегодня мы собрались, чтобы объединиться в одну дружную семью союза учащейся и рабочей молодежи. Мне поручено открыть это собрание...

— Кем поручено? — послышалось из темного угла зала. Костя узнал по голосу Блохина из комитета большевиков.

— Прошу не перебивать! — резко ответил Химоза, перегибаясь через стол, чтобы разглядеть, кто задал вопрос. — Да... В президиум желательно избрать следующих...

Он назвал фамилии двух учащихся и свою. Тотчас же со скамьи поднялся и подошел ближе к сцене Блохин.

— Почему в президиуме только учитель и ученики? Здесь присутствуют молодые рабочие депо, бывшие красные партизаны. От них я предлагаю Дмитрия Мокина и Федора Комогорцева.

На многих скамьях одобрительно зашумели.

— Ну что же, — деланно заулыбался Химоза, — мы всегда рады мастеровому люду. Прошу за один стол с нами!

Ученики вышли из-за кулис, они были уже наготове,

а Мокин и Федя-большевичок запрыгнули на сцену из зала.

— Итак, есть предложение, — Химоза вдруг начал торопиться и зачастил, как пулемет, — создать в поселке одну организацию союза учащейся и рабочей молодежи, принять программу ее культурной деятельности...

Высокого роста, угловатый в движениях, Митя Мокин встал за столом рядом с Химозой и тронул его за плечо.

— Я согласен с тобой только наполовину! — зычно сказал он.

— Что это значит? — Химоза кинул на Мокина настороженный взгляд. При резком повороте головы пенсне учителя свалилось с переносицы и закачалось на шнурочке.

Мокин подождал, пока Химоза установит на место свои стекляшки в золотой оправе, и, касаясь широкой ладонью его плеча, ответил:

— Вот что это значит... В настоящий текущий момент я тоже согласен создать в поселке одну-единственную организацию, но требуется поставить вопрос ребром насчет названия. Назовем ее так: ячейка Российского коммунистического союза молодежи. Разобъясняю короче — комсомол!

Зал всколыхнулся. Крики одобрения и протеста слились в общий гул. На одних скамьях кричали «Даешь комсомол!», на других: «Безобразие! Никакого комсомола!» Химоза стукнул по столу маленьким белым кулачком. В зале все увидели, как при взмахе его руки на одном из пальцев сверкнул молнией дорогой камень в перстне. От удара лампа подпрыгнула, сразу закоптила.

— Сядьте, я вам слова не давал! — надрывался Химоза.

— Какое там слово! Дай ему, Митя, по очкам! — закричал кто-то в последних рядах.

Мокин склонился над лампой, убавил фитиль. Огненный язычок перестал дергаться и выбрасывать копоть. Передвинув лампу на другой конец стола, Мокин обратился к учителю.

— Так что же ты хочешь, милый человек?

— Вы не меня, вы молодежь спросите! — Химоза вы-

тянул руку в сторону зала. — Молодежь хочет создать соучраб!

— Совершенно отнюдь! — громко и спокойно возразил Мокин.

Такую фразу произносил матрос — герой пьесы, поставленной недавно комсомольцами в нардоме. Роль матроса исполнял Мокин, сейчас ему и пришли в голову эти слова.

— Уходите отсюда со своим комсомолом! — заверещала в первом ряду дама в шляпке.

Мокин погрозил ей пальцем.

— Не бузить! Я все разобъясню!.. В настоящий текущий момент мы должны перевернуть старый мир вверх дном. Будем строить новый. Кто будет строить? Третий Коммунистический Интернационал, а комсомол у него вроде подмастерья. Никакой соучраб тут не справится, программа у него жидкая...

Мокин говорил, переступая с ноги на ногу. Продвигаясь постепенно вправо, он вытеснял из-за стола Химозу.

— Я хочу спросить, — Васюрка поднял трость, чтобы его заметили из президиума. — Соучраб за какую власть стоит?

Оказавшийся у края стола Химоза пожал плечами.

— Странный вопрос! Соучраб стоит за культурное воспитание молодежи. Вам понятно, товарищ?

— Нет, не понятно! — отозвался Васюрка. — Я думаю, что вы за атамана Семенова, а он в Маньчжурию удрал.

— Это же провокация! — возмутился Химоза.

— Хулиганы! — затопала в первом ряду нарядная дама.

— Не бузить! — прикрикнул на нее Мокин. — Никакого хулиганства я не вижу. Вопрос поставлен ребром.

Он повернулся к Химозе.

— Вам все равно какая власть, лишь бы танцы были!

— Ну, знаете ли! — Химоза хлопнул себя по бедрам. — Мы вас не звали, зачем вы сюда пришли?

— Я уже разобъяснял: создавать ячейку комсомола!

Химоза со злостью бросил на стол карандаш.

— У нас не должно быть никакого комсомола. Если вам надо, создавайте у себя, а нам не мешайте!

Схватив карандаш, он ткнул им Мокина в грудь.

— Вы необразованный человек, вы не в состоянии понять, что несет революция для народа. Революция дала право на создание союзов. Мы не хотим состоять в одном союзе с комсомолом. Не хотим!

Химоза затряс головой, пенсне его опять соскочило с насиженного места и закачалось на шнурке.

— Я протестую! Я...

На секунду он утих, быстрым движением вскинул на нос пенсне и подошел к суфлерской будке. Перед ним в зале колыхалось людское море.

— Всех вас, вот эту разношерстную массу, хотят загнать в один союз с отпугивающим названием «коммунистический». Пустая, я бы сказал, глупая затея!..

— Мели, Емеля, твоя неделя! — бросил ему в спину Мокин.

Химоза говорил, слегка расставив ноги и медленно потирая ладони, словно он катал ими хлебный шарик. Костя из зала наблюдал за учителем. Как будто он в классе ведет урок. Те же манеры держать себя, только здесь в его словах много злости...

— Возьмем такой пример. У вас в комнате стоит ваза с цветами. Какой красивый букет! Но это лишь на первый взгляд. Вы даже не догадываетесь, что происходит в вазе, куда собраны разные, пусть и прелестные, цветы. Я могу вам объяснить... Конечно, не разобъяснять, как выражается руководитель местного комсомола. Так вот...

Химоза посмотрел на свои ладони, о чем-то раздумывая, и принялся снова катать невидимый шарик.

— Розу называют нежным цветком любви. А на самом деле она убийца. Окажись вместе с ней в вазе резеда, роза разгневается и через полчаса ее противница уронит свои головки. Но и царица цветов при этом долго не живет. Смертоносные капли резеды, падая с ее стебельков в воду, губят розу... Пойдем дальше. Всем вам знаком белоснежный ландыш. Однако он не так прекрасен, как кажется. Ландыш ненавидит все весенние цветы. Попадая к ним, он испускает страшной силы запах и убивает их. Нарцисс хорош, пока не оказался вместе с незабудками. Голубые и привлекательные, они гибнут от такого соседства... Но хватит примеров. Я думаю, что вывод напрашивается сам собой: не собирайте

разные цветы в одну вазу, не объединяйтесь в один союз, если вы не одинаковы!..

Дама в шляпе восторгалась:

— Браво, браво, Геннадий Аркадьевич!

— Напустил туману! — крикнул с места Васюрка.

К сцене, прихрамывая на правую ногу, подошел Блохин.

Нарядная дама крикнула ему:

— Здесь собрание молодежи, а не бородатых и усатых мужиков!

Блохин поклонился ей.

— И, конечно, не перезрелых дам! Вы-то как сюда попали?

— Я забочусь о воспитании собственной дочери! — Левая рука дамы опустилась на голову сидящей рядом девушки.

— А я забочусь о воспитании всей молодежи! — Блохин обвел рукой сидящих.

— Кто это возложил на вас такую великую миссию, разрешите спросить? — все более раздражалась дама.

— Партия большевиков! Ясно?

— Не лезьте не в свое дело! — прогудел регент.

Блохин повернулся к руководителю хора.

— И вы ту же песню поете! Зачем сюда пожаловали?

— Геннадий Аркадьевич пригласил меня по делам службы! — Регент указал на Химозу.

— Какому же богу вы сегодня служите вместе с Геннадием Аркадьевичем? — усмехнулся Блохин. — Можете не отвечать! Знаю! Эсеровскому!

Химоза выбежал на край сцены, нагнулся к Блохину, роняя пенсне.

— Как председатель данного собрания, я запрещаю вам выступать! Вы не просили слова!

Блохин весело потеребил свою клинообразную бородку.

— Председатель должен сидеть за столом, а не бегать по сцене козлом!

В зале засмеялись. Химоза попятился к столу.

— Поддай им, Усатый, жару!

Многим было известно, что Блохин — старый большевик и в годы семеновщины возглавлял в поселке подпольную организацию, работая под кличкой Усатый.

— Революция дала нам право иногда не просить слова, а брать его, — спокойно отпарировал Блохин. — А кто не хочет меня слушать, тот может уйти. Существует и такое право!

— Долой Усатого! — крикнул какой-то юноша и спрятался за спину регента.

Блохин поднялся на сцену.

— Криками меня не запугаешь. Пусть запомнят это молокососы и те, кто их учит! Но не будем отвлекаться от главного... Перед собранием комсомольцы пели да не допели, о чем толкует нам эсер. О чем толкуют Геннадий Аркадьевич и иже с ним?

В зале раздался гневный выкрик Кости Кравченко:

— Эсеры в Ленина стреляли отравленными пулями!

— Это их работа! — подтвердил Блохин. — Но они действуют не только револьверами. У них слова пропитаны ядом. Вас, молодых, они убаюкивают красивыми словами, уводят от классовой борьбы, тушат в вас революционный пыл, хотят превратить вас в безропотных и бессильных...

— Крой их, Усатый, по самое некуда! — шумел за столом Митя Мокин.

Химоза дернул его за рубаху.

— Научитесь вести себя в обществе!

— Научусь, когда всех врагов расколошматим!

Шум скоро утих, и голос Блохина гулко разносился по залу.

— И учитель, и регент, и нервная особа в шляпе — все они агитируют за соучраб. Впрочем, не только они! Вот в президиуме сидит сынок члена правления общества потребителей Кикадзе. Папаша — меньшевик, сынок его подпевала. В этой же компании аптекарь и другие. Они, конечно, тоже за соучраб, против комсомола. А почему? В соучрабе только и слышишь: «Мы за расцвет культуры». Но соучраб не идет дальше благотворительных спектаклей и хорового кружка. План Геннадия Аркадьевича прост: молодежь должна замкнуться в танцевальном кругу. А борьба не кончена, Советская Россия окружена врагами, еще льется кровь...

— У них сегодня в программе падеспань, — не выдержал Васюрка.

— Я знаю! Они в нардоме танцы затеяли. Смотрите,

мол, как весело живет молодежь соучраба. Приманку придумали. Конечно, кое-кто попадается на эту удочку...

Костя толкнул локтем в бок Кузю, а Вера шепнула Проньке на ухо: «Эх вы, растяпы!»

Уже никто не перебивал Блохина...

— Я вам прямо скажу, друзья. В комсомоле труднее. В соучрабе танцы, а в комсомольской ячейке военные занятия, все комсомольцы—бойцы. Кто не может держать винтовки, того ячейка не принимает...

«Я удержу, — подумал Ленька Индеец, — только бы дали, а то скажут, что нет полных пятнадцати».

Слова о винтовке тронули и других зареченских ребят. Костя знал, что отец вступил в партию большевиков, он принес домой партбилет и винтовку. Костя однажды в лесу пробовал стрелять боевыми патронами. Здорово толкало в плечо, но зато с винтовкой чувствовал себя в сто раз сильнее. Вера волновалась по-своему: «А вдруг тяжелая, как ее носить? Когда стреляешь, наверное, надо закрывать глаза». Васюрка решил твердо: «Вступлю в комсомол, стрелять недолго научиться, из дробовика-то умею, в фуражку на лету попадаю». Кузя сжался комочком. «Прощай, винтовочка, связался с этим соучрабом». Пронька не спускал глаз с Блохина. «В крайнем случае его попрошу, чтобы простили. Винтовки я не боюсь, могу любое задание выполнить...»

— Вчера, как вы знаете, — говорил Блохин, — освобождена Чита, — но враг не добит, винтовка нам еще понадобится, нельзя ее снимать с плеча. И молоток нам нужен и лопата. В тупике за депо и на запасном станционном пути целое кладбище потушенных паровозов и разбитых вагонов. Сколько у комсомольцев работы! Танцевать в соучрабе легко, но, я скажу вам, молодые друзья, никто, кроме комсомола, не защитит интересов рабочей и учащейся молодежи. Идите в комсомол!..

Блохин шагнул к столу.

— Вы, Геннадий Аркадьевич, говорили, что революция дала право на создание союзов. Знаете что... Не для того рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, чтобы буржуазия объединялась в союзы и выступала опять же против рабочих и крестьян!

Химоза ехидно ухмыльнулся.

— Не забывайте, что мы живем не в Совдепии, а в Дэ-вэ-эр!

— Это не навеки! — громко и уверенно произнес Блохин и прыгнул со сцены в зал.

Пока он шел к своему месту, Костя провожал его глазами. «Усатый, наверное, все знает... Раз Читу взяли, значит, и у нас будет советская власть». Над столом президиума закачался Химоза.

— Полагаю, что собрание на этом можно закончить. Поскольку мнения разные, пусть соучраб проведет свое собрание, а комсомол свое. В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань!..

— Не на той дудке играешь! — Митя Мокин отодвинул рукой Химозу от стола. — Не нравится тебе наше собрание — уходи и забирай свое охвостье!

— Это наше собрание, и мы вас не приглашали! — вспыхнул молчавший до сих пор за столом Кикадзе.

Васюрка встал на скамью, повесил на трость шляпу и замахал ею.

— Даешь комсомол!

— Даешь комсомол! — закричали на других скамьях.

— Прекратить собрание! — ревел густым басом регент.

Мокин левой рукой взял лампу, а правую, сжатую в огромный кулачище, опустил на стол.

— Не бузить! В настоящий текущий момент молодежь не может жить без комсомола! Я призываю вас, товарищи, под наше знамя!

Химоза задергал головой, затопал ногами.

— Мы не пойдем под ваше знамя, оно запятнано кровью лучших людей России!

— Что-о? — Митя Мокин огромными и сильными руками сгреб Химозу в охапку, поднес его на край сцены и сбросил в зал. Химоза растянулся на полу, но моментально вскочил и побежал к выходной двери. Федя-большевичок приподнял скамью и перевернул ее вместе с двумя членами президиума. Ученики скрылись за кулисами. В зале засвистели.

— Бей буржуйчиков!

Все повскакали с мест, каждый кричал что-то своё. Регент, часто оглядываясь, грузно прошел к двери, за ним пронеслась дама в шляпе, держа за руку дочь. Десятка два юношей и девушек проследовали за ними. Убегающим дружно улюлюкали. Васюрка кричал:

К стр. 47.

— Катись колбаской!

Митя усиленно стучал по столу.

— Довольно бузы, товарищи!..

Федя-большевичок стоял, уперев руки в бока, и хохотал. Услышав призыв Мокина к порядку, он поставил на ножки скамейку, придвинул ее ближе к столу и сел.

— Крикуны ушли, — заговорил охрипший Мокин.— Мы поганых и близко к своему знамени не подпустим, потому что в песне поется: «Над миром наше знамя веет, оно горит и ярко рдеет, то кровь работников на нем, то наша кровь горит огнем»... Будем толковать о деле. Слесарь Комогорцев хочет поставить вопрос ребром. Высказывайся, Федя!..

Комогорцев уперся обеими руками о колени, быстро встал.

— Не робей, копченый! — подбадривали его из зала комсомольцы и бывшие партизаны.

— Мы, большевики, никогда не сробеем!

Федя говорил звонко, будто пел. И широко жестикулировал, словно дирижировал самому себе. Он безусловно за комсомол. С собрания убежали дети мясников, булочников, чиновников. Они называют себя «золотой» молодежью. А рабочая молодежь, дети железнодорожников — красная молодежь. И надо еще посмотреть, на чьей стороне правда. За что в гражданской войне молодые жизни гибли? В 1919 году семеновские каратели в пади Глубокая окружили партизанскую избушку, в ней было шестнадцать молодых парней поселка. Их выдал предатель, они остались без патронов. Их изрубили и сожгли в избушке. Будь живыми, разве они теперь пошли бы против комсомола? Нет, они стали бы в первые ряды. В партизанском отряде ходил с карабином ученик Шурка Лежанкин, брат красногвардейца. Парнишка голову свою сложил при нападении на семеновский бронепоезд. Какой бы из него комсомолец получился! В зале сидят зареченские ребята, Шуркины дружки. Куда они пойдут? В комсомол или соучраб? Тут и спрашивать нечего — им одна дорога в нашу ячейку...

Кузя, бледный, сидел с закрытыми глазами. Слова Феди-большевичка били ему в самое сердце. Пронька уставился глазами в одну точку, бичевал самого себя: «Почему отца не спросил, послушал рыжего Кузьку».

Комогорцев заканчивал свою речь:

— Мы, большевики, говорим всей трудовой молодежи: подавайтесь в комсомол!

Какая-то ученица подняла руку.

— Девушек в комсомол принимают?

— А как же! — ответил Мокин. — У нас в депо табельщица Клава уже проявила сознательность и записалась.

— Ее отец из дому выгнал! — закричали у дверей.

— Бывают такие темные родители, — объяснил Мокин. — Клава, ты здесь? Что отец-то? Бузит?

Круглолицая, с большими глазами девушка в красной косыночке поднялась со скамьи.

— Бунтует тятька. Вчера пришла я домой поздно, он не спит... Я, говорит, тебе, как отец, по-доброму, по-хорошему советую: «Если ты, стерва, будешь еще в ячейку ходить, я тебе голову оторву!» Тут мать вмешалась... И пошли костерить в два рта. Ночью отец мой членский билет из жакета вытащил и... — Клава показала руками: изорвал.

— А ты что же? — спросила Вера.

— Я все равно комсомолкой останусь навсегда!

Девушку спрашивали со всех концов зала:

— Живешь-то где?

— Что есть будешь?

— У подружки ночую... В комсомол ее уговариваю.

— Вдруг ее тоже отец выгонит? Куда же вы двое?

— Коммуной жить будем. Слыхала, есть такие коммуны, там все общее: и еда и одежа!

— Это можно в текущих делах обсудить! — сказал Мокин. — Сейчас Федя зачитает резолюцию.

Стало тихо. Комогорцев придвинул к себе лампу и начал громко читать.

«...Мы, рабочие-железнодорожники и ученики — дети рабочих, создаем поселковую ячейку РКСМ, которая поможет нам освободиться от всех старых предрассудков, каковые при старом времени навевались нам строем и жизнью

Ячейка возлагает на каждого члена союза задачу принять активное участие в деле создания новой жизни. А также просим наших отцов, матерей, братьев и сестер не мешать свободному развитию нашей организации, как это часто замечается со стороны наших старых

людей, которые впитали в себя все уродства старого мира, а прийти к нам на помощь своим опытом и знанием, за что мы, вся молодежь, будем приветствовать вас, родителей.

Мы считаем, что никаких других кружков молодежи не должно существовать. Будем давать отпор наскокам со стороны эсеров и меньшевиков».

Федя сел.

— Кто будет добавлять резолюцию? — спросил Мокин, пристально вглядываясь в зал.

Гулко топая сапогами, Васюрка прошел к сцене.

— Напишите еще так: «Да сгинут враги революции!»

Все дружно захлопали в ладоши. Резолюция была принята единодушно. Федя внес еще одно предложение:

— Давайте отобьем телеграмму самому Ленину!

— Даешь телеграмму! — поддержали в зале.

Мокин начал писать...

Лампа-молния в зале чадила, темнота сгущалась. Несколько минут все терпеливо ждали, потом начались перешептывания, скоро они превратились в громкий разговор. Кто-то затянул партизанскую песню о тайге... Мокин ничего не слышал, погруженный в составление телеграммы. Он часто смачивал карандаш, зажимая грифель его губами, ворошил зачесанные назад волосы, зачеркивал написанное. Федя-большевичок склонялся к нему и что-то подсказывал. Мокин качал головой. Как видно, текст рождался в муках. Тогда на сцену поднялся Блохин. Через пять минут Федя зачитал приветствие:

«МОСКВА. ПРЕДСОВНАРКОМА ЛЕНИНУ.

СОБРАНИЕ КРАСНОЙ МОЛОДЕЖИ ДЭ-ВЭ-ЭР ШЛЕТ ТЕБЕ, ВОЖДЮ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ГОРЯЧИЙ ЮНОШЕСКИЙ ПРИВЕТ, ПРИЧЕМ ЗАВЕРЯЕТ, ЧТО ИСКРУ, БРОШЕННУЮ ТОБОЙ, РАЗДУЕТ В ПЛАМЯ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЗАКОНЧИТ НАЧАТОЕ СТАРШИМИ ДЕЛО ДО КОНЦА».

Васюрка подбросил до потолка шляпу.

— Ур-ра!

Его поддержали разноголосо и мощно. Когда улеглась тишина, ученица, которая спрашивала, принимают ли в комсомол девушек, стала на скамью и прокричала:

— Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!

«Вот ее небось запишут в ячейку и винтовку дадут,

Этим бабам всегда везет», — позавидовал про себя Ленька Индеец.

В зале почти ничего не было видно. Большая лампа погасла, под стеклом красным угольком тлел круглый фитиль. Только на сцене в жестянке чуть-чуть мигал язычок пламени. Это напомнило Косте ночевку на берегу реки: далеко-далеко горит костер, а около него мелькают тени Мокина, Феди-большевичка и Усатого.

Кто-то схватил Костю за ногу. Оказывается, Васюрка в темноте искал под скамьями свою шляпу.

— Теперь текущие дела! — объявил Митя. — У кого какие вопросы!?

Из-за кулис на сцену, шаркая валенками, вышел сторож нардома.

— Керосину больше нету. Вы уж того... расходитесь, а утром милости просим, я рано открываю.

В президиуме посовещались, и Мокин объявил собрание закрытым. Интернационал пели в темноте.

ГЛАВА ПЯТАЯ
СИНЯЯ ЗАПЛАТКА ОСТАЕТСЯ

У школьного крыльца Кузю и Проньку остановил Кикадзе. Он стоял на верхней ступеньке, засунув руки в карманы свеже отутюженных брюк. Одна щека его вздулась флюсом: сладкоежка сосал большой кусок сахара.

— Вы почему вчера не ушли с собрания вместе с нами?

Кузя потер переносицу, поднял голову на старшеклассника.

— Вас выгнали из нардома, а нас нет. Зачем же уходить?

Кикадзе перестал сосать сахар, перегнал его языком к другой щеке и решительно вынул руки из карманов... «Как бы не стукнул этот верзила», — насторожился Кузя.

— Кто нас выгнал? — Кикадзе спустился на одну ступеньку ниже. — Мы просто не хотели связываться со всякими...

Оглянувшись, Кузя увидел, что Пронька сжал кула-

ки и готов прийти на помощь другу. Это ободрило рыжего Кузю, он шагнул на ступеньку выше, развязно сказал:

— Вы же «золотая» молодежь, а там собралась красная... Гусь свинье не товарищ!

— Кто гусь и кто свинья? — Кикадзе теперь стоял еще одной ступенькой ниже. Светлые пуговицы его форменной гимнастерки засверкали перед Кузиными глазами, совсем близко слышалось хрумканье. «Вот влепит меньшевистское отродье в ухо, и придется Проньке собирать мои косточки», — подумал Кузя. Он увидел, как над ним дергается кадык сладкоежки. Кикадзе проглотил разжеванный сахар, облизал губы.

— Вчера вы записались в соучраб?

На всякий случай Кузя отступил на ступеньку.

— Сугубая несознательность! — вспомнил он переданные ему Пронькой слова Кости Кравченко. — Вчера записались, сегодня выписались. Мы вам клятву не давали!

Проньке надоел этот разговор, и он молча начал подниматься на крыльцо. Кикадзе, расставив ноги, загородил дорогу.

— Ну-ка, посторонись, «золотой»! — закричал Кузя и с ожесточением топнул по начищенному до блеска ботинку.

— Зареченская шпана! — запрыгал на одной ноге Кикадзе. — Я скажу Геннадию Аркадьевичу, что вы продались комсомолу!

— Жалуйся хоть самому японскому императору!

Кузя, дразня, состроил гримасу и юркнул за Пронькой в дверь. Конечно, Кикадзе мог бы дать крепкий подзатыльник малорослому Кузе, но крыльцо уже окружили школьники. Костя Кравченко подошел к пострадавшему.

— Не болит ножка, Гогочка? Вот если бы я топнул своими «кандалами», ты бы весь день танцевал на крыльце падеспань.

Вокруг захохотали. Кикадзе шарил глазами по толпе парнишек, искал и не находил «своих». Ему надо было как-то оправдаться, и он сказал:

— А что они сдрейфили! Записались в соучраб, так надо держаться!

— За что держаться? — спросил Костя. — За тан-

цы, что ли? Я тоже на собрании остался и хочу вступить в комсомол.

— К шантрапе потянуло! — усмехнулся Кикадзе, и сейчас же пожалел об этом. Какой-то ученик в сарпинковой рубашке схватил его за воротник, притянул к себе и поднес к носу кулак.

— Понюхай, чем пахнет! И не оскорбляй пролетариат, а то получишь по сопатке!

Кузя, положив на парту книги, показался в дверях. Он спрыгнул с крыльца и присел на корточки за спиной Кикадзе. Ученик в сарпинковой рубашке толкнул сладкоежку, и тот, взмахнув руками, перевернулся через Кузю.

— Сошлись враги!..

Никто не видел, как подошла Лидия Ивановна.

— Отправляйтесь в классы, сейчас будет звонок! — строго сказала она.

Ученики бросились в школу, подталкивая друг друга. Кикадзе стряхивал с себя пыль.

— Зареченское хулиганье! — цедил он сквозь зубы.

Учительница не стала его слушать.

— Сам хорош! Иди на урок!..

Ленька Индеец немного опоздал. Он заявился в класс, когда все уже были на местах и ждали учителя. Сосед по парте сердито спросил:

— Ты зачем вчера соврал, что мой отец ногу сломал?

Ленька оскалил белые зубы.

— С тобой уж и пошутить нельзя!

— Хорошие шутки. Я целую версту бежал... на Хитрый остров. В нардом не вернулся, оркестр подвел.

— А вы разве на Хитрый переехали? — нарочно удивился Ленька.

— Мы всегда там жили!

— Я не знал. Думал, что ты прибежишь обратно со своей балалайкой.

— Я играю на мандолине. Соло! Ты ведь и гитариста обманул.

— А зачем он верит вракам! — выкручивался Ленька.

— Ты не финти! — все больше сердился одноклассник. — Танцы лопнули... Погоди, Химоза займется этой историей. Кое-кому дадут на орехи!

— Тише ты! Лидия Ивановна идет.

Ученики не знали, что Химоза и в самом деле занимался вчерашней историей. В кабинете директора он бегал из угла в угол.

— Не ожидал от вас, Александр Федорович, такого подвоха, не ожидал. Ну, почему вы не пришли на собрание?

Директор приглаживал стриженную под машинку голову.

— Обстоятельства помешали.

— Какие могут быть обстоятельства, если вы обещали! — Химоза плюхнулся в кресло. — Рассчитывал на вашу поддержку, а вы... Небось большевикам обстоятельства не помешали, они послали на собрание Усатого. Он там громил нас.

— Громить большевиков я не умею! — тихо произнес директор, постукивая длинными пальцами по столу.

Химоза ворочался в кресле.

— Поймите, Александр Федорович, мы провалились.. Оркестр разбежался... Вы могли бы выступить, как директор школы, взять соучраб под защиту, зажечь учеников и всю молодежь...

— Зажечь? — Директор откинулся на спинку кресла. — В таких делах я вам не помощник... Дэ-вэ-эр, конечно, это хорошо, но, сами видите, коммунисты забрали большую силу. Еще с места попросят, скажут, что я не лойяльно настроен. Нет, нет!..

— Вы жалкий трус! — вскипел Химоза, вскакивая с кресла. — Мы же имели в виду превратить соучраб в секцию молодежи при партии социалистов-революционеров. Я так надеялся на вас, Александр Федорович!

Директор передвинул на столе пресс-папье, закрыл чернильницу медной крышкой.

— Вы, конечно, помните священнослужителя отца Филарета... Умная голова! Собираясь бежать в Харбин, он говорил: «Времена меняются, надо другие молитвы читать». На меня особенно не рассчитывайте, Геннадий Аркадьевич!

Химоза снял пенсне и начал протирать их носовым платком.

— Уважаемый Александр Федорович! Девиз нашей партии: «В борьбе обретешь ты право свое». Как вам угодно, а я не складываю оружия!

Не прощаясь, он выбежал из кабинета, пенсне его раскачивалось на шнурочке.

* * *

Возвращаясь из школы домой, Костя и Вера по установившейся с детства привычке завернули к зданию вокзала... Буфет пустовал. В шкафу за стеклом были выставлены кедровые орехи в газетных кулечках, небольшой берестовый туесок с переспелой брусникой. Прошли по коридору.

— Помнишь, Вера, в билетной кассе помещался чехословацкий комендант, напротив японский, а в этой...

Из комнаты, в которой когда-то располагался семеновский комендант, вышел Блохин.

— Босоногая команда пришла! — узнал он школьников. — Ну, как у вас там после вчерашнего тарарама?

Костя сказал, что Кикадзе учиняет допросы, а Химоза ходит мрачнее тучи.

— Ничего, на сердитых воду возят, — засмеялся Блохин. — А вы скоро станете комсомольцами?

— Вот собираемся вместе, — ответил Костя, почему-то краснея.

— Быстрее собирайтесь! — подбодрил Блохин.

Он свернул в комнату дежурного по станции, а Костя и Вера открыли дверь к техническим конторщикам. Здесь иногда ученикам давали старые канцелярские книги с чистыми оборотными страницами. Ребята делали из них хорошие тетради...

При выходе из вокзала на перрон Костя и Вера столкнулись с незнакомым парнем лет семнадцати. Он был в заячьей шапке-ушанке, английском зеленом френче и старых ичигах, из прорванных носков которых торчали соломенные подстилки.

— Слышь-ка, поди сюда! — позвал незнакомец Костю, отошел к станционному колоколу и начал рыться в одном из карманов френча...

Такие френчи Костя видел не раз. Как они попали сюда, за Байкал? Шили их где-то в Англии солдатам королевской армии, но адмирал Колчак, царствовавший в Сибири, выпросил у англичан обмундирование для своего разношерстного войска. В нем и отступали колчаковцы на восток. Кто-то из солдат перешел в этом

френче к красным. Или какой-нибудь голодный колчаковец променял его в деревне на буханку хлеба, а то и за котелок картошки. А может быть, просто бросил на военной дороге...

Парень достал сложенный вчетверо листок, протянул его Косте, но сейчас же отдернул руку назад.

— А вы кто будете? Комсомольцы?

— Нет еще! — сказал Костя.

— Тогда я с вами в бабки не играю! — парень вздохнул. — Мне бы кого из комсомола!

— Да ты не бойся! — успокаивала его Вера. — Мы вчера в нардоме поднимали руки за комсомол!

Повертев бумажку, парень нерешительно подал ее Косте.

— Прочитай!.. Видишь, какая штука. Порешили у нас в деревне отправить меня на станцию с письменным отношением. Отец как узнал — начал ругать на чем свет стоит, обещал вожжами отстегать. Я ночью убежал на разъезд и сюда пехтурой 27 верст тащился. Денег на билет нету, собрали на один конец. Вот обратно барином поеду!..

Костя развернул листок и держал его так, чтобы Вера тоже могла читать...

«...Мы по силе своей стали воедино, организовали кружок молодежи. Посылаем к вам человека, сознаем, что он не знаком с новым строем жизни, также и мы не ознакомились, поэтому, товарищи, просим разъяснить все ему. Также не откажитесь поделиться с нами инструкцией и разными информациями...»

— Комсомол помещается в библиотеке, — охотно объяснил Костя. — Сразу за вокзалом дорога идет в гору, увидишь горелые столбы — это партизаны японский склад в прошлом году сожгли, за столбами будет длинный барак, за ним библиотека...

— Сам я не найду! — признался парень. — Мне бы главного повидать, я с пустыми руками не могу обратно двинуть.

Костя вернул ему бумажку.

— За главного в комсомоле кочегар Митя Мокин, но он, однако, в поездке... Погоди, есть еще Федя-большевичок!..

— Слышь-ка, — попросил парень, — веди меня к этому большевику, дело верное!

По дороге в депо Костя и Вера узнали, что приезжего из деревни зовут Андреем Котельниковым.

* * *

На кухне, около курятника, стоял маленький сундучок с ручкой. Значит, приехал отец. Младшие братишки и сестренки, привыкшие к тому, что Тимофей Ефимович всегда привозит подарки от «зайчиков», бегали с кусочками серого хлеба.

— Эх, у нас-то овсянка! — наперебой хвастали они Косте, не понимая, что овсяный хлеб появился не как щедрость и богатство новой власти, а как признак ее большой бедности. Костя догадался: отец сопровождал воинский эшелон, и народоармейцы выдали ему паек. Армия Дэ-вэ-эр не всегда имела пшеничный или ржаной хлеб, вот теперь она довольствуется овсяным. Он крошится и разваливается от малейшего к нему прикосновения.

В комнате разговаривали двое. «Папа и Храпчук. Спорят, наверное». Костя пригладил ладонями волосы, вошел к старшим. Ему представилась много раз виденная сцена.

У окна, заставленного горшочками герани, сидел отец, закинув ногу на ногу. С малых лет Костя считает его похожим на Тараса Шевченко: лысеющая голова, лохматые брови, крупный нос, чуть свисающие усы, небольшая русая бородка. Сходство пропадает лишь тогда, когда отец надевает очки... Машинист Храпчук, слушая собеседника, ходил по комнате. Остановился у книжной полки, повертел в руках старый номер «Нивы», подошел к столу, над которым висела в рамке под стеклом картина: тихое озеро, заросшее лилиями, в лодке плывет красивая девушка в голубом платье. Храпчук покачал головой и отошел к окну, глядевшему в огород. Машинист — маленького роста, толстенький, но очень подвижной, недаром все его зовут непоседой. Смотришь на него и прежде всего видишь широкую, пышную бороду. Когда-то она была каштановой, но с каждым годом все больше покрывается сединой. И только глаза его остаются молодыми — такие они живые, зоркие...

— Как учишься, сынок? — сразу же спросил отец.

— Ничего. За домашнее сочинение Лидия Ивановна «оч. хор.» поставила.

— О чем писал?

— О том, что я видел в 1919 году. Теперь буду писать про Дэ-вэ-эр.

— Ишь ты! — удивился Храпчук. — Пиши, Костик, да мне покажи. Я тебе прибавлю соли с перцем!..

Костя присел на стул около книжной полки. Прерванный разговор взрослых возобновился. Оказывается, Тимофей Ефимович побывал в Чите. Отправлялся с эшелоном до Яблонового хребта, а пришлось продвинуться до освобожденного города

— Читу взяли, — заговорил старый машинист, — а как же с советской властью будет? Дадут ей место или синяя заплатка останется на красном флаге?

— Я, папа, тоже хотел бы об этом спросить.

— Не могу вас порадовать, не могу!

Тимофей Ефимович налил из самовара кипятку, очистил испеченную в загнетке картофелину и стал рассказывать о Чите. За день несколько митингов прошло и везде народ говорил о Советах. Но всякому овощу свое время. Правительство переезжает из Верхнеудинска в Читу, там будет столица Дэ-вэ-эр. Военные люди говорят так: надо скорее добивать врагов, тогда можно будет соединиться с Советской Россией.

— Папа, а правда, что атаман Семенов на аэроплане улетел?

Действительно, атаман удрал по воздуху в самый последний момент. Стало известно, что он обращался с телеграммой к наследному принцу Японии, слезно просил не выводить части японской армии. Тимофей Ефимович газету с этой телеграммой не мог прихватить с собой, потому что на всю теплушку был один экземпляр...

Отец сходил на кухню и взял в сундучке свою дорожную книжку.

— Так... Это новая песня, а телеграмма... Вот она! Читай-ка, сынок!

Костя хорошо разбирал отцовский размашистый почерк.

«...Обращаюсь к вашему высочеству с последним зовом — настоять вашим ходатайством перед вашим державным родителем—императором на приостановке эва-

куации войск из Забайкалья хотя бы на четыре месяца...»

— Прижали атамана! — радовался Храпчук. — Микадушка и захотел бы ему помочь, да у японцев земля под ногами горит, им самим пора лататы задавать.

— Я тебя, Николай Григорьевич, на радостях трофейными папиросами угощу!

Тимофей Ефимович достал из кармана пачку читинских папирос «Атаман»... В обрамлении двух лавровых веток торчал портрет Семенова... Монгольское лицо с черными глазами и усами. Барсучья папаха сидит на голове лихо, по-казачьи... Костя видел этого палача не только на картинке. Летом прошлого года мать поехала в Читу навестить больную сестру и взяла с собой Костю. Они долго разыскивали нужный адрес и присели отдохнуть на каменном крыльце большого дома по утонувшей в песке Александровской улице. Это было недалеко от атамановского дворца. Семенов выехал в автомобиле какой-то иностранной марки. Машину окружили казаки на лошадях. Костя рассказал об этом случае в сочинении о 1919 годе...

Храпчук распечатал папиросы, попросил Костю принести спички. Старик был доволен, посмеивался...

— Сейчас я его совсем выкурю, чтобы атаманом не пахло!..

Но Косте давно хотелось поведать отцу о другом. Видя, что у взрослых разговор идет нескладный, он не утерпел и сказал:

— Папа, а я вступаю в комсомол!

Тимофей Ефимович прикусил ус, долго глядел зачем-то в окно...

— Я, сынок, перечить не буду. А как мать?

Она стояла на пороге и все слышала.

— Не пускай его, Тимофей, не пускай!

Немного сутулая, уже немолодая женщина прошла к столу и обратилась к Храпчуку:

— Видишь, Николай Григорьевич, что получается! Сам столько лет по митингам да собраниям ходит, я жду его, не сплю, болею. При семеновщине сутками дома не бывал... Теперь вот сын туда же...

— А куда ему, по-твоему? — спросил Храпчук. — Я в Костины годы подпольный кружок посещал, жизнью

рисковал, от полиции скрывался. Не мешай парню, Степановна!

— Тебе хорошо рассуждать! — Хозяйка поднесла к глазам край передника. — А я? Днем беспокойся, ночью не спи. Моих слез никому не жалко.

— Всем тебя жалко, мать! — Тимофей Ефимович подсел к жене, кивнул Косте. Сын подошел и в смущении остановился перед родителями.

— Костя, ответь нам с матерью... Ты знаешь, куда идешь? В комсомоле — это не то, что в киноиллюзионе картины смотреть. В комсомоле так: куда пошлют — туда иди, за папу и маму не спрячешься. Ты это понял?

— А Шурка Лежанкин за что погиб? — вопросом ответил Костя.

Мать пристально посмотрела на сына, вытерла слезы и молча ушла на кухню...

Ночью Костя долго не спал. Представлял себе, каким в его возрасте был машинист Храпчук... Вот юноша в расстегнутой косоворотке, оглядываясь, идет по окраинной улице рабочего поселка на конспиративную квартиру... В подпольном кружке читают запрещенную царем книжку. Потом Николаю Григорьевичу дают боевое задание. Он рискует жизнью. А ради чего? Для трудового народа старается, всем лучшей жизни хочет... И Костя станет таким же, он ведь не маленький и все понимает. Дэ-вэ-эр окружена врагами, еще нельзя соединиться с Советской Россией. Комсомол должен помочь разбить белогвардейцев и японцев, тогда с красного флага снимут синюю заплатку. В такое время вступить в комсомол — это то же, что в подпольный кружок, когда Николай Григорьевич был совсем молоденьким. Костя, конечно, вступит в комсомол, в доме Кравченко появится вторая винтовка...

Засыпая, Костя видел себя в строю бойцов рядом с отцом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КТО ВЫ? БОЙЦЫ!

На письменное отношение, привезенное Андреем Котельниковым, ячейка ответила коротко: «В воскресенье ждите наших представителей». В деревню собрались

Митя Мокин и Федя-большевичок. Оба готовили доклады. Митя взял в партийном комитете брошюру и две ночи добросовестно, слово в слово, переписывал ее в толстую конторскую книгу

— Вот получились эти самые... тезисы. По ним и буду шпарить! — сказал он Феде.

Правда, Митя умолчал, что это был первый в его жизни доклад. Федя ограничился несколькими выписками из газет. Писать он не любил, да и давалось ему письмо плохо: в школу Федя бегал только две зимы.

Выехали ранним ноябрьским утром на тормозной площадке товарного поезда. Черные лохматые тучи низко плыли над землей. Злой ветер кружился над поездом, облепил вагоны белой холодной кашицей, и состав стал походить на большую пегую лошадь, которая с трудом тащилась в гору. Митя нахлобучил до самых глаз прожженную в двух местах солдатскую шапку, поднял воротник шинели, затолкал в рукава одеревеневшие от мороза пальцы. Его ноги в армейских ботинках с обмотками скоро застыли. Федя ехал в потрепанной, но еще теплой папахе, матросском бушлате, подаренном ему старшим братом моряком, и видавших виды сапогах. Холод заставил его выбивать чечетку.

— Песня согревает душу, а пляска ноги, — гудел он Мите прямо в ухо, стараясь перекричать завывание ветра.

Ой, дед бабку
Завернул в тряпку,
Намочил ее водой,
Чтобы стала молодой!

Частушки Федя пел беспрестанно. Задорные и озорные слова, улетая с тормозной площадки, то бились о скалистые горы, то перекликались с эхом где-то в падях и лесах.

Печка, печка, печенька,
Есть на печку лесенка.
Приходи меня искать,
Я на печке буду спать...

«Спать-спать, спать спать», — выстукивали свою частушку колеса. Ветер пробирал Митю до костей. Печка

напомнила кочегару паровозную топку. С каким бы удовольствием сейчас открыл он дверцу, ощутил горячее дыхание машины и покидал в ее ненасытную пасть толстые, сучковатые поленья. Федя потряс Митю за плечо.

— Пляши, а то околеешь неженатым!

Настроение веселого, неунывающего Феди передалось Мокину, и он запрыгал на тормозе, часто задевая длинными ногами стенки вагона. Запыхавшийся Митя тяжело перевел дух и сказал:

— Для полного согрева давай, большевичок, заправим свои топки!

Из кармана шинели Мокин вытянул несколько вареных картофелин и два соленых огурца. Ели без хлеба.

— Вот уж в деревне нас попотчуют свеженьким пшеничным! — сказал Митя.

— Или колом по шее! — добавил Федя, заправляя под папаху выбившийся черный кудрявый чуб.

На разъезде их встретили Андрей Котельников и невысокая, с большими серыми глазами девушка.

— Наша учителка Анна Гречко! — представил ее Котельников. — Это она отношение писала!

— Наверное, все неправильно? — спросила девушка, подавая комсомольцам маленькую теплую руку.

— Нет, ничего! Вопрос поставлен ребром! — успокоил ее Митя. — Ну, поехали, что ли?

— Ехать-то придется на своих двоих, — извиняющимся тоном сообщил Котельников. — Тятька мне коня ни за что не дал. Будешь, говорит, возить тут разных антихристов, а я перед опчеством отвечай!

— А вожжами он тебя не отвозил за то, что ты к нам ездил? — поинтересовался Федя.

— Обошлось! Треснул раз по затылку — и все!

— Далеко шагать? — Федя посмотрел на свои сапоги, давно просившие каши.

— Версты три с гаком!

— А гаку сколько?

— Версты четыре!

Все засмеялись и пошли за водокачку к дороге. Пеший переход вполне устраивал приезжих, по крайней мере дорогой можно согреться. Прижимая к боку конторскую книгу с текстом доклада, Митя сунул руки в рукава шинели. Учительница сняла и молча протянула ему свои вязаные белые варежки. Митя затряс головой.

Он уже мысленно ругал себя дураком и ослом. Конечно, маленькие варежки Анны Гречко могли пригодиться ему разве только на два пальца. Стыдно было по другой причине — девушка заметила, что паровозный кочегар, здоровенный парнюга, заморозил руки. «Я их в рукава спрятал, а ведь так одни бабы ходят», — казнился Митя. Словно подразнивая его, Анна свернула варежки и положила в карман пальто. Потом сказала:

— К нам вчера днем кто-то со станции приехал, у лавочника остановился. Видать, тоже из учителей — о школе меня расспрашивал, потом о нашем кружке молодежи разговор завел. Какое название ему дали, что думаем делать, и все такое. Вечером с лавочником по избам ходил, большевиков и комсомольцев облаивал.

— Слышь-ка, так и было! — подтвердил Котельников. — Я из лесу с дровами поздно приехал, они мне у наших ворот встретились... Только сел я ужинать, тятька и говорит: «Комсомол, Андрюха, из головы выкини! У комсомольцев рога и хвосты вырастают. Свяжешься с ними — ревком у меня все хозяйство отберет...»

Митя остановился.

— А у этой контры есть малюсенькие усики и пенсне на веревочке?

— Есть, есть! — в один голос сказали Котельников и Гречко.

— Химоза сюда заявился, язви его в душу, эсера проклятого! — выругался Федя и от злости даже сплюнул.

Пошли дальше. Липкий снег все еще падал, неприятно холодил лицо, слепил глаза. Дорога успела раскиснуть, грязь приставала к обуви, утяжеляла ее. Свернули на обочину. По траве идти было легче. Ни Митя, ни Федя не бывали в этих местах. Слева от дороги раскинулась падь. Кое-где возвышались зароды сена, с их нависших лбов тонкими струйками стекала вода. Мите так хотелось забраться под зарод, согреться и уснуть в сене. Справа тянулся, поднимаясь постепенно в гору, молодой сосняк, деревья стояли осыпанные миллионами водяных брызг, попробуй задень такое...

Митя вдруг остановился, прижал к губам посиневший палец, прислушался. По сырому воздуху плыл едва уловимый звон.

— Что это? Колокол?

— К обедне зовут! — объяснил Котельников.

Сразу за лесом показалось село. Оно раскинулось по берегу реки одной длинной улицей Блеснула куполами церковь, обнесенная белой оградкой. Два дома выделялись железными, покрашенными в красный цвет крышами,—школа и пятистенка купца Петухова. С бугра было видно, как в огородах кланялись колодезные журавли. С обоих концов улицы к церкви в одиночку и группами двигались богомольцы. Благовест не умолкал.

— А у нас сегодня день всевобуча! — сказал, ни к кому не обращаясь, Федя.

— Как это? — не понял Котельников.

— Ну, день всеобщего военного обучения!..

* * *

Отец чистил винтовку, а Костя помогал ему: то затвор подержит, то шомпол подаст. После чая Тимофей Ефимович ушел из дому. За ним подался со двора и Костя. У ворот его ждал Васюрка. Два дня тому назад их на одном собрании приняли в комсомол. Секретарь ячейки Митя Мокин пожал им руки, сказал серьезно:

— На дворе ноябрь 1920 года. Это вы запомните, между прочим. В настоящий текущий момент вопрос о борьбе с врагами стоит ребром. Теперь вы кто? Комсомольцы! А еще кто? Бойцы части особого назначения, то есть ЧОНа.

Мокин поправил накинутую на плечи старенькую шинель и напомнил:

— В воскресенье явитесь на военные занятия как штыки!

К десяти часам утра коммунисты и комсомольцы собирались на площадь около поселкового сада. День был холодный. Когда Костя и Васюрка переходили мост через реку, ветер бросил им в лица по доброй пригоршне липкого снега. Ребята пошли быстрее. Они шли в ногу, размахивая руками в такт шагу. Хотелось во всем походить на бойцов. Юношам казалось, что надетые поверх пальто ремни придают им вид бывалых солдат.

Комсомольцы миновали Теребиловку, пролезли под стоявшими на станции составами и стали подниматься по лестнице от товарного двора к церкви. На самом

верху столкнулись с Верой, она почему-то растерялась, торопливо спрятав за спину что-то завернутое в платочке.

— Ты откуда? — спросил ее Костя.

— Из церкви! — призналась Вера.

— Как это из церкви! — удивился Костя. — Ты что? А заявление в комсомол написала?

Девушка отвернулась.

— Нет еще... Я вовсе не молиться ходила, мама меня за просвиркой послала... Она каждое воскресенье поминает погибшего папу.

Ничего больше не сказав, Вера быстро стала спускаться вниз. Ребята взглядами провожали ее.

— Вот так штука! — сказал Васюрка, когда девушка скрылась за товарным двором.

— Вовсе это не штука, а опиум! — с досадой возразил Костя.

Васюрка пожал плечами.

— Какой опиум?

— Читал в нардоме над сценой «Религия — опиум для народа»? Отравление такое, вроде яда... Веруськина мать знаешь как в бога верит?.. Ну, хватит стоять!..

Ветер не утихал, снег валил тяжелыми хлопьями. За церковной оградой шумели высокие тополя, покачивая вершинами и голыми, мокрыми ветками...

На площади было уже много коммунистов и комсомольцев. Молодые бойцы должны были явиться к командиру, стоявшему в короткой кожаной тужурке спиной к ветру. Васюрка и Костя знали, что это стрелочник Знова, но подошли к нему нерешительно.

— Дяденька, — сказал Костя, — нам бы в ЧОН. Мокин велел.

Стрелочник выплюнул изо рта окурок, смерил подошедших насмешливым взглядом и сурово сказал:

— Я вам не дяденька, а командир роты. Как стоите? Ну-ка, смирно!

Комсомольцы невольно подтянулись, бросили руки по швам, краснея до ушей. Знова добродушно улыбнулся.

— Теперь другое дело!

Повернувшись к группе бойцов, он крикнул:

— Храпчук, ко мне!

Старый машинист крупными шагами приблизился

к командиру, молодцевато щелкнул каблуками поношенных сапог, застыл на месте.

— Пойдешь на склад, выдашь этим новичкам винтовки и боевые патроны! — приказал ему Знова. — Кру-гом!

Команда относилась к новоиспеченным бойцам. Играя в «белых» и «красных», они поворачивались быстрее и чище, а в эту минуту ноги как будто свинцом были налиты, слушались плохо.

Склад помещался в подвале вокзала. Храпчук взял из пирамиды две винтовки, подал их Косте и Васюрке, потом протянул по одному кожаному подсумку с патронами. Пареньки расстегнули ремни, надели на них подсумки. Поглядывая на комсомольцев, Храпчук поправил потрескивающий фитиль свечи, сел на патронный ящик.

— Вам обоим, я знаю, по шестнадцать годков, — заговорил старик. — А мне вот-вот шестьдесят стукнет. Знаете, когда я первый раз винтовку в руки взял? В 1905 году, ребятки, в Чите. А выдавал ее мне как раз шестнадцатилетний Борис Кларк. Он тогда по горло в революцию вошел вместе с отцом. В амбаре у них оружие прятали. Борька по отцовскому поручению и выдавал дружинникам винтовки. Я к чему это говорю? Берегите оружие, вам его революция дает. Вот так!

Храпчук задул свечу.

— Пошли, ребятки, а то командир роты подкрутит нам гайки...

Занятия с короткими перерывами длились четыре часа.

— На пле-оп! — послышалась звонкая команда Зновы.

Поднимая винтовку, Костя далеко занес ее перед собой и ударил по затылку впереди стоящего бойца, тот покачнулся, задел следующего. Строй сломался. Подбежал Знова, задергал короткими, обкуренными усами.

— Что тут у вас за базар?

Узнав в чем дело, он скомандовал Косте: «Три шага вперед... арш», взял у него винтовку, показал приемы и велел несколько раз повторить. Костя готов был провалиться сквозь землю, особенно когда поймал на себе взгляд отца. Но вот его поставили в строй. Учение продолжалось. Команды раздавались одна за другой:

— Нале-оп!

— Напра-оп!

— На пле-оп!

— К но-гип!

Маршируя, Костя несколько раз попал ногами в грязь, его восьмифунтовые американские ботинки казались еще тяжелее. Но надо было бегать. Рота рассыпалась цепью для стрельбы лежа. Бойцы падали на взмокшую, разбухшую от снега землю.

— По врагам революции... пли!

Сухо щелкали курки. Два «выстрела» раздались с некоторым опозданием. Стрелочник Знова погрозил кулаком в ту сторону, где лежали Костя и Васюрка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ПЕТУХОВ И ХИМОЗА

После обедни председатель сельревкома, маленький мужичок в старой солдатской гимнастерке, обошел деревню от края до края, приглашая молодежь в школу на собрание. Назначить его на вечер не решились: не было керосина.

Собралось столько народу, что в самом большом классе заняли все парты. Пришлось из ближних домов принести скамьи. Люди заполнили проходы между партами, толпились у порога и даже в коридоре. Пожилых пришло больше, чем молодых Женщин, особенно девушек было совсем мало. Молодежь держалась ближе к дверям. Слышались сдержанные разговоры, смех. Многие курили, сплевывая на пол. Класс быстро наполнился едким дымом.

Председатель ревкома подошел к столу.

— Товарищи граждане! К нам приехали представители рабочего класса. Теперича в дальнейшем они обскажут, какие перед нами во всю ширь поставлены задачи. Первый вопрос — что такое Интернацинал...

— Интернационал! — поправила его стоявшая рядом Анна Гречко.

— Я так и говорю — Интернацинал... Второй вопрос — жизнь молодежи при царях, при господах атаманах и создание комсомола... Этот вот высокий бело-

брысый, — он указал рукой на Митю, — будет Мокин, а этот, похожий на цыганенка, Комогорцев.

— Они женатые или холостые? — раздался чей-то хриплый голос у порога. — Ежели холостые, мы им живо накостыляем, чтобы наших девок не завлекали!

— Это кто там вносит неясность? — председатель ревкома поднялся на цыпочки. — Предупреждаю, товарищи граждане, слушать и не перебивать, а то на прошлой неделе буржуазный элемент на митинге не давал никому говорить...

— Какой элемент? Фамилия! — зашумело собрание.

— Какая тут может быть фамилия! Одно слово: китайские пельмени. Вот кто больше всех глотку драл!

— А ты не обзывайся! — обиделся кто-то у окна. — Какая же ты местная власть, ежели людей дразнишь!

— Народ так обзывает, не я! — огрызнулся председатель. — Галдеть тут нечего!

Федя поманил к себе пальцем Андрюшу Котельникова и спросил его шепотом, у кого и почему такое странное прозвище. Андрей сказал, что китайскими пельменями прозвали купца Петухова за большие уши.

Первым докладывал Митя.

— В настоящий текущий момент во главе угла стоит Третий Интернационал. Я вам все разобъясню...

— Пой, ласточка, пой! — донеслось с крайней парты.

Не обращая внимания на выкрик, Митя продолжал говорить. Первые две страницы он еще дома выучил наизусть, и сначала доклад шел гладко, а дальше Митя стал запинаться, путать слова, которые сам же написал неразборчиво, делать большие паузы. Анна, глядя на него, готова была заплакать. Неужели докладчик запутается, и собрание на веки вечные станет темой для злых пересудов? Митя перебросил сразу две страницы, прочитал их невпопад и остановился. В классе стало тихо-тихо. И вдруг громкий насмешливый голос:

— Вот, паря! Зараза, а не конек: съел полпуда — и не везет!

Перед глазами Мокина замелькали лица слушателей. И тут он увидел Химозу. Их взгляды встретились: у Химозы — насмешливый, у Мити — суровый, ничего не прощающий. В это время Анна, желая поторопить докладчика, дернула его за пиджак. Митя понял это посвоему: велят садиться, и опустился на табурет. Взгля-

нув на снова притихшее собрание, он начал читать по книге, не отрываясь. Голос зазвучал громко и уверенно. Минут через двадцать Митя закрыл конторскую книгу.

Сразу же начался доклад Феди Комогорцева.

— Мы, большевики, всегда говорим правду в глаза...

На табурете, прихваченном с собой из дому, затрясся в смехе толстомордый мужик, подпоясанный красным кушаком.

— Глядите на него! — говорил он, указывая пальцем на Федю. — От горшка два вершка, а тоже — большевик. Материно-то молоко обсохло у тебя на губах?

— Обсохло, дядя! — нашелся Федя. — И знаешь, когда? Когда ты, мироед, свои карманы набивал, а я в тайгу партизанить ушел!

В разных концах класса вспыхнули выкрики:

— Ловко отбрил! Этот зубастый!

— Лупи их, дьяволов!

Бородач засопел и отодвинулся вместе с табуретом дальше от стола.

— Мы, большевики, никогда не подкачаем! — сказал Федя, ободренный выкриками.

— В трубу его! — зло, как бы опомнившись от удара, заорал толстомордый. — Скулу набок своротим!

— У скулы хозяин есть, он может сдачи дать! — смело отрезал Федя.

Председатель ревкома забарабанил тощими кулаками по столу

— Товарищи граждань! Пускай представитель докладет до конца! Не дерите горло!

Шум улегся. Федя говорил легко, без запинки, не заглядывая в приготовленный дома листок. Слова пришли сами собой... Федин дедушка с малых лет гнул спину на помещика, молодым парнем участвовал в крестьянском восстании и за это угодил на каторгу в Забайкалье. Отбыл срок, поселился под Нерчинском. Так и умер дед, не найдя на земле счастья. Федин отец крестьянствовал, но тоже из нужды выбраться не мог, ушел на заработки в город. Ни один царь не помог рабочим и крестьянам устроить жизнь так, как им хотелось. Федя родился при Николае Втором, дождался того, что этого царя убрали с престола. За Байкал пришла советская власть, но ее задавили свои и заморские буржуи. По-

жил Федя и при атамане Семенове — не сладко, убежал в партизанский отряд. В общем, ни молодому, ни старому трудящемуся человеку никто не даст освобождения, если он сам не постоит за себя. Помочь народу добить контрреволюцию и построить новую жизнь — вот чего хочет комсомол. Он, комсомол, родился в России и вот перешагнул к нам, за Байкал...

Первый раз развернул Федя перед собой бумажку и прочел выписанные из газеты строки: «...Брошенная в массу рабоче-крестьянской молодежи искра не потухла. Под спудом семеновской реакции она медленно, но неуклонно разгоралась...»

— Никто не потушит наши искры, — заканчивал Федя свой доклад. — Крикунов мы, большевики, видали всяких и не боимся их. Наша все равно возьмет! Идите к нам, парни и девчата. Вперед, товарищи!

Федя сел на лавку и посмотрел на толстомордого, тот показал ему большой волосатый кулак. В классе качались людские головы, слышался негромкий говор, будто по полю пробежал легкий ветерок и пошевелил пшеницу. Председатель ревкома достал красный, уже захватанный руками кисет, свернул цигарку.

— Задавайте вопросы, товарищи граждане!

Его обращение потонуло в общем гуле. Курильщики полезли за табаком, кисеты пошли вкруговую. Удушливый дым от зеленухи-самосада поднимался к потолку, закрывая собой подвешенную на проволоке лампу без стекла.

Рябой парень, стоявший у печки, неожиданно обратился к Феде.

— А с чем едят твой комсомол?

— Запишись и узнаешь! — запросто ответил докладчик.

К столу пробился сутулый крестьянин в дубленом полушубке.

— Вот так... Допустим, мой сын вошел в комсомол. Какое ему жалованье положите?

— Мы работаем на общество, бесплатно! — сказал Федя.

— Задарма, значит? — Крестьянин покачал головой и отошел от стола, приговаривая: — Нет, так не пойдет!

— А ты порядись с ними, Агафон! — закричал с табу-

рета толстомордый. — Глядишь и выжмешь из большевиков целковый!

С лавки у окна поднялся широколицый мужчина в заплатанной тужурке и махнул шапкой.

— Вот такой вопрос!.. Вы бы нам мануфактуры привезли, керосинчику да соли, а мы бы вам сыновей в комсомол представили. А так жалко ребят отдавать.

Крестьянин в дубленом полушубке радостно поддержал:

— Правильно рассудил человек, так и я согласен!

Он еще постоял, поглядел на приезжих и добавил:

— Тут вот какое дело... В газетке писали про такую машину — трактор. Будто ворочает она землю за много лошадиных сил. Вы привезите-ка один трактор да покажите, как он пашет. Тогда мы всем селом в комсомол пойдем. Согласны?

К Феде подсел старик с палкой.

— Беда у меня, сынок. Сосед Фильшин на станцию поехал, взял у меня штаны почти новые. Неделя прошла, а его нету. Сам-то он, черт с ним, мне бы штаны выручить. Не видел его там?

— Нет, не видел, дедушка!

— Скажи ты, пожалуйста! — развел руками старик. — Пропали штаны!

Теперь вопросы сыпались, как горох из мешка.

— Где купить хомут?

— Когда будет мировая революция?

— Золотые деньги отменят или нет?

— Почему звезды с неба падают?

— Кто такая пролетария?

Митя и Федя терпеливо и долго отвечали, иногда им помогала учительница Гречко. После ответов Федя громко спросил:

— Ну, кто будет записываться в комсомол?

— Погоди ты со своим комсомолом!

В проходе между партами, расталкивая столпившихся односельчан, появился Петухов. Не доходя до стола нескольких шагов, он остановился. «И правда, китайские пельмени», — подумал Федя, увидев большие оттопыренные уши лавочника. Петухов не был похож на деревенских богатеев, каких рисуют в газетах. Он совсем не толстый, без жилетки, на нем нет сапог с лакированными голенищами. Купец небольшого роста, сухопа-

рый, в коротком поношенном пальто, брюки у него из грубого сукна, на ногах простые ичиги, борода маленькая, какая-то помятая. Нос у Петухова как нос, у председателя ревкома такой же—вздернутый. И только уши господь бог отпустил ему сверх пайка, этим Петухов и отличался среди других... Но вот он повернулся к столу спиной.

— Мужики! — начал негромко лавочник. — Пошто сопляков слушаете?! Они же по молодости, по глупости большевистские сказки бают...

— Пой, ласточка, пой! — сказал Митя Мокин, вспомнив, что его самого угостили этой фразой в начале собрания.

Петухов даже не оглянулся.

— Я вам, мужики, покажу, чего большевики добиваются. Видите мою руку?

Над его взлохмаченной, начинающей седеть головой взметнулась жилистая рука.

— Пять пальцев и все разной величины. Большой короче всех — так всевышнему угодно. В крестьянстве так же устроено: один поболе, другой помене над землей поднялся. А большевики чего хотят? Уровнять всех, обрезать пальцы по суставчикам, чтобы выше самого короткого никто не был.

Левой ладонью Петухов шоркнул по пальцам правой, как бы срезая их.

— Какая же это жизнь, мужики, приходит? Никто не пойдет вверх. Большевики все равно обкарнают!

Он начал проталкиваться к своему месту. Анна Гречко крикнула ему вдогонку:

— Испугались, что богатых к ногтю?

Петухов вернулся, подошел вплотную к столу и сказал, не повышая голоса:

— Тебя приставили ребятишек учить, а не мужиков. Не прыгай выше этого, а то ноги сломаешь!

И снова полез в толпу. Председатель ревкома погрозил ему кулаком.

— Не пужай, Маркел Савельич! Я тут вся власть на местах, могу и того!..

— Позвольте мне! — крикнул от окна Химоза. Он встал на скамью и все увидели его — чистенького, приглаженного. — Разве Маркел Савельевич пугал кого-нибудь? Нисколько. Вспомните русскую пословицу: «Яй-

ца курицу не учат». А здесь, на собрании, яйца поучают куриц. Комсомольцы агитируют за новую жизнь, хотя сами ничего в ней не смыслят. Но вот перед вами только что говорил Маркел Савельевич, человек, умудренный житейским опытом, а не молокосос. Он на пальцах убедительно объяснил вам суть программы большевистской партии по крестьянскому вопросу. Лучше этого не скажешь. Можно только добавить: большевики и при урожае голод сделают. Зачем же говорить, что товарищ... э-э... гражданин Петухов кого-то пугал. Он сказал чистейшую правду... Что же касается докладов, то это был бред неграмотных людей, они же совершенно не знакомы с теорией...

— А ты знакомый с ней? — вскочил председатель ревкома. — Кто она такая — баба или девка?

Химоза поправил пенсне.

— Я бы попросил не мешать мне... Так кто же здесь поучает крестьян? Некультурные молодые люди, называющие себя большевиками. Удивляюсь вашей молодежи, неужели она ослепла и не видит, в какое болото тянет ее местная учительница Гречко...

— Комсомол — не болото, а вот вы настоящая жаба! — вскипела Анна.

Химоза закашлялся, отмахиваясь от кем-то пущенного на него едкого табачного дыма.

— Комсомольцы только и умеют оскорблять людей... Надеюсь, родители своевременно образумят своих детей. Не понимаю, зачем парни и девушки сидят здесь и слушают скучные доклады. Им бы сейчас по улицам гулять, петь и плясать под гармошку или собираться на вечерку. Жить научит не комсомол, не учительница Гречко, а отец с матерью. Вот я и хочу...

Председатель ревкома не дал Химозе договорить.

— До чего же ты мастер языком молоть. Точь-в-точь, как тот в шляпе-котелке, который в 1917 году к нам на германский фронт в окопы приезжал. Тоже со стекляшками на глазах. Тот все визжал: «Война до победного конца!» Чисто граммофон, ей-богу! У нашего Петухова есть такой ящичек с трубой. Поставит его купец на подоконник, заведет ключом, он и заливается. Теперича в дальнейшем... Того говоруна фронтовики прогнали и пошли за большевиками в Петроград революцию делать...

— Пускай граммофон свое допоет! — крикнул кто-то на дальней парте.

— А ну его к лешему!

Из-за классной доски вышел мужчина лет сорока пяти в дырявом брезентовом дождевике. «Это Капустин, — шепнула Анна Феде, — у нас его слушают».

Новый оратор сделал большую затяжку, выпустил изо рта дым, бросил на пол и придавил ногой окурок.

— Вы меня знаете, мужики! Тут я родился и вырос. У Петуховых батрачил Когда невмоготу стало — подался на железную дорогу копейку зароблять. Всяко бывало: голодал, босиком ходил, на станции к купцу Макарову в работники нанимался. Уж я-то знал, какие «добрые» эти богачи. Все соки из тебя выжмут! Потом стрелочником стал. В 1918 году отступила советская власть. Сын мой Гриха с Красной гвардией на восток ушел. Я чехословацкому эшелону аварию устроил и в лес удрал. Баба с ребятишками сюда, в деревню, перебралась, горе мыкала. Да... Знаю я, на чьей стороне правда. У большевиков она, мужики. Больше искать негде. Тут рабочие ребята со станции не шибко гладко говорили, но им поверить можно, а не тому граммофону, которого Петухов завел. Сладко он поет, да только меня от сладкого тошнит... Эх, да что там говорить!..

Капустин повернулся к столу.

— Записывайте меня в комсомол!

— Как же быть? — шепотом спросил Федя у Мокина.

— Записывай, потом разберемся!

— Почин сделан! — обрадовался Федя. — Кто еще? Эй, молодежь, подходи поближе!

— Пиши меня!—громко, на весь класс заявил Андрей Котельников.

На первой парте завозился его отец.

— Андрюшка, я тебе шкуру спущу!

Молодой Котельников распахнул полушубок, на английском френче засверкали медные пуговицы.

— Слышь, тятька, спускай мне шкуру! А я на тебя в госполитохрану заявлю!

— Ладно, дома поговорим! — свирепо буркнул отец.

Анна Гречко встала за столом, сняла с плеч платок.

— Я вхожу в ряды Эр-ка-эс-эм! И не боюсь, что мне обещают сломать ноги!

Ей было видно, как Петухов и Химоза пробивались к

выходу. Подпоясанный красным кушаком толстомордый мужик надел на руку табуретку и тоже начал проталкиваться к дверям.

— Записывайтесь в комсомол, товарищи! — призывал Федя.

Анна занесла в список еще трех парней. Девушки к столу не подходили...

Закрывая собрание, председатель ревкома затянул Интернационал, его поддержали Федя, Митя и Анна. Больше никто не знал слов, и гимн прервался после первого куплета. Тогда Капустин запел «Смело, товарищи, в ногу». Эту песню допели до конца.

Расходились уже в сумерках. В избушке, где квартировала Анна Гречко, докладчики пили чай с яричным хлебом, посыпая его солью. Хозяйка, бойкая, суетливая старушка, угостила комсомольцев сладкой паренкой — испеченной в русской печи брюквой. Прощаясь, она потрепала кудрявую Федину шевелюру, потрогала лоб.

— Что ты, бабушка? — удивился Комогорцев.

— Никаких рогов нет!.. Врут все! Идите с богом! Ты, Аня, не провожай, в темноте еще варнаки нападут.

Приезжие пошли на разъезд одни. Андрей Котельников с ними не простился, отец запер его на ночь в стайке, вместе с коровой...

В переулке из-за высокого забора кто-то бросил в комсомольцев увесистый обломок кирпича, но не попал.

— Это петуховские парни провожают нас свежим пшеничным хлебом! — сказал Федя.

За околицей, когда вышли на дорогу, он пропел частушку:

Я отчаянна головушка,
Ничем не дорожу,
Если голову проломят —
Я полено привяжу...

Небо было темное, опять начинался противный мокрый снег.

— Слушай, Митя, где твоя конторская книга со знаменитым докладом?

— Оставил на память Анне Васильевне!

— Ага, ты уже и отчество ее знаешь? Так, так!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТРЕВОГА

— Я хотел посылать за вами, — сказал Блохин, как только Митя Мокин и Федя-большевичок перешагнули порог партийного комитета. — Тут такое заваривается... Одним словом, тревога, товарищи!..

Комсомольцы стоя выслушали Блохина... Он рассказал о том, что на юго-востоке Забайкалья начинают действовать белогвардейские банды. Они выходят из Маньчжурии, снабженные японским оружием и боеприпасами. Бандиты налетают на станицы, расположенные на берегу пограничной реки Аргунь, громят ревкомы, убивают коммунистов и комсомольцев, сжигают их дома. Небольшие банды появились и в Прибайкалье.

Армия Дальневосточной республики ведет бои на фронтах, отвлекаться на борьбу с бандами в тылу не может, поэтому части особого назначения, состоящие из членов большевистской партии и комсомола, принимают этот удар на себя. В окрестных селах бродит какая-то банда. Своими силами придется охранять станцию, депо, водокачку, телеграф и железнодорожный мост. Бойцы ЧОНа должны теперь ходить на работу с винтовками, чтобы в случае тревоги немедленно явиться на сборный пункт. Все коммунисты и комсомольцы будут ночевать в нардоме, там же располагается штаб ЧОНа.

— Обойдите всех комсомольцев и предупредите их об этом, — строго наказал Блохин. — Ну, а как в деревне погостили? Да вы садитесь!

Митя и Федя подробно рассказали о собрании в школе, о людях, которых удалось запомнить. Поведение Химозы больше всего заинтересовало Блохина.

— С этим типом нам еще придется встретиться не раз! — Блохин посмотрел на часы. — Ступайте, ребята!..

— Уснуть бы часок, — сказал, потягиваясь и позевывая, Федя, — ночь-то мы на разъезде да на тормозе провели в обнимку с холодом.

Митя подтолкнул его в спину.

— Иди без разговорчиков! После мировой революции отоспимся!..

* * *

Никогда Костя не собирался в школу так, как в этот раз. Опоясался ремнем поверх пальто, справа от медной бляхи надел подсумок с несколькими обоймами патронов. Прикрепил к шапке найденную на станции красную звездочку. Винтовку взял «на ремень», левой рукой подхватил связку учебников. Мать молча наблюдала за его сборами, проводила до калитки и прошептала: «С богом!»

У соседних ворот, как всегда в такую пору, стояла Вера Горяева в потрепанной материнской курмушке.

— Ой, Костя! — восторженно вскрикнула она. — Ты как настоящий солдат!

Костя чувствовал себя совсем взрослым и не знал, о чем сейчас говорить с Верой. Так и шли молча. На мосту к ним присоединились Ленька Индеец, Кузя и Пронька.

— Тяжелая? — спросил сразу же Ленька, притрагиваясь к винтовке.

— Да нет! — как бы между прочим ответил Костя. — Всего одиннадцать фунтов с четвертью!

И, явно щеголяя приобретенными военными знаниями, сообщил о длине винтовки со штыком и без штыка. Это произвело впечатление. Больше всех из окружавших Костю переживал Ленька Индеец. Будь ему шестнадцать лет, а не пятнадцать, да еще неполных, он теперь шагал бы рядом с Костей, а в школе, напуская на себя важность, рассказывал бы о тяготах военного обучения...

Еще до звонка все ученики и учителя узнали, что комсомольцы школы, — а их набирается целый десяток — явились на занятия с винтовками. В восьмом классе было четыре члена РКСМ. Они заняли две последние парты, поменявшись местами с другими учениками.

На первый урок прибежал возмущенный Химоза.

— Это что такое? — накинулся он на Костю, указывая на стоявшую в углу винтовку.

Костя за партой отвечал, как на уроке:

— Это, Геннадий Аркадьевич, русская трехлинейная винтовка, образца 1891 года, системы инженера Мосина!

— Не валяйте дурака, Кравченко!—Пенсне у Химозы слетело с переносицы и закачалось на шнурочке. —

Я сам вижу, что это не черепаха! Почему вы с оружием?

— Мы комсомольцы, бойцы части особого назначения!

— Здесь вы только ученики, и никто больше! — закричал Химоза, суетясь в проходе между партами. — Уберите отсюда винтовки!

— Нас учат, что мы везде бойцы! — как можно мягче произнес Костя.

— В комсомоле вас только учат грубить учителям!

Подпрыгивающей походкой Химоза выскочил из класса. Все ждали, что теперь придет директор, но он не приходил, не возвращался и Химоза. В кабинете директора состоялся горячий разговор.

— Александр Федорович, — задыхался в гневе Химоза, — я требую удалить из класса вооруженных комсомольцев, у нас школа, а не казарма!

Директор старался говорить спокойно:

— Мне объяснили, что иногда и школа может превращаться в казарму. Так угодно властям!

Химоза кричал:

— Тряпка вы, а не директор! Политической ситуации не понимаете! Если сегодня Кравченко на своем настоит, комсомольское влияние в школе быстрее чумы распространится...

— Я понимаю, но сил и прав не имею! — директор развел руками.

— Не все вы понимаете! — Химоза подскочил к столу.—Этот Кравченко зареченскими парнишками верховодил, в босоногой команде за старшего был. Подростки за ним и теперь табуном ходят, он может повернуть их куда хочет... Кравченко у нас из-под носа старшеклассников в комсомол уведет. Ему бы крылья обрезать, а вы...

Директор зажал ладонями уши.

— Перестаньте!.. Я уже сказал, что ни сил, ни прав не имею!

— Ах так! — Химоза бросил на стол классный журнал. — Я член партии социалистов-революционеров. Мы живем в Дэ-вэ-эр, и я придерживаюсь другого мнения. Я отказываюсь вести урок!

Действительно, урок химии в восьмом классе не состоялся. Другие учителя к комсомольцам не придира-

лись. Во время перемен ребята поочередно оставались у винтовок, отвечать к доске выходили с подсумками на школьном ремне.

Тревога началась в конце дня, когда в восьмом классе на последнем уроке знакомились с творчеством Гоголя. Заслышав гудок, комсомольцы переглянулись и, как по команде, встали, откинув с легким шумом крышки парт.

— Лидия Ивановна, мы должны идти! — сказал Костя.

В классе повисла настороженная тишина. Вой деповского прерывистого гудка разносился над поселком, его только и было слышно. Учительница, казалось, застыла у стола. Ее тонкие, сухие губы сжаты, взгляд остановился на винтовках. О чем она думает? Это не первый случай, когда Лидия Ивановна видела юношей, уходящих из школы навстречу опасности. На ее глазах в 1918 и 1919 годах распадались целые классы: одни ученики бросали книжки и тетради, брали в руки винтовки, уходили в отряды Красной гвардии или красных партизан, другие надевали на себя гимнастерки с погонами белой армии.

Из всего класса, может быть, только один Костя Кравченко и знал, по рассказам отца, сколько тревог пережила учительница за свою долгую жизнь...

Еще девушкой-студенткой в Петербурге носила она подпольщикам динамит для самодельных бомб. В 1905 году под мелодию фабричных гудков провожала в Москве мужа на баррикады Красной Пресни. Проводила и никогда больше не встретила. Остался и вырос сын. Молодым человеком ушел он на Акатуевскую политическую каторгу в Забайкалье. Чахотка свела его в могилу за два месяца до Февральской революции. Она, мать, приехала проститься с сыном и осталась в этом крае... Семеновцы преследовали ее. С помощью своих учеников, Шуры Лежанкина и Васюрки Чуракова, добралась до партизанского отряда. Пришел туда же исключенный из школы Шура. Лидия Ивановна сама пришивала ему на фуражку красную ленточку. При нападении отряда на семеновский бронепоезд Шура погиб. Она сейчас не знает, куда пойдут по зову гудка ее ученики-комсомольцы, угрожает ли им опасность. Но они пойдут с оружи-

ем в руках потому, что где-то недалеко от поселка появилась банда...

— Идите! — твердо сказала Лидия Ивановна. — Помните задание на дом: прочесть отрывок из «Тараса Бульбы».

Комсомольцы выходили из класса торопливо, топая ногами и громыхая винтовками. Два десятка пар ученических глаз смотрели им вслед, одни со страхом, другие с завистью. В дверях Костя оглянулся. «Я бы с вами», — прочел он в глазах Веры Горяевой.

На крыльце школы сидел Кузя без пальто и шапки. Откинув голову, он прижимал правый рукав рубашки к окровавленному носу. На лбу у него синела большая шишка, рыжие волосы были взлохмачены, на побледневшем лице резко выступили веснушки.

Костя нагнулся к товарищу.

— Кто это тебя так разукрасил?

— А я почем знаю, — морщась, ответил Кузя. — Наподдавали и убежали, я только чьи-то калоши запомнил.

— Некогда с тобой сейчас возиться! Слышишь, тревога!

Придерживая винтовку, Костя сбежал по ступенькам...

В фойе нардома уже строились в две шеренги чоновцы. Костя увидел Васюрку и стал рядом с ним. Командир роты Знова прохаживался перед строем в кожаной тужурке и с наганом на правом боку. Подождав еще две-три минуты, он начал поверку. Бойцы коротко отвечали и снова замирали в шеренге...

— Кравченко Тимофей!

— Я! — донеслось с правого фланга.

«Значит, папа вернулся из поездки и успел сбегать домой за винтовкой», — подумал Костя и сейчас же встрепенулся, услышав свое имя.

— Я!

— Номер винтовки?

— Сто девяносто шесть два нуля восемь!

Пусть командир роты не беспокоится. Боец Константин Кравченко номер своей винтовки запомнил на всю жизнь.

По первой тревоге все чоновцы, как один, явились на сборный пункт. После переклички Знова объявил, кто и

куда идет нести караулы, кто выделяется патрулировать улицы, остальные должны оставаться в нардоме при штабе до особого распоряжения...

Костя устроился на подоконнике и раскрыл книгу. По фойе топали бойцы, раздавались слова команды, смех, а он ничего не слышал, увлеченный повестью «Тарас Бульба».

Скоро начало темнеть, и читать уже было трудно. В дверях показался сторож нардома. Шаркая валенками, старик нес небольшую зажженную лампу. Поставив ее на стол перед командиром роты, сторож вытянул по-солдатски руки по швам и доложил:

— Так что разжился малость керосинчиком!

— Молодец! — похвалил его Знова.

— Рад стараться, ваше бла...

Старик осекся, подмигнул командиру, легко повернулся кругом и зашаркал к выходу в коридор.

— Константин Кравченко, ко мне! — крикнул Знова.

Костя подбежал к нему с винтовкой в одной руке и книгой в другой.

— Ты того, — сказал добродушно Знова, — садись к столу, тут светлее, уроки-то надо учить!

Через минуту Костя снова был в далеком прошлом, видел, как запорожские казаки воюют с польскими ляхами... Куренной атаман Кокубенко ударил по врагу с своими незамайковцами, сам напал прямо на толстопузого полковника, погнал его через все поле, не давая соединиться с полком. Завидев это, Степан Гуска пустился наперерез и, улучив время, с одного раза накинул полковнику аркан на шею, вогнал ему в самый живот гибельную пику. Но его самого подняли ляхи на четыре копья. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги, и ликует вечные веки русская земля!» А драка разгорается. Казак Метелица угощает ляхов саблей, а вот напирает на них атаман Невылычкий... Появляется Тарас Бульба, это он кричит: «Есть ли еще порох в пороховницах?.. Не гнутся ли казаки?» Отвечают ему запорожцы: «Есть еще, батько, порох в пороховницах, еще не гнутся казаки...»

Ученик восьмого класса, член РКСМ и боец части особого назначения, Костя Кравченко в самой гуще боя, он все видит и все слышит.

— Слухай, Кравченко! — кричит кто-то совсем рядом. Голос не такой, как у Тараса Бульбы.

Костя оторвался от книги, на его плече рука Зновы.

— Собирайся, хлопец, выступаем!

Бойцы выходили на улицу и строились. Справа от себя Костя локтем чувствовал Васюрку. На улице сыро и холодно, но хорошо идти рядом с товарищем. И вообще хорошо идти всем вместе. Твердый шаг, одновременный взмах правой рукой, на плечах частокол винтовок. Да, это уже не игра. Детство остается позади, наступила юность. Босоногая команда в боевом строю...

— Шире шаг! — слышится сбоку голос командира роты. — Ать, два! Ать, два!

Когда вышли на шоссе, Костя вдруг вспомнил о матери: «Мы с папой ушли, ночью опять будет плакать...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
СПАТЬ НЕКОГДА

Недалеко от деревенской церкви стоял дом священника. Он был срублен из толстых лиственниц, покрыт широкими тесинами, успевшими за десятки лет обрасти зеленым мохом. Маленькие окна глядели во все стороны обширного двора, заставленного амбарами, стайками и сараями. Дом и хозяйственные постройки были обнесены высоким бревенчатым забором. С улицы поповская усадьба напоминала старинную деревянную крепость. В ней уже несколько месяцев не было слышно ни человеческого голоса, ни мычания коров. Весной, при отступлении белых, хозяин вместе с семьей убежал в Маньчжурию. Теперь окна и вход в сени забиты крестнакрест досками, ворота и калитка на крепком запоре. Новый священник не захотел жить в огромных хоромах своего предшественника и снял избу у одного из родственников Петухова.

С середины лета по деревне пошел слух: иногда по ночам в окнах старого поповского дома виден свет. Крестьяне объясняли это просто: поселился домовой. Многие жители, особенно женщины, после заката солнца боялись проходить мимо таинственного жилья, запре-

щали детям играть поблизости от него, а тем более лазить в заросший полынью двор...

Андрей Котельников поздно вечером шел по улице. Вчера его избрали секретарем сельской ячейки РКСМ, и теперь надо было написать протокол первого собрания. Помочь ему могла только учительница. К ней и торопился секретарь.

С реки тянул пронизывающий до костей хиус. Против поповского дома Андрей остановился, чтобы плотнее запахнуть полушубок, и вспомнил о разговорах про огоньки домового. «Дай-ка погляжу», — решил он. С разбега запрыгнул на забор и... обомлел: сквозь щели в ставнях пробивался свет. Андрей на мгновение зажмурил глаза, а когда открыл их, тонкие лучи еще ярче горели в темноте. Андрей бесшумно спрыгнул с забора и пустился бежать к Анне Васильевне.

Учительница, накинув на плечи белый шерстяной платок, проверяла тетради. Перед ней на столе потрескивал огарок свечи.

— Горит! Сам видел! — еще в дверях закричал Андрей.

Анна Васильевна резко повернулась, но в полутьме не разглядела испуганного лица вбежавшего.

— Пожар, что ли? — спросила она, вскакивая.

— В поповском доме окна светятся! Идемте домового смотреть!

— Фу ты, перепугал! Бабкиным сказкам поверил?— Анна Васильевна набросила на голову платок, быстро надела пальто. — Ну, идем, идем, беспокойная твоя головушка!..

Андрей забрался на забор, протянул руку учительнице. Дом, страшный в темноте своим безмолвием, казался притаившимся лохматым чудовищем. Как Андрей ни вглядывался, зажмуренные глаза-окна нигде не пропускали ни единого лучика. Учительница, нащупывая выступы на заборе, спустилась на землю и дернула за ногу Котельникова.

— Слезай, храбрец! Это тебе со страху почудилось. Только зря от дела оторвал!

Пошли писать протокол. Учительница смеялась:

— Ты хоть другим-то не рассказывай, не поддерживай бабьи сказки.

«Неужели мне показалось?» — подумал смущенный

Андрей. Шагая сзади Анны Васильевны, он все-таки раза два оглянулся, не блестит ли огонек?

Возвращаясь через час домой, Андрей снова влез на забор. Что за чертовщина. Щелки черных ставней краснели. Бежать к учительнице второй раз? Не поверит! Потоптавшись немного в нерешительности, Андрей бросился по улице к избушке партизана — бородатого комсомольца Капустина.

К поповскому забору они подкрались неслышно. Андрей согнулся, опираясь о столб. Капустин взобрался на его спину, заглянул через забор. Зоркие глаза старого солдата и охотника уловили в мертвых окнах едва дрожащий свет. Ловко спустившись на землю, Капустин потянул Андрея за рукав, шепча:

— Айда, паря, к местной власти!

Председатель ревкома уже спал. Осторожно постучали в окно, вызвали его во двор, все объяснили. Позевывая, почесывая поясницу, он сказал:

— Нет таких правов вламываться в забитый дом удравшего попа. Не дозволяет эта...

Председатель долго вспоминал забытое слово.

— Инструкция? Нет! Есть такое слово... про него я еще в окопах слыхал...

— Декрет? — подсказал Капустин.

— Да нет!.. Э-э... Конституция, будь она неладна! Конституция Дэ-вэ-эр не дозволяет трогать такой элемент. Теперича в дальнейшем, требуется бумага сверху, тогда мы и распатроним поповский теремок. Спите, полуночники!

«Полуночники» вышли за ворота и сели на лавочку покурить.

— Товарищ Капустин, а домовые водятся? — негромко спросил Андрей.

— Черт их знает! — ответил партизан, чиркая спичкой. — Нам с тобой самим не раскумекать. Ты двигай на станцию к Мокину, он парень дошлый, пускай с ребятами сюда нагрянет да пару винтовочек прихватит. Спать теперь некогда!

* * *

Между станцией и заливом, где обычно выгружали и распиливали дрова, выросли большие поленницы. Од-

ни высокие, из толстых и длинных поленьев — это для паровозов, другие—низкие, из коротких чурбачков, это для железных печурок в вагонах-теплушках. На распиловке всегда было занято много людей, в свободное время здесь работали и ученики.

Ленька Индеец, Кузя и Пронька пошли туда узнать, не будет ли распиловки в воскресенье, а заодно им хотелось посмотреть, большие ли в заливе ледяные закрайки, нельзя ли после уроков кататься на коньках.

Когда подходили к дровяному складу, Ленька вдруг пригнулся к земле. Еще не зная в чем дело, его дружки тоже присели на корточки. Ленька показал на крайнюю поленницу. Около нее, стоя на коленях, чтобы сторож из будки не заметил, какой-то парнишка торопливо запихивал в мешок маленькие полешки. Ленька и Пронька, пригибаясь, начали окружать его, а Кузя спрятался за высокую поленницу. Увидев опасность, паренек с мешком кинулся к линии железной дороги, но ему навстречу выскочил Кузя.

— Ага, попался голубчик!

«Голубчик» бросил к ногам Кузи глухо стукнувший мешок.

— На, подавись!

Подбежали Ленька Индеец и Пронька.

— Кого я вижу — сам не рад! — Ленька хлопнул по плечу задержанного. — Здорово, Мандолина!

— Из вашего класса? — спросил Кузя.

— На одной парте штаны протираем! И оба знаменитые музыканты. Он в школьном оркестре на мандолине брякает, а я дома, на печной заслонке!

Ленька Индеец хохотнул и вдруг нахмурился:

— Казенные дрова таскаешь, соучрабовец несчастный?!

— Я немного взял на растопку! — пробормотал воришка, не поднимая глаз.

— На растопку! — передразнил его Кузя. — Народная армия на фронт едет, замерзает в телячьих вагонах, а ты...

— К сторожу его! — Ленька схватил Мандолину за воротник.

— Погоди-ка, Индеец! — Кузя посмотрел на ноги музыканта. — Что-то мне знакомы эти валенки с кало-

шами, где-то я их видел... А! Это ты, гад ползучий, меня дубасил?

Пойманный, ожидая удара, втянул голову в плечи.

— Я ничего не знаю!

Ленька сорвал с него шапку, поднес к его носу кулак.

— Понюхай! Не велик, а могилой пахнет! Сейчас из тебя мокрое место сделаем!

Напугав соучрабовца, Ленька бросил ему в лицо шапку и обратился к Кузе.

— Я так и знал, что это он тебя бил — больше некому. Один беженец во всей школе носит валенки с калошами, у нас никто так не ходит. Кузя, дай ему плюху, он с Урала от большевиков пятки смазал!

— Погоди ты с плюхами! — Кузя подступил вплотную к музыканту. — Вот что, беженец! Мы сейчас же отведем тебя в госполитохрану и тогда твоему папаше крышка: придется торчать за решеткой. Или ты говори всю правду!

Паренек заплакал, начал испуганно озираться, вытирать шапкой слезы.

— Меня Гога подговорил, — признался он. — Мы тебя, Кузя, целый день караулили, думали, как в уборную побежишь, так и поймаем...

Тут и раскрылась картина Кузиного избиения... Учительница во время урока послала его к директору за кусочком мела. Он вышел в коридор и в этот момент услышал, как кто-то, приоткрыв выходные двери, позвал его. Из коридора, открывая дверь, попадаешь в маленький тамбур, а уже из него вторая дверь вела на улицу. Кузя сунулся в темный тамбур, где ему и дали подножку. Падая, он ударился лбом о косяк. Его, лежачего, били толстой полосой резины. Потом нападающие выскочили во двор. Когда двери распахнулись, Кузя и увидел валенки в калошах...

— Кто еще был с тобой? — допытывался Кузя.

Мандолина назвал незнакомую фамилию.

Кузя потер переносицу.

— Так... А за что вы меня мутузили?

Мандолина испуганно мялся, молчал.

— Ну! — угрожающе прикрикнул Кузя.

— Гога сказал: «Будут знать, как из соучраба убегать, предатели!» Он дал нам по две настоящие тетра-

ди в клеточку, обещал еще чистой бумаги и немного сахару...

Пронька вытряхнул чурочки из мешка.

— Таких бить нужно! Понял? Но твое счастье, Мандолина, что мы в комсомол вступать собираемся... Возьми свой мешок!

— И проваливай отсюда! — добавил Кузя.

Парень сначала попятился, еще не веря, что отделался так легко, затем повернулся и побежал вдоль поленницы, сверкая калошами.

* * *

Банда нападала на маленькие села, но к станционному поселку подходить не решалась. Вооруженные чоновцы по ночам охраняли все важные объекты. Коммунисты и комсомольцы спали мало, питались кое-как, а работали много.

Тревога продолжалась четвертые сутки. Васюрка Чураков сунул в карман пальто две испеченные в золе картофелины, снял со стены винтовку и отправился на сборный пункт. На мосту остановился, чтобы подождать Костю Кравченко. Голова была как чугунная. Васюрка перегнулся через перила и посмотрел вниз. По темной воде островками плыла шуга. Сваи моста обрастали льдом. Скоро зима, а живется все труднее и труднее. После смерти отца семья никак не могла свести концы с концами. Васюркин заработок не ахти какой. Мать совсем больная, не может встать с постели. Младший братишка Витька сидит дома полураздетый, нынче не в чем было отправить его в школу. Есть нечего, в потребиловке много не купишь. Хорошо, что картошка своя, она и выручает... «Буржуи шкуру дерут с нас, а мы с картошки», — вспомнил Васюрка часто повторяемую рабочими фразу. «Мне-то что, я и на воде пробьюсь, а вот мать да Витька...»

Васюрка плюнул вниз. Плевок шлепнулся о воду. Кости все не было.

Васюрка не знал, что он давно уже вышел из дому, но у горяевских ворот увидел церковного регента и остановился. Регент звякнул щеколдой, скрылся во дворе. «Зачем он тут шатается», — недоумевал Костя. Прошло пять-десять минут. От Горяевых никто не выходил. Костя пожал плечами и поспешил к мосту.

— Долго ты чай пьешь! — упрекнул его Васюрка.

— Я не чаевал, — оправдывался Костя. — Знаешь, кого видел? Регента! К Горяевым почему-то подался. Зачем, как ты думаешь?

Васюрка хмыкнул.

— Ясное дело, Верку от комсомола отговаривать!

— И по-моему, так. Это он Веркину мать запугивает. Надо бы отвадить этого субчика шляться по дворам!

Около депо встретили Леньку Индейца, Кузю и Проньку. Они, перебивая друг друга, рассказали, что произошло на дровяном складе. Ленька, как всегда, увлекся:

— Я его взял за шиворот, да ка-ак трахну между глаз, хорошо что вот они отняли его у меня, а то бы полетели от Мандолины пух да перья...

Но Костя пропустил мимо ушей Ленькину болтовню. Его обеспокоило другое.

— Этот Гога поперек дороги нам стоит! — сказал он с досадой.

На сборном пункте, в нардоме, Костя прежде всего разыскал Митю Мокина. Того нисколько не удивила история избиения Кузи. Вытирая рукавом шинели ствол винтовки, он сурово сказал:

— В настоящий текущий момент соучраб идет на всякую пакость. Ты, Кравченко, держи в школе линию Третьего Коммунистического Интернационала. И ни шагу назад! Я на тебя надеюсь!

Костя хотел еще рассказать о том, что регент приходил в дом Горяевых, но раздалась команда Зновы:

— В две шеренги стройся!..

Чоновцы собирались в дозоры. Предстояла бессонная ночь...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ВОДЯТСЯ ЛИ ДОМОВЫЕ?

Весело шумел самовар. На железной тарелке возвышалась горка свежего, нарезанного крупными ломтями ржаного хлеба. Новая свеча, вставленная в бутылку с отбитым горлышком, освещала небогато убранный стол.

Свечу эту Митя Мокин с большим трудом выпросил у начальника станции, привез в Осиновку и преподнес как дорогой подарок учительнице Гречко. Митя приехал вместе с сотрудником госполитохраны Прейсом. Кроме их и хозяйки за столом сидели двое деревенских.

Анна Васильевна разливала морковный чай. Стаканов всем не хватило, председателю ревкома досталась деревянная, расписанная цветами чашка.

Прейс, человек с узким продолговатым лицом, на котором выделялся тонкий прямой нос, прихлебывал чай и расспрашивал Капустина о таинственных огоньках в окнах старого поповского дома. Капустин, отвечая, вскакивал со скамьи. Этот разговор потешал учительницу, она почему-то не верила.

— Домового хотите поймать? Не смешите людей. Никто и никогда не видел огоньков. Одна брехня!

— Я самолично сколь раз видел, вот ей-богу! — уверял Капустин, готовый перекреститься.

Председатель ревкома отодвинул от себя чашку, вытер ладонью рот и сказал:

— Местная власть в моем лице получала таковые сигналы от данного товарища, гражданина Капустина.

Анна Васильевна махнула на него рукой.

— Развесили уши! Это Андрюшка Котельников всех вас взбаламутил!

Капустин поставил на блюдце перевернутый вверх дном стакан, выскочил из-за стола:

— А что Андрюшка? Вот помяните мое слово, выследит он контрреволюцию!

Мокин и Прейс молча переглядывались, каждый из них по-своему размышлял о Капустине. Мокин вспомнил собрание в школе. Тогда этот бывший красный партизан, не желая отстать от нового течения жизни, первым записался в комсомол. Теперь надо объяснить, что ему, бородатому дядьке, имеющему внучат, не положено состоять в союзе молодежи. Но как объяснить? Капустин обидится, да и сельская ячейка, если партизан уйдет из нее, лишится крепкой опоры. «Пусть еще побудет немного... Ячейка вырастет, тогда и скажем ему», — решил про себя Мокин, наблюдая за тем, как Капустин, увидев свое отражение в большом настенном зеркале, старательно приглаживал руками давно не чесанные волосы...

А Прейса беспокоило другое — не пустые ли разговоры ведет Капустин об огоньках. Партизан что-то подозревает, но у него только догадки, а доказательств нет. Больше часа тому назад Андрей Котельников ушел наблюдать за окнами и не возвращается. Может быть, ему и в самом деле нечего сказать, огоньки померещились со страху. Прейс достал карманные часы. Уже полночь. Чекистам и так работы по горло, а тут теряй время по пустякам.

— Да, — многозначительно протянул Прейс и отвернулся к стене. На засиженной мухами цветной картине был изображен донской казак Кузьма Крючков. Он лихо рубил саблей и одновременно колол пикой окруживших его в несметном количестве немцев и австрийцев. Прейс усмехнулся.

— Здорово крошит? — спросил его председатель ревкома, протягивая кисет с табаком. — Давай закурим, чтобы наши дома не журились.

К кисету потянулся и Капустин. Стали крутить цигарки. Председатель ревкома прикурил от свечки.

— На войне что! — пустился он в рассуждения. — Там стреляй себе, руби. Врага видишь, своих знаешь. Все ясно! Попробовал бы Кузьма Крючков сейчас на моем месте воевать! Не справится казак, где ему! У нас в чем заковыка? Черта два узнаешь, куда контра попряталась. Да и тронуть не всякого можно. Думаешь, стерveца за шиворот поймал, а он тебе под нос разные бумаги сует. Ему, видишь ли, всякие права дадены этой Дэ-вэ-эрией, будь она неладна!

Председатель ревкома взглянул на Прейса, закашлялся.

— Теперича в дальнейшем... Антанта на нас прет. Международное положение не сладкое, а тут еще от внутреннего голова болит...

Убирая посуду, Анна Васильевна не очень-то интересовалась разглагольствованиями председателя. Но Митя, сидя на углу стола, подпер кулаками голову и с удовольствием слушал фронтовика. К нижней губе председателя прилип жалкий остаток цигарки, однако местная власть, не боясь проглотить окурка, умудряется сосать его и, выпуская дым, без остановки говорить...

— К примеру, возьмем керосин. Нету его. А в темноте нам к новой жизни не пробиться. Надо во всех из-

бах очаги устраивать. В одном углу русской печки сделай выемку, чтобы тяга в трубу была, и жги смолевые полешки. Светло! Так и дотянем до советской власти, перехитрим разруху... Или, скажем, посуды в деревне маловато. Значит, предревкома соображай своим котелком. Даю указание пустые бутылки в дело пустить. Шпагатинку в керосине смочи, оберни ее вокруг бутылки, подожги эту веревочку, а как сгорит, на то место воды плесни — будто алмазом отрежет. Вот и получай стакан или настоящий бокал...

— Сказки рассказываешь! — Капустин бросил к порогу свой окурок. — Шпагатину надо в керосине смочить, а я где его возьму? Керосин-то, может, только у Петухова есть. Твоя сказка для имущего класса!..

Предревкома не успел ничего сказать. В сенях послышались торопливые шаги. В дверях показался Андрей Котельников.

— В окошках огоньки! — сдавленным голосом крикнул он и бросил торжествующий взгляд на учительницу. — Можно идти!

Прейс зажег привезенный с собой фонарь, вынул из кармана наган.

— Не уйдет от нас домовой! — торжествовал Капустин, засовывая за ремень топор...

Анна Васильевна осталась дома. Провожая гостей, она смеялась:

— Вы домового за хвост ловите, а то удерет!

Митя Мокин у порога оглянулся, кивнул хозяйке. Анна Васильевна улыбнулась, пошла следом закрывать сени. «Кто его поймет... Как будто неуклюжий и грубоватый на вид, а душа, видать, добрая и чистая», — подумала она о Мокине...

Помогая друг другу, мужчины перелезли через забор, быстро обошли вокруг дома. Ни одно окно не светилось. Андрей думал, что Прейс начнет ругаться и заставит всех вернуться, но чекист поднялся на крыльцо.

— Открывайте!

Прикладом винтовки Мокин сбил доски, Капустин отогнул топором большие гвозди, и входная дверь распахнулась. Прейс посветил фонарем. Кроме пустого курятника, в сенях ничего не было. Дверь в кухню тоже оказалась запертой. Ее открыли скоро. Из пустой кухни прошли по четырем просторным комнатам. Столы,

стулья, шкафы стояли в порядке. Прейс удивился, что везде было чисто. Провел пальцем по крышке круглого стола, пыли не заметно.

— Здесь поселился аккуратный домовой! — сказал чекист, оглядывая углы.

На полу гостиной увидели кусок жести, на ней стоял еще горячий огарок восковой свечи. Кто-то был здесь совсем недавно, но как он сюда попал и куда теперь девался? Обыскали все комнаты, Андрей лазил под деревянную кровать, Капустин заглянул в печь, открыл буфет — никого. Прейс велел открыть подполье в кухне. Спустились по узкой, но довольно длинной лестнице. И здесь пусто.

— Потревожьте его! — сказал Прейс, махнув фонарем на огромный, обитый железом сундук.

Предревкома поднял крышку. В сундуке лежал старый валенок.

— Это все, что оставил нам домовой! — засмеялся Прейс. — А сундучок кто-то недавно двигал, вот он где стоял. В пыли след остался...

Почти рядом с сундуком обнаружили большое железное кольцо.

— Люк! — догадался Капустин.

— Он самый! — обрадовался Прейс.

Первым стремительно спустился чекист с фонарем.

— За мной! — донесся его голос снизу.

Посреди ледника на пустой бочке сидел старик в рваном полушубке, в заплатанных валенках, без шапки. Волосы у него взлохмачены, борода большая, белая.

— Дед Ефим! — удивленно крикнул Андрей.

— Кто это? — спросил Прейс, пряча в кобуру наган.

— Церковный сторож! — ответил предревкома. — Такого испугаться можно. Домовой, да и только!

Старик спокойно и даже будто устало рассказал, что поп, надеясь на скорое возвращение из Маньчжурии, нанял его за десять серебряных рублей охранять дом. Дед Ефим по ночам проникал в хоромы по подземному ходу из сарая во дворе. Убирал в комнатах раз в неделю. Сегодня услыхал голоса и решил отсидеться в леднике. Зная, что народ в деревне суеверный, старик сам распустил слухи о том, что в поповском доме поселился домовой.

— Веди нас обратно тайным ходом! — приказал Прейс деду Ефиму.

Старик вздохнул.

— Вчера была господня воля, а сегодня ваша.

Он откатил бочку. В стене обозначились небольшие дверцы. Предревкома с силой рванул их за ручку. Когда вышли во двор, Капустин сказал:

— Без винтовочки и нагана не найти бы нам домового!

— Полезные это для революции инструменты! — отозвался Мокин. — В настоящий текущий момент мы еще не одного домового разыщем. У нас на станции такая контра тоже водится...

* * *

В тот же вечер Химоза праздновал день своего рождения...

Граммофон с красной трубой, напоминающей цветок лилии, громко пел:

Ехал на ярмарку
Ухарь-купец,
Ухарь-купец,
Удалой молодец...

Подвыпивший регент, размахивая вилкой, подпевал трубе:

Заехал в деревню
Коней напоить,
Своею гульбою
Народ удивить...

За маленьким столом все уже были навеселе. Химоза похлопал в ладоши.

— Господа, прошу еще по одной! Самогон-первач осиновской марки «Петухов и сыновья», приготовлен из хлеба, спрятанного от большевиков!

Мутноватая жидкость забулькала по граненым стаканам и фарфоровым чашкам.

Гуляли только мужчины. Среди них был один приезжий, «Привет с Амура»», как представил его сам име-

нинник. Это блондин лет тридцати. Серый гражданский костюм сидит на нем мешковато, должно быть, с чужого плеча. Официально блондин — уполномоченный общества потребителей. Он проводит ладонью по зачесанным назад светлым волосам и просит гитару. Регент угодливо подает ее, потом тянется к граммофону, прерывает веселую поездку ухаря-купца на ярмарку. За столом наступает тишина. Выхоленные, длинные пальцы амурского гостя трогают струны.

Белой акации гроздья душистые
Вновь аромата полны...

Поет он, покачиваясь всем телом. Регент уставился на него большими, одуревшими от самогона глазами, и беззвучно аплодирует, слегка прикасаясь ладонью к ладони.

— Чудненько, славненько!

Гитара вдруг смолкает.

— Довольно играть в прятки! — громко говорит приезжий и берет стакан. — Я поднимаю тост за Россию! Здесь, на далекой восточной окраине, мы объявляем поход на Москву!

Все звонко чокаются и пьют. Гость кривит чисто выбритое лицо. Потом на мгновение оно твердеет, застывает, походит на маску, но сидящий рядом аптекарь видит, как чуть-чуть нервно подергивается правая щека. Незнакомец встает и начинает говорить. Сначала почти шепотом, затем, распаляясь, все громче и громче. Химоза поглядывает то на окно, то на двери, боится посторонних ушей...

Уполномоченный амурского общества потребителей в этих местах не впервые. Весной этого года в чине штабс-капитана каппелевской армии он отступал от красных. Где-то в поселке, за рекой, провел несколько часов на постое в избе рабочего-железнодорожника и помнит, что тогда состоялся у него с хозяином резкий разговор. Железнодорожник уверял, что победят большевики, что дело интервентов и белогвардейцев проиграно. Штабс-капитан, в котором течет голубая дворянская кровь, не забыл нахальных рассуждений железнодорожника. Может случиться, что судьба теперь сведет его с хамом-рабочим, предоставит возможность отом-

стить за обиду и напомнить, что борьба не кончена и гибель большевизма не за горами.

— Впрочем, это не главное из того, что я хочу вам сказать...

Именинник и все его приглашенные затаили дыхание. Главное в том, что он, уполномоченный, приехал для связи. Назревают события огромной важности. Скоро состоятся выборы в Учредительное собрание Дальневосточной республики. Эсеры, меньшевики, кадеты должны завоевать большинство в законодательном органе, и тогда все можно будет повернуть иначе. Но для этого прежде всего необходимо ослабить политическое влияние коммунистов на массы. Собравшиеся в этой крохотной холостяцкой квартире и все, кто еще, безусловно, примкнет к ним, обязаны целью своей жизни считать борьбу против Советской России. Надо превратить Дэ-вэ-эр в базу такой борьбы. Обстановка вполне благоприятна. Во Владивостоке до сих пор японцы. Как друзья, они не дадут в обиду тех, кто угрожает большевикам. Остатки каппелевских и семеновских войск, скрывшиеся в Маньчжурии, несмотря на протесты правительства Дэ-вэ-эр, стягиваются в Приморье. По горам и лесам Дальнего Востока бродит много офицеров белых армий. Большевики называют их бандами. Пусть называют! Но эти силы скоро объединятся и еще покажут себя. Офицерство смыкается с действующей легально партией эсѐров, принимает ее программу. Пусть блокируются все, кто хочет бить коммунистов. Прекрасно поступают эсеры, агитируя за участие в выборах всех, кто живет на Дальнем Востоке. Зачем спрашивать, кем был человек в прошлом и что он делал в годы революции... Нельзя сидеть сложа руки. И в этом поселке можно создать эсеровские группы. Работы им хватит: добывать оружие, собирать сведения о численности и вооружении Народно-революционной армии, составлять списки коммунистов, они пригодятся, когда наступит час расплаты. Все это пока формы нелегальной борьбы, но скоро маскировка будет отброшена.

Штабс-капитан тяжело опустился на стул, выпил залпом стакан самогона. Регент завел граммофон, ухарь-купец снова поехал на ярмарку.

— Ур-ра! Ур-ра! — кричали за столом.

Химоза поднял бокал за здоровье всех присутству-

К стр. 80.

ющих, за процветание местной эсеровской группы. Она хотя и малочисленная, но тоже вносит свою лепту в дело освобождения России от большевистского произвола. Группа посылает своих ораторов в деревню, всячески срывает там все мероприятия коммунистов, старается увлечь на свою сторону молодежь. Лично он, учитель, через купца Петухова передал в бродячий белый отряд кое-какие данные о местной части особого назначения и этим спас лесных друзей от разгрома. Теперь эти друзья устроились поблизости от Осиновки, ожидая помощи оружием и патронами. Группа имеет кое-какие надежды захватить немного винтовок...

— Хвалю! — вскричал гость с Амура, сунул руку в задний карман брюк и протянул имениннику маленький револьвер Монте-Кристо. — Вот вам в знак признательности и уважения от русского дворянина. Надеюсь, подарок будет использован, как положено члену партии социалистов-революционеров!

Штабс-капитан обнял Химозу, и они расцеловались.

Гулянка продолжалась...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О ЧЕМ ТОЛКУЕТ НАМ ЭСЕР

Задача по алгебре никак не решалась. Вера встала из-за стола, подошла к окну. Пушистый снежок затянул узорами нижние стекла, а сквозь чистые верхние улица просматривалась хорошо. По укатанной дороге бежали ребятишки, тянули за собой салазки. Должно быть, спешили на речку, там старшеклассники устраивали катушку-круговушку, любимое развлечение зареченской детворы. На заснеженные крыши домов опускалась предвечерняя синева....

Стукнула калитка. «Мама», — подумала Вера и, не одеваясь, выскочила во двор. К крыльцу тяжело, вразвалку шел мужчина. В длинном, до земли, тулупе, в черной мерлушковой папахе, в огромных валенках, он походил на медведя. Вера узнала регента. «Вот черти его принесли». На вопрос гостя, дома ли матушка, ответила с улыбкой:

— Она в потребиловку за овсянкой ушла! Проходите в избу, пожалуйста!

Через несколько минут регент, сбросив у порога свое тяжелое облачение, сидел в кухне и грел над плитой толстые, мясистые руки. Вера, не смея сесть перед таким важным гостем, стояла около стола.

— Матушка сказала тебе, что я бывал у вас?

Вера сделала легкий поклон.

— Да, сказывала!

Растирая красные пальцы, регент оглядел низенькую кухню с одним окном и снова мягко спросил:

— Какое же твое решение?

Вера притянула к себе учебник алгебры, как будто в нем можно было найти ответ на заданный ей вопрос.

— Я же маменьке перечить не стану насчет хора и комсомола. Как она сказала, так и будет.

Регент отодвинулся от плиты и, раскачиваясь всем корпусом, погладил свои толстые колени.

— Вот и славненько! В церковном хоре петь — большой почет. На клиросе человек ближе к алтарю стоит, а значит, — ближе к богу. А комсомол — это наваждение дьявольское!

Вера вертела в руках учебник.

— Я молитвы многие знаю... «Отче наш»... «Верую во единого бога-творца»... «Достойно есть яко во истину»...

— Славненько, чудненько! — твердил регент. — Сразу видно, что ты послушная дочь. В субботу на спевку приходи. К рождеству Христову начнем готовиться, большая служба в церкви будет.

— Я хочу вас спросить... — Вера положила на стол учебник. — Можно в хор и других принять? Тут есть желающие, наши соседские, только они мальчишки!

— Мальчишки? — регент заулыбался. — Чудненько, чудненько! Мужские голоса храму тоже требуются.

— Можно ребят сюда позвать? Они близко, на речке.

— Зови, доченька, ты хозяйка!

Регент вытащил из кармана большой носовой платок и начал громко сморкаться. Вера накинула на себя материну курмушку, выскочила из дому. Вернулась она быстро, в сопровождении Леньки Индейца, Проньки и Кузи. Ребята смиренно топтались у порога, разглядывая регента. Он подошел к ним.

— В каких классах уму-разуму набираетесь?

Ребята ответили.

— Славненько, славненько!.. Дочка, дозволь нам в горницу, я голоса послушаю.

Вера провела всех в комнату, подала регенту стул, а сама вместе с мальчиками остановилась в переднем углу, перед божницей.

— И запевала у вас есть? — регент довольно поглаживал лысину.

Кузя сделал шаг вперед.

— А что спеть можете?

— Мы больше божественное! —не моргнув глазом, сказал Кузя. — Бабушка Аничиха нас научила.

— Слушаю со вниманием! — Регент откинулся на спинку стула.

Кузя потер переносицу и вдруг сильно затянул:

О чем толкует нам эсер?
О чем толкует нам эсер?

Регент тяжело поднялся с затрещавшего стула.

— Комедию играете, негодники!?

Хористы дружно ответили запевале:

Отдай буржуям Дэ-вэ-эр,
Отдай буржуям Дэ-вэ-эр.

Разъяренный регент медведем вывалился в кухню и стал натягивать на себя тулуп. Певчие окружили его и сквозь смех тянули разными голосами:

Прогоним мы эсера,
Пусть гремит гром борьбы.
Эй, живей, живей, живей
На фонари буржуев вздернем.
Эй, живей, живей, живей,
Хватило б только фонарей!

Гость сильно хлопнул дверью. Уже из сеней донесся его бас:

— А тебе, скверная девчонка, влетит от матери!

Кузя бежал за регентом по двору.

— Дяденька, какая разница между антихристом и анархистом? Ага, не знаешь!..

У ворот дежурил Костя Кравченко. Когда багровый регент, пыхтя, вышел на улицу с папахой в руках, Костя шмыгнул в горяевскую калитку. Друзья его хохотали, поджав животы.

— Славненько! Чудненько! — выкрикивал Кузя, прыгая по кухне.

— Все, как по маслу, прошло! — рассказывала Косте Вера — Хороший ты план придумал!

Насмеявшись вдоволь, Ленька Индеец, Пронька и Кузя ушли на катушку, а Костя остался помочь Вере решить задачу...

Вернулась из потребиловки Верина мать. Она была довольна. Кроме овсяной муки по заборной книжке выдали еще полтора фунта кеты.

— Надо картошечки сварить, самовар поставить. Сегодня один человек должен прийти.

Вера и Костя переглянулись.

— Мама, он уже был и больше не придет!

В голосе дочери мать почувствовала недоброе.

— Кто был?

— Церковник твой... Мы его тут встретили и проводили.

Вера объяснила, что произошло. Мать сорвала с гвоздя полотенце, свернула его вдвое и бросилась к Вере. Костя остановил женщину.

— Тетя Фрося, если бы вы были дома, все равно было бы по-нашему. Мы не отдадим Веру регенту и соучрабу.

— Кто это мы?

— Комсомол!

Тетя Фрося порывалась достать Веру полотенцем.

— Я тебе все волосы выдеру! Ты же меня опозорила!

Вера была удивительно спокойна и говорила твердо:

— Выслушай, мама, все сразу!.. В церковный хор я не пойду, а в комсомол запишусь! Куличи святить на пасху в церковь носить не буду, за просвирками ходить не буду. Если станешь ругаться и драться, уйду из дому. Теперь коммуной жить можно!

— Это верно! — подтвердил Костя.

Тетя Фрося рухнула на скамью и громко запричитала.

* * *

Утром Кузя зашел за Пронькой. Ожидая, пока приятель напьется чаю, Кузя ходил по чисто убранной горенке и разглядывал развешанные на стенках семейные фотографии Хохряковых. Конечно, Кузя видел их и раньше, но от нечего делать можно посмотреть еще раз. Одна карточка очень знакома, Кузя хорошо знает ее историю... Заработав на распиловке дров, ребята сфотографировались на память. Около грубо намалеванной пальмы стоят два одинаковых ростом босоногих подростка. Один уперся руками в бока, будто сейчас пустится в пляс, другой спрятал их в карманы. Тот, что пошире в плечах, — Кузя. Базарный фотограф не мог запечатлеть краски, которыми природа разрисовала круглое Кузино лицо. На карточке все скучно-серое. А ведь у Кузи тонкие медные брови, рыжие волосы, голубые глаза, вздернутый нос усыпан маковками-веснушками, припухшие губы открыты в улыбке. Впрочем, улыбка и на фотографии видна.

Рядом с Кузей, конечно, Пронька. Его лицо вытянулось внизу клинышком, щеки впалые, глаза печальные, нос заостренный. Проньку, по рассказам взрослых, в раннем возрасте едва выходили. До школы он часто болел...

— Пошли, Кузя! — позвал с кухни Пронька.

Ох и молчаливый же этот Прокопий Хохряков! Миновали уже две зареченские улицы, а он еще ни слова не сказал.

— Ты язык с чаем, что ли, проглотил? — не выдержал Кузя.

Пронька и ухом не ведет, пинает затвердевший комочек снега, помалкивает.

— Чего надулся, как мышь на крупу? — приставал Кузя.

Наконец молчун произнес:

— Зачем ты меня в этот соучраб затащил?

Кузя смущенно потер переносицу.

— Опять ты, Проха, за свое? Я же тебе говорил, что у нас с тобой неладно получилось! По сугубой несознательности мы к буржуйчикам попали.

— Не видать нам теперь ни комсомола, ни винтовок! — продолжал ныть Пронька.

— Не вешай нос! — Кузя подтолкнул дружка плечом. — Мы с тобой пролетарский элемент, нас везде примут... Гляди-ка, уже по льду ходят!

Ноябрьские морозы смастерили крепкий мост через реку. Правда, он еще не был тщательно отделан, повсюду торчали нагромождения—торосы, образовавшиеся при рекоставе, но жители Заречья уже опробовали ледяное сооружение, проложили по нему прямую дорогу к вокзалу.

Пронька и Кузя вприпрыжку бежали по льду, где можно—с разбега катились. Скоро они оказались на станции. Тут они сразу обратили внимание на небольшой пассажирский состав. Кто-то сказал, что это правительство Дальневосточной республики переезжает из Верхнеудинска в Читу. Ребятам очень захотелось взглянуть на тех, кто управляет огромной территорией от Байкала до Тихого океана. Но как узнать членов правительства? Пронька и Кузя толкались среди людей. В одном из вагонов у окна стоял полный человек с большими черными усами и поправлял галстук.

— Недорезанный буржуй! — определил Пронька. — Это, наверно, самый главный!

Кузя вспомнил и вполголоса пропел слышанную както в школе частушку:

Дэ-вэ-эр, Дэ-вэ-эр,
Синяя заплатка,
Не в тебе ли, Дэ-вэ-эр,
Жить буржуям сладко?!

Они со смехом отбежали от вагона. У входа в вокзал увидели машиниста Храпчука. Старик о чем-то горячо разговаривал с невысоким мужчиной в солдатском полушубке. Ребята хотели подойти и послушать, но в это время раздались три звонка, и незнакомец заторопился к поезду. Парнишки бросились к Храпчуку.

— Николай Григорьевич, ты с кем это разговаривал? — спросил Пронька.

— С министром просвещения, ребятки!

— Ух ты! — удивился Кузя. — Разве такие министры бывают?

— Теперь бывают!

— Вот мы сейчас видели министра! — не удержался Пронька. — Пузатый, с белым воротничком и с «собачьей радостью», ну, с галстуком, значит. Гнида какая-нибудь!

— А мой из казаков, старый большевик-подпольщик!

Кузя поинтересовался:

— А что тебе министр говорил?

— Говорил, что правительство едет в Читу, там теперь будет столица Дэ-вэ-эр. Надо устраивать жизнь республики, налаживать разрушенное хозяйство.

— А ты ему что? — прищурился на машиниста Кузя.

— Я ему, конечно, про синюю заплатку. Мол, пора бы сорвать ее с красного знамени.

— А он тебе что? — не унимался Кузя.

— Он говорил, что Москва не сразу строилась. Потерпеть нужно малость.

— А ты ему что?

— Ну... Говорю, что обидно нам. За советскую власть кровь проливали, а тут, на тебе, буфер установили.

— А он тебе что?

Храпчук надвинул Кузе шапку на глаза.

— Много будешь знать — скоро состаришься. Идите-ка в школу, ребятки!

Пронька и Кузя дружат с первого класса. Всегда сидят на одной парте, живут на одной улице, вместе готовят домашние задания, ловко подсказывают друг другу. Вся школа знает, как в прошлом году, еще при белой власти, Пронька выручил Кузю на уроке закона божия... Отец Филарет вызвал Кузю к доске и спросил о «вознесении господнем». Кузя давно уже не заглядывал в учебник священной истории и забыл, что в нем сказано по поводу вознесения Христа на небо. Он потер переносицу и взглянул на последнюю парту. Там Пронька раскинул вдоль стены руки, легонько покачал кистями, как птица машет крыльями. Кузе все стало ясно, и он заговорил: «Христа сначала прибили гвоздями к большому кресту, потом он улетел на небо и стал богом». Священник поморщился, сказал, что следует говорить не «улетел», и «вознесся», но «удочку» в журнале все-таки поставил...

Зимой у друзей на двоих одна пара деревянных самодельных коньков с полозьями из толстой проволоки.

Пронька катается на одном, Кузя — на другом. Делается это очень просто: конек привязываешь к правой ноге, а левой отталкиваешься. Летом друзей водой не разольешь. Однажды мать сказала Кузе: «Только ночь и разлучает вас». — «А мы друг дружку во сне видим», — нашелся Кузя...

От вокзала к школе ребята шли в гору.

— Тот толстый министр непременно эсер или меньшевик. Как ты думаешь? — спросил Пронька.

— Свободная вещь! — тоном взрослого согласился Кузя.

— Ну вот... Таким и помогает соучраб! И я по твоей милости туда попал!

— Перестань ты крутить эту шарманку! — рассердился Кузя.

На базаре их окликнул ученик в валенках с калошами. Он выскочил из китайской харчевни, осторожно держа перед собой что-то завернутое в исписанные тетрадные листки.

— Что тебе, Мандолина? — Кузя на всякий случай огляделся. Кто его знает. Может, этот музыкант устроил засаду и придется второй раз подставлять свои бока соучрабовцам.

Но Мандолина развернул листки и протянул каждому по китайской пампушке величиной с добрый кулак. У ребят загорелись глаза. Эх, и вкусная же штука эти китайские пельмени, или пампушки, как зовут их русские! В раскатанное тесто завертывается молотое мясо с луком и перцем, и все это лакомство варится на пару — пальчики оближешь! Но многие ли школьники имеют гроши, чтобы бегать за пампушками в харчевку?

— Мама дала мне денег на обед, а я вот вас угощаю. Ешьте!

Все трое свернули за угол харчевни. Кузя посмотрел на свою пампушку. На ней ясно обозначились перешедшие с тетрадного листка цифры и знак умножения. Кузя впился зубами в бок пампушки, на щеки брызнул горячий сок. С наслаждением жуя, он спросил:

— С чего это ты добрый такой?

Мандолина вкрадчиво сказал:

— Я вас еще могу угостить, только вы на меня в госполитохрану не доносите. Я буду вам сообщать обо всем, что происходит в соучрабе...

Обжигаясь, заречениы торопливо расправлялись с пампушками. И вдруг Пронька перестал жевать.

— А что там у вас происходит?

Мандолина зашептал:

— Вы меня не выдавайте... Вчера было маленькое собрание соучрабовцев на дому у Кикадзе...

— Какое такое маленькое? — спросил Кузя, перекладывая горячие остатки пампушки из одной ладони в другую.

— Ну... были только верные соучрабовцы.

— А ты верный? — перебил Мандолину Пронька.

— Конечно!.. Папа мой старый член партии социалистов-революционеров!.. Там говорили, что придется собирать оружие для великой цели — освобождения России от большевистского ига...

— Как это собирать? — не понял Кузя. — Оружие ведь не грибы и не ягоды!

Мандолина пожал плечами.

— Ну как... Разными путями... Говорили, что можно раздобыть винтовки у комсомольцев.

Кузя облизал пальцы правой руки, сжал их в кулак.

— Как это раздобыть? Говори!

Мандолина попятился.

— Ну как... Можно отнять. Гога Кикадзе сказал, что это плевое дело. Комсомольцы совсем мальчишки. Дескать, на них только дунуть посильнее и они побросают свои винтовки.

Пронька отправил в рот последний кусочек пампушки и тихо сказал:

— Ты, Мандолина, не бойся, мы на тебя не донесем. Но ты всегда теперь будешь рассказывать нам с Кузей про соучраб. А про наш уговор никто не должен знать. Даже твой папа. Ни-ни! Ни гу-гу! Молчок! Понял?

— Вот что! — Кузя потер переносицу, он уже принял решение. — Вы отправляйтесь в школу. Скажите там, что я сегодня учиться не могу, у меня эта... свинка!

Он повернулся на одной ноге и побежал...

Костя Кравченко ходил по комнате и что-то зубрил. Увидев на пороге Кузю, он обрадовался.

— Проверь-ка меня... Целый час учу!

— Знаешь, Костя, что случилось...

— Потом, Рыжик, потом!

Костя подал Кузе удостоверение бойца ЧОН.

— Вот на обороте напечатано. Ты следи, а я буду говорить на память...

Отчеканивая каждое слово, Костя громко говорил:

«Товарищ коммунар! Знай: свое место в строю, свое оружие и правила его сохранности, своего прямого начальника и его адрес, свои обязанности по мобилизации, сбору и караульной службе...»

— Молодец! Все точно! — похвалил Кузя.

— Следи дальше... «Товарищ коммунар! Умей: владеть своим оружием — винтовкой, пулеметом, гранатой, револьвером; надежно быть связанным с товарищами по звену; в нужную минуту содействовать успеху всякого сбора коммунаров; не болтать о военных мерах в ЧОН...»

Возвращая Косте удостоверение, Кузя с завистью подумал: «Когда же мы с Пронькой будем коммунарами?» В эту минуту он даже забыл, зачем прибежал в дом Кравченко. Напомнил сам Костя:

— Что там у тебя случилось?

— Не у меня, а в соучрабе!

Кузя быстро рассказал о пампушках и разговоре с Мандолиной.

— Что же ты, рыжий, молчал! — закричал Костя, кидаясь за пальто и шапкой.

Через десять минут он был на станции. Дальше бежать не пришлось. С тормозной площадки только что прибывшего товарного поезда спрыгнули Митя Мокин и Прейс. Выслушав Костю, Мокин подмигнул Прейсу.

— Я давно говорил, что у нас много развелось «домовых»...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СТОЙ! КТО ИДЕТ?

В восьмом классе закончили изучение «Тараса Бульбы». Разобрали по косточкам всех героев, выяснили, кому из них можно подражать и кого надо презирать. В конце урока Вера Горяева подняла руку.

— Лидия Ивановна! Мне очень понравился Тарас. Какой он храбрый! Какие у него замечательные товари-

щи! Все они умеют постоять за себя и за Россию! Но это же было давным-давно. Запорожской Сечи теперь не существует. А я хочу подражать героям, которых мы знаем и видим. Сейчас есть такие?

Учительница закрыла томик Гоголя.

— На этот вопрос вы сами ответите. Давайте еще раз отступим от программы. Вы напишете сочинение на тему «На кого я хочу быть похожим?» Условие: героя взять не из книги, а из жизни...

После уроков, когда шли домой, Костя посоветовал Вере не искать долго героя и написать о своем отце, смазчике Горяеве, о том, как он погиб от рук японских интервентов. Вера согласилась. А сам Костя о ком напишет? Он вспомнил первый день военного обучения в отряде ЧОН. Машинист Храпчук, выдавая винтовки ему и Васюрке, говорил немного о Борисе Кларке. Борис стал революционером еще подростком и боролся вместе с отцом против царского самодержавия. В тревожные дни 1905 года шестнадцатилетний Борис по поручению отца раздавал оружие читинским дружинникам. Интересно было узнать, что с ним стало, где он теперь. Придется поговорить с Николаем Григорьевичем, может быть, и в самом деле найдется увлекательная тема...

Вечером Костя и Васюрка примкнули к винтовкам штыки и отправились в нардом. Охрана поселка чоновцами еще не была снята. Как только вышли из строя после поверки, Костя обратился к Храпчуку с просьбой подробно рассказать о Борисе Кларке. Старик пообещал, но его скоро направили в караул.

Костя и Васюрка остались связными при штабе. Командир роты Знова послал их с поручением к посту, стоявшему на Крестовой горе. Гора эта недалеко, но она очень крутая, и подниматься на нее, да еще в ночное время, трудно.

На улице было темно, холодно. Звезды не показывались. Луна ныряла в рваные тучи, будто лодка в волнах, и лишь изредка поглядывала на землю. Ветер хлестал в лицо, насвистывая заунывную песню. Поселок спал, только на станции горело несколько фонарей... На крыльце большого магазина «Клейман и Родовский» Васюрка сел переобуться: один сапог тер ногу. Костя медленно пошел дальше. Он хорошо знал: рядом с магазином приютилась пекарня Попандопуло, за ней начи-

нается узкий переулок, по нему можно пройти в Чертов угол, а через дорогу будет аптека. Косте показалось, что кто-то вышел из переулка и тут же растаял в темноте. Он прислушался и различил осторожные шаги. Костя рывком снял с плеча винтовку, передернул затвор, дрогнувшим голосом крикнул:

— Стой! Кто идет?

Сердце колотится, позади прерывистое дыхание догнавшего Васюрки. Почему же никто не отвечает?

— Почудилось, — тихо говорит Васюрка, — идем!

Сделали пять-шесть шагов. И вдруг с боку метнулась тень, чья-то рука дернула с плеча Кости винтовку. Костя яростно рванул винтовку, кто-то шлепнулся на землю. И тут же упавший вскочил, затопал в сторону. Костя нажал спусковой крючок и сам вздрогнул. Гулко прозвучал выстрел.

— Стой! — закричал Васюрка и тоже передернул затвор.

Убегающий упал.

— Свои! — в страхе завопил кто-то.

«Чей это голос? Где я его слышал?» — соображал Костя.

— Свои! Не стреляйте!

Да это же Гошка Кикадзе! Луна выглянула в рваное облако. Васюрка толкнул лежавшего на землю прикладом.

— А ну, вставай!

Подбежали патрульные Митя Мокин и Федя-большевичок.

— В штаб щенка! — распорядился Мокин.

— За что?! — возмутился Кикадзе. — Я в аптеку ходил.

— Никаких чтоб аптек. Сейчас разберемся! — строго сказал Мокин. — В нардом его, а побежит — стреляйте!

Допрос вел Знова. На маленьком столике вокруг лампы лежали кусочек черного хлеба, две вареные картофелины, наган, распечатанная пачка махорки и брошюра Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» Кикадзе стоял перед столом белый, как стенка. Шапка его осталась на улице, пальто запачкано песком и снегом. Знова потряс в руках спичечную коробку и бросил в угол—пустая. Ни обращаясь ни к кому, он протянул руку, его поняли — положили на шер-

шавую ладонь спички. Он прикурил и так же молча вернул коробку. Поднял голову на задержанного.

— Зачем так поздно ходишь?

— Я шел в аптеку за каплями датского короля, мама у нас заболела, — заныл Кикадзе.

— А почему не отвечаешь на окрик часового?

— Я Кравченко по голосу узнал... Думал пошутить Мы школьные товарищи...

Кикадзе взглянул на Костю, хотел улыбнуться, но губы онемели, тонкие черные усики задергались, и вместо улыбки получилась противная гримаса. Знова выпустил изо рта клуб махорочного дыма, пальцем осторожно сбил с цигарки пепел, поднялся со стула. Его кожаная тужурка заскрипела.

— И за винтовку шутя схватился?! — гаркнул он.

— Шутя, шутя! — попятился от стола Кикадзе.

— Сиди здесь! До утра! — Знова повелительно ткнул рукой в сторону скамейки.

Пришел, еле волоча ноги, утомленный Прейс. Он поговорил о чем-то со Зновой, потер худые щеки ладонями, расправил плечи и подозвал к себе задержанного.

— Иди, герой, домой! Там мама твоя плачет!

— Я ведь шутил, — начал еще раз оправдываться Кикадзе.

— Я знаю... Иди спать!

Герой без шапки бросился в коридор. Прейс посмотрел ему вслед.

— Мелкая рыбешка! Пусть пока плавает!

Знова все-таки отправил молодых бойцов на Крестовую гору. «Кто-то будет писать сочинение и о таком «герое», как Гога», — думал Костя, шагая в ногу с Васюркой. Ветер утихал. Небо светлело, очищаясь от черных, лохматых туч. Луна тихо плыла над поселком. Падали редкие снежинки.

* * *

На рассвете Андрей Котельников вышел из дому, чтобы задать сена лошади. Спустился с крыльца, запорошенного снегом, и остановился. Что такое? Прислушался. Нет, слух не обманывает. Церковный колокол прозвенел раз, другой. Кто-то звонил тихонько, мягко, словно боялся разбудить деревню. Кто же это? Зачем зво-

нит? И как забрался в такое время на колокольню? Церковь должна быть закрыта. Вот снова запели два колокола... один глуше... другой звонче... Странные дела творятся нынче в Осиновке! Едва успели разобраться с огоньками в поповском доме — и вот уже, пожалуйте вам, ночной звон. Под валенками, подшитыми кожей, заскрипел снег. Андрей прошел через весь двор, поднялся по лестнице на сеновал. Отсюда видно все село. Круглый фонарь-луна освещал единственную улицу от края до края. Вон и церковь поблескивает куполами. Заглянуть бы сейчас на колокольню... Задумчивый Андрей рассеянно сбросил в скотный двор два навильника сена. Лошадь помотала головой, зафыркала. Сено захрустело на ее крепких зубах. «Пойду спать, утром выясним эту канитель»...

На крыльце обтрепанным веничком смел с валенок снег и опять прислушался. Колокольный звон ясно разносился в морозном воздухе. Андрей запахнул полушубок. К кому бежать? Учительница снова будет смеяться, председатель ревкома уехал на станцию... Андрей вышел за ворота. На улице ни души. Ни одно окно не подмигивает огоньком. Постучал в ставень вросшей в землю избушки. Капустин выбежал без шапки, в валенках на босу ногу, на плечах шинель внакидку.

— Андрей?!

— Колокольня что-то говорит... Послушай!

Притихли. Действительно, церковь разговаривала медными голосами. Призрачный звон плыл не то с неба, не то с земли, не то справа, не то слева. Будто звенел еле уловимо весь морозный воздух. Капустин почесал взлохмаченную голову.

— Церковный домовой, что ли?

— Надо проверить. Иди оболакайся! — сказал Андрей.

Капустин вернулся подпоясанный, с дробовым двухствольным ружьем. Испуганная жена только что сказала ему, что колокольный звон слышала и прошлой ночью. Бабы шептались об этом в лавке. Петухов поносил на чем свет стоит коммунистов, комсомольцев и госполитохрану. Зачем потревожили старый поповский дом? Бог этого не простит! Колокола не зря зазвонили сами. В деревню большое несчастье придет.

— Бога не боишься? — спросил Капустин, заряжая ружье.

Андрей засмеялся.

— Все равно на том свете в смоле кипеть!

Они медленно обошли церковную ограду. Ворота были закрыты. Пришлось перелезать. Постучали в церковную сторожку — никто не открывал и не откликался. Капустин несколько раз стукнул в дверь прикладом.

— Открывай, а то гранату в окно бросим!

Послышалось чье-то кряхтенье, загрохотал засов. Сторож дед Ефим в одном белье трясся у порога.

— Что у тебя за звон по ночам? — набросился на него Андрей.

— Ей-богу, не знаю... Сам ни живой ни мертвый!

Капустин погрозил старику ружьем.

— Говори, кого пустил на колокольню? Ты уже по одному делу на подозрении, а теперь в другое влип. Кто там звонит?

Дед Ефим клялся, что ему ничего не известно. Его заставили одеться и пойти открывать церковь. По внутренней лестнице первым на колокольню полез Капустин, на всякий случай он взвел оба курка. Андрей шел следом, с топором, который прихватил в сторожке. Дед Ефим остался внизу.

На веревке, соединяющей колокола, сидел филин. Это и был таинственный звонарь. Переминаясь с ноги на ногу, птица натягивала веревку, вызывая звон. Капустин выстрелил, убитого филина принес деду Ефиму.

— Закопай свое оправдание.

Домой шли со спокойной душой. На охотников за «домовыми» с неба глядела бледная от бессонницы луна, а на земле их провожали лаем дворовые собаки, разбуженные снежным скрипом на тихой улице. У старой избушки попрощались. Капустин сказал:

— Хорошо, что в госполитохрану не заявили... Прейс накрутил бы нам хвост за то, что панику разводим.

Андрей думал о другом:

«Как бы Петухов не узнал, да этот... со станции, со стеклышками на шнурочке. Смеяться будут»...

* * *

Председатель ревкома привез со станции шесть винтовок и две цинковые коробки патронов. По совету

Прейса, оружие выдал на руки. Одну винтовку председатель оставил себе, остальные ночью вручил Капустину, Андрею Котельникову, Анне Гречко и еще двум комсомольцам. Больше всех обрадовался Капустин. Он любовно оглядел трехлинейку, подмигнул председателю.

— Дробовик хорош филинов бить, а для всякой «белой птицы» винторез нужен!

Андрей Котельников свою винтовку спрятал на сеновале, подальше от батькиного глаза. Учительнице досталась легкая, кавалерийская. Дома Анна сейчас же вычистила и смазала винтовку, завернула ее в тряпку и положила под матрац.

На другой день Анна Васильевна задержалась в классе: хотела засветло проверить ученические тетради. Вышла из школы уже в сумерки. Над сопками полыхал зимний закат, обещая назавтра ветреный день. Учительница, подрумяненная морозцем, шла по улице, размахивая руками в белых шерстяных варежках и отвечая на поклоны прохожих. Неожиданно вечерняя тишина раскололась колокольным звоном. Удары были сильные, раздавались через короткие промежутки. «В будний день ведь не звонят!» Анна Васильевна обернулась на церковь, видневшуюся за большим петуховским домом. У ворот побеленной избушки стояла какая-то старуха в большом клетчатом платке. Увидев учительницу, она засеменила к дороге.

— Слышишь, благовест! Прогневили вы, комсомолы, господа бога, погибели на вас нет!

Не слушая старушечьего причитания, Анна пошла дальше. С кем-то надо поговорить о колокольном звоне. Ближе всего с Котельниковым. Но в их доме Анна не бывает. Хозяин называет ее вертихвосткой и всем говорит, что «учителка затянула моего парня в этот чертов комсомол». До председателя ревкома далеко. Придется заглянуть к Капустину...

Партизан стоял в ограде и крепкими словами отбивался от жены, которая тянула его за рукав шинели.

— Ну и пускай звонят, тебе-то какое дело?! Свернешь там себе башку непутевую!

Анна пришла кстати.

— Вот мы с интеллигенцией и полезем на колокольню! — обрадовался Капустин. — Надо полагать, новый филин туда залетел!

К стр. 115.

Жена махнула на него рукой. Раздалось еще несколько ударов самого большого, зычного колокола. Улица быстро опустела. Люди поспешно закрывали ставни и калитки, скрывались в избах.

К удивлению Капустина, ворота церковной ограды не были закрыты. Двери храма стояли распахнутыми. Партизан остановился на крыльце, рассчитывая задержать всякого, кто спустится с колокольни. Учительница обежала вокруг церкви. Однако было уже поздно. Анна увидела мелькавшую между тополями фигуру, крикнула, но неизвестный ловко перемахнул через ограду.

— Улетел филин, — сказала она, вернувшись к Капустину.

Узкие двери церковной сторожки оказались подпертыми длинным поленом. Когда вошли в сторожку, с трехногой скамейки поднялся дед Ефим в дырявом полушубке. Капустин замахнулся на него прикладом.

— Опять контру разводишь? Кто звонил?

Старик перекрестился.

— Убей бог, не могу сказать. Пришел такой же, как ты, с черной бородкой, тычет мне в морду револьвертом, вырвал из рук ключ, сказал: «Помалкивай, старый хрен», — и пошел звонить. Я как в тюрьме сидел...

— А кто приходил-то?

— Не наш, не осиновский!

Капустин погрозил сторожу кулаком.

— В другой раз, ежели подопрут тебе дверь, ломай окно и беги к местной власти.

Сторож посмотрел на здоровенный капустинский кулак и отвернулся, смахнул слезу.

— Тут не знаешь, кого и слушать... Кто пришел с оружием — тот и власть!..

* * *

Колокольный звон был лишь сигналом к ночным событиям...

Председатель ревкома проснулся от грохота в дверь. Не зажигая лампы, босиком, в одном белье выскочил в сени.

— Кто тут?

— Пакет ревкому со станции!

— Кто привез?

Вместо ответа в дверь грянул выстрел. Пуля обожгла плечо. Предревкома бросился обратно в избу. В переднем углу нащупал винтовку. На кровати взревела, закричала жена. В эту минуту чем-то тяжелым, должно быть прикладом, ударили в одно окно, потом в другое. Загремели болты, закрепленные в косяках железными чекушками. Удары повторились. Зазвенели разбитые стекла одинарных рам, в избу ворвались струи холодного воздуха. Председатель нащупал на полу кольцо, открыл крышку подполья, с руганью стащил с кровати охающую жену, силой заставил ее спуститься вниз. Сам кинулся за печку. Ставни трещали от ударов. Председатель по очереди выстрелил в оба окна. Где-то на улице, справа от избы, тоже щелкнули два выстрела. На миг стало тихо. Потом выстрел слева. Кто-то со стоном свалился у окна, выходившего во двор. Стукнула калитка, послышался топот ног. И опять тишина. Предревкома, пригнувшись, подошел к двери, приоткрыл ее. Со двора донесся легкий стон. «Выходить нельзя», — решил председатель и только тут спохватился, что до сих пор не одет. Около кровати нащупал валенки, сунул в них босые ноги. Стал шарить по стене, нашел полушубок. Надевая его, почувствовал острую боль в плече. В сенях снова раздался стук.

— Герасим, ты живой? Открывай!

Голос Капустина. Председатель отодвинул деревянный засов. С партизаном вошел Андрей Котельников. Андрей зашуршал спичками, зажег на столе жестяную лампу. Стекла не было, его осколки рассыпались по клеенке. Фитиль задымился, язычок огонька задергался. Открыли подполье, помогли выбраться продрогшей до костей женщине, она с плачем упала на постель.

Все вытащили кисеты. Председатель не мог свернуть цигарки. Пальцы левой руки были мокрые, липкие. Скинул полушубок. Весь рукав рубашки в крови. Перетянули плечо полотенцем.

— Царапнуло немного! — поморщился от боли председатель.

— Лишь бы кость уцелела, — сказал Капустин. — А по тому, который у окна лежит, поминки справим. Ловко ты его шлепнул, Герасим!

— Я в это окно не стрелял! — признался председатель.

— А кто же его успокоил?

— Домовой! — засмеялся Андрей.

Герасим принялся затыкать разбитые окна подушками и тряпками.

Капустин и Андрей Когельников пошли к учительнице. Во дворе осмотрели убитого. Пуля попала ему в затылок. Повернули на спину. Обросшее рыжеватой щетиной лицо. Одет в старую бурятскую шубу, давно вылинявшая синяя далемба висит клочьями. На голове облезлая заячья шапка, на ногах меховые, еще добротные унты. В руке зажат карабин. Капустин взял его.

— А бандюга не здешний! Собаке — собачья смерть.

Партизан сплюнул...

Учительницу застали одетой, она собиралась к председателю ревкома. Капустин сказал, что там теперь все в порядке, если не считать раненого плеча, разбитых окон и напуганной до смерти жены. Андрей осторожно спросил Анну Васильевну:

— Вы тут, наверное, тоже перетрусили? Изба Герасима через огород стоит, рядом.

Учительница улыбнулась, передернула затвор винтовки, на пол упала пустая гильза. А было так... Услышав первый выстрел, Анна Васильевна надела валенки, курмушку и с винтовкой вышла в сени. В маленькое незастекленное окошечко увидела двух неизвестных, ломившихся в избушку Герасима. Просунула винтовку в оконце, прицелилась, и один упал, а другой убежал по огородам...

Капустин от удивления развел руками.

— Значит, это ты, Аннушка, уложила бандита?!

Анна натягивала на руки варежки.

— Не знаю, может, и вы, когда бежали по улице и бахали в белый свет как в копеечку!

— Молодчага! — Капустин на радостях обнял и расцеловал смущенную Анну.

Договорились, как быть дальше... Все комсомольцы собираются во двор председателя и прячутся там. Бандиты, делая налет, наверное, рассчитывали захватить полученное председателем оружие. Эту попытку они могут повторить. Андрею дали особое задание: в тайне от отца оседлать коня и скакать на разъезд, по фонопору сообщить станции, что случилось в Осиновке...

* * *

Костя и Васюрка спустились с Крестовой горы к станции. Знова велел узнать, не поступили ли вагоны с дровами, завтра намечался воскресник. Около спаленного партизанами японского склада остановились. Предутренний туман застилал дорогу. Впереди слышались чьи-то шаги. А вот и проступила смутная фигура. Человек тихонько напевал:

Белой акации гроздья душистые...

Чоновцы вскинули винтовки.

— Стой! Кто идет! — крикнул Васюрка.

— Я приезжий! Кооператор!

— Никаких чтоб кооператоров! — Это уж Васюрка явно подражал Мокину.

— У меня документы! — голос был твердый, уверенный.

Костя медленно приказал:

— Повернитесь спиной, идите обратно! На станции проверим!

Шли мелкими шагами. Спина кооператора чувствовала комсомольские штыки. У первого фонаря проверили удостоверение. Кооператор стиснул зубы, даже при свете фонаря было заметно подергивание его правой щеки. Костя возвратил бумажку.

— Ходить вам лучше днем!

Кооператор усмехнулся.

— Я вас, кажется, понял!

Он пошел от станции в гору.

Белой акации гроздья душистые...

Костя долго смотрел в ту сторону, прислушивался к романсу.

— Васюрка, где я его видел?

— Ты разве тоже из общества потребителей?

— Нет, правда, где я его видел?..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НА КОГО БЫТЬ ПОХОЖИМ?

Крепко спал Костя после ночного дежурства. Тимофею Ефимовичу не хотелось будить сына — в школу ему не идти. Но на воскресник он явиться обязан. Костя вздрогнул от прикосновения отцовской руки, открыл глаза, сладко зевнул.

Когда умылся, долго не мог причесать торчавший вихор. Как в детстве, поплевал на ладошку и пригладил непокорные волосы. Глянул в зеркало. Белый пушок на губе становился все гуще. «Усы», — Костя тихо засмеялся Посмотрел на отцовский футляр с бритвой. «Как-нибудь попробую... Васюрка уже ходил в китайскую парикмахерскую...»

— Что во сне видел? — полюбопытствовал за чаем Тимофей Ефимович.

— Все кого-то догонял! — признался Костя.

Отец улыбнулся.

— Ты что-то бормотал про белую акацию. Ни дать, ни взять штабс-капитан Орлов!

— Какой штабс-капитан? — Костя чуть не подавился откушенным хлебом.

— А помнишь, каппелевцы отступали... У нас два офицера останавливались, ели, самогон пили. Один такой...

— Папа! — Костя вскочил с табурета, опрокинул стакан. — Это он! Я его сегодня рано утром видел!

Тимофей Ефимович недоверчиво поглядел на Костю.

— Что-то плетешь, сынок!

Теперь Костя точно знал, где и когда он видел уполномоченного общества потребителей. Да, так и было...

Офицеры ели и пили. Один, такой с белыми, зачесанными назад светлыми волосами, смотрел Костины учебники и тетради. Удивился, что парнишка где-то в захолустье изучает немецкий язык. «Зачем? Все равно ведь будешь коров пасти». Возмущался, что в поселковой школе учат писать без твердого знака, не признают буквы «ять». Щелкнул Костю в лоб, когда он сказал, что не знает, кто такой Бетховен. «А Чайковского знаешь?» «Знаю, это дорожный мастер, живет в Теребиловке». Штабс-капитан долго смеялся над Костиным ответом, говорил, что в этом доме живут варвары, даже рояля не имеют. Длинными пальцами барабанил по столу, пел

«Белой акации гроздья душистые». Все больше пьянея, он спорил с отцом. Тимофей Ефимович говорил, что между господами и трудовым людом никогда не будет мировой, что победит народ. Штабс-капитан похвалялся своим дворянским происхождением, грозил отцу кулаками, хватался за револьвер. Другой офицер заломил ему руки. Отец встал на табурет и потянулся рукой к божнице, там были спрятаны гранаты. Хорошо, что штабс-капитана увели и уложили в сани...

Забыв про чай, Костя рассказал отцу о проверке документов белокурого кооператора.

— Ничего не путаешь? — серьезно спросил отец.

— Не путаю! Это он!

На воскресник пошли с винтовками. Сегодня еще и день всевобуча.

* * *

В Осиновку Прейс намеревался попасть с темнотой, чтобы не привлекать к себе внимания жителей. Когда он подошел с разъезда к пригорку у околицы, кое-где в избах горели огоньки. Весь день дул противный, надоедливый ветер, поэтому вечерняя, даже морозная тишина была особенно приятна, не надо закрывать лица воротником, поворачиваться спиной к ветру. Над деревней всюду поднимались столбы дыма. Курились не только трубы над избами, но и во всех огородах дымили бани. «Суббота», — вспомнил Прейс и сейчас же почувствовал неприятный зуд по всему телу. Частые поездки и срочные дела замотали его, уже дней пятнадцать не удавалось похлестать себя веником. Прейс поглубже натянул на уши шапку. Эта старая ушанка из шкуры неизвестного зверя да еще шубные рукавицы и составляли его зимнее обмундирование. Шинель и сапоги старый солдат носил круглый год, не считаясь с сезоном. Захотелось в теплый дом, посидеть у печки, и Прейс ускорил шаги...

Сельские комсомольцы собрались у Анны Гречко. Пригласили и председателя ревкома. Он сидел с подвязанной рукой, качая ее: донимала боль. Местный фельдшер сделал перевязку и настоятельно советовал побывать в станционной больнице... О ночном происшествии говорили все. Выслушав подробности, Прейс был

озабочен одним — как узнать, скрылись налетчики в лесу или притаились в деревне. Их вылазки не сулили ничего хорошего. Бандиты могли поодиночке перебить всех. Нужно было принимать меры предосторожности: на ночь собираться вместе, установить дежурства. Капустин требовал немедленно обыскать дом и надворные постройки Петухова. Партизан не учитывал того, что купец не рискнет сейчас на открытые действия, зная, что подозрение прежде всего падет на него. Прейс сам установит за Петуховым слежку, но этого мало. Капустин с помощью деда Ефима может пробраться в церковь и подкараулить «филина» на колокольне, если он туда «залетит». Андрей Котельников спрячется где-нибудь во дворе старого поповского дома, не появится ли какой-нибудь новый «домовой». Анна Гречко должна охранять раненого председателя ревкома, пока его не отправят в больницу. Полушубком и валенками Герасима ночью воспользуется Прейс. Другие комсомольцы понаблюдают за въездом в деревню...

Прейс достал карманные часы.

— Сейчас ровно девять. В одиннадцать занимайте свои посты!

— Я еще успею в баню сходить! — обрадовался Андрей Котельников.

— Прихвати и меня с собой! — попросился Прейс.

— Прихватить можно, да баня у нас по-черному, сажи много, моемся в темноте.

Прейс подал Андрею оставленный у Анны еще в прошлый раз фонарь с огарком свечи и сказал, что пройдет в баню по огородам.

Дома мать встретила Андрея ворчанием:

— Шляешься до каких пор, все давно вымылись, баня остыла!

Отец, как ни странно, не проронил ни слова. С полотенцем на шее он один сидел за огромным кухонным столом и пил брусничный сок. Андрей сунул под мышку пару белья, выскочил в сени. Мать открыла двери и вдогонку крикнула:

— Вехотку там не оставь, мыла три меньше... Плесни на каменку ковша два воды — пару прибавится...

На крыльце Андрей зажег фонарь и, помахивая им, отправился в огород. К бане по снегу была протоптана тропинка. Андрей пригнулся, боясь задеть головой о

притолоку низенькой двери, шагнул через порог. Поднял фонарь, хотел повесить его на гвоздь и... обомлел. На полке, где парятся, лежал человек — обутый, в верхней одежде. Он спал. В изголовье веник, из-под веника выглядывает приклад карабина. Андрей поставил на подоконник фонарь, и обеими руками дернул карабин. Спящий вскочил, сильно ударился головой о потолочную матку, свалился на пол, сбил с ног Андрея, завертелся по бане и спиной открыл двери. К бане как раз подошел Прейс. Увидев ошалелого, странно одетого человека, он понял, что это чужой, и дал ему подножку, тот упал. Прейс выдернул из кармана наган. Тут из бани выбежал Андрей с карабином в руках.

— Не стреляйте, братцы! — прохрипел пойманный.

— С легким паром, — сказал Прейс. — Поднимайся, милый!

Странного незнакомца увели в баню, он сразу попросил пить. Андрей подал ему из бочки полный черпак колодезной воды. Пил он жадно и долго. Это оказался еще не старый, но страшно обросший человек. На нем бурятская остроконечная шапка — видно, где-то ограбили улус. Поверх темно-зеленой английской шинели натянут полушубок без рукавов. Ноги в валенках разного цвета и размера. Заговорил сам:

— Проклинаю всех богов и царей. Колчака и Каппеля. Самого себя проклинаю! Ничего не утаю, только не передавайте в трибунал!..

И бородач рассказал о себе. Он — приказчик из Оренбурга. Призвали в белую армию. Почему не перешел к красным? Запугали большевистскими зверствами. Отступил со всеми за Байкал. Часть, в которой служил каптенармусом, разбили под Верхнеудинском в пух и прах. Бродяжничал с таким же, как и он, солдатом. Потом пристал к небольшому офицерскому отрядику, пробивавшемуся на восток. Куда от них убежишь! Обещали вывести на Амур, там, говорят, свои. Будет наступление на Советскую Россию. В каком-то поселке создается белогвардейская организация, можно примкнуть к ней и вернуться в родной город к семье. Зачем попал в деревню? Вместе с другими послан в разведку. Есть сведения, что Осиновский ревком получил оружие. Зная, что в деревне была паника по поводу колоколь-

ного звона, решили сыграть на этом. Если раньше звонил филин, значит, и теперь подумают, что птица качает на колокольне веревку. Кто вздумает проверять — народ запуган и суеверен.

— Вчера я звонил, дал знать своим: винтовки в деревне, налет возможен. Почему-то послали только двоих, они не справились: одного убили, другой где-то бродит, завтра должен встретиться со своими перед нападением на разъезд...

С какой стати вернулся в деревню? Чтобы довести дело до конца. Должен был ровно в полночь еще раз звонить. Завтра налетит весь отряд, заберет оружие, перебьет по списку ревкомовцев и комсомольцев. Кто передал список? Это ему знать не положено. После расправы отряд запасется продовольствием и продолжит путь на восток. Дорогой отряд надеется обрасти надежной живой силой, тогда легче будет нападать на крупные населенные пункты, а в настоящее время такой возможности нет, чоновцы дают отпор. Как должны наступать? Отряд отсюда в 18 верстах, он выйдет в падь Моритуй, оттуда на железную дорогу, порвет связь со станцией и тогда — в деревню. Здесь работы на одну ночь. Сколько людей в отряде? Было 29, вчера одним стало меньше. Сегодня, если считать рассказчика пленным или расстрелянным, остается 27. Как оказался в этой бане? Выбирать было нечего. Весь день провел в лесу на заимке, топить ее боялся. Съел кусок хлеба и две горсти снега. Замерз окончательно. Высмотрел, что в эту баню перестали ходить мыться, и завернул погреться. Думал отсидеться до полуночи, сходить на колокольню, отзвонить и удрать, но с усталости и голода задремал...

Показания бандита сломали весь план Прейса. Придется действовать иначе. Капустин, как опытный вояка, останется за старшего, он будет знать, что делать комсомольской ячейке в ближайшие двадцать четыре часа.

Андрей Котельников по предписанию ревкома запряжет лошадь, повезет к поезду раненого председателя, задержанного бандита и Прейса.

Помыться в бане так и не пришлось...

Деревня собиралась ко сну. В полночь несколько раз пробил церковный колокол. Кто-то за закрытыми став-

нями, в теплых постелях крестился, проклиная комсомольцев, кто-то в страхе затаил дыхание, кто-то облегченно вздыхал, а кое-кто знал, что ничего таинственного нет, так как по всем правилам звонил церковный сторож дед Ефим. Рядом с ним на колокольне стоял с винтовкой Капустин, представляя, как в лесу прислушивались к звону недобитые белогвардейцы...

* * *

Винтовки с примкнутыми штыками составлены в козлы вдоль большой поленницы. Около них ходит часовой Васюрка Чураков. В душе он рад, что ему доверили такой важный пост. Шутка ли, в его руках все вооружение отряда. Но ему не хотелось бы отставать и от своих товарищей. Чоновцы выгружали дрова. Выброшенные из вагонов кряжи скатываются под невысокий откос, образуя нагромождение из сосны, лиственницы и березы. На разгрузке шумно. Васюрка слышит вспыхнувшую в одном вагоне песню: «Эх, дубинушка, ухнем!» — там сваливают толстый и сучковатый кряж; в другом почему-то раскатисто смеются; из третьего раздается предостерегающий окрик: «Берегись!» Гул труда стоит над дровяным складом...

Знова в промазутенной стеганке бегает из конца в конец небольшого состава, что-то кричит, торопит бойцов: скоро ему начинать военные занятия. За ним по пятам бегают три подростка. Кузя, Пронька и Ленька Индеец подталкивают друг друга, но никто из них не осмеливается первым подойти к Знове, он кажется им грозным и неприступным начальником. Наконец Кузя набирается храбрости. Выждав момент, когда Знова повернулся к ним лицом, он сдернул с правой руки заплатанную варежку, потер переносицу, потом полусогнутую ладонь приложил к заячьей шапке с одним длинным ухом.

— Товарищ командир, разрешите, это... дрова выгружать!

Знова поправил на ремне кобуру, для порядка откозырнул.

— Кто такие? Откуда?

Голос строгий, у Кузи немного затряслись колени, однако Рыжик не сробел.

— Зареченские мы!.. Зыков, Хохряков и Ленька Индеец!

— Который из вас индеец? — Знова нагнулся, всматриваясь в троицу, голос его кажется еще более строгим.

Кузя оторвал руку от виска, показал пальцем.

— Вон тот, подпоясанный веревкой, в солдатской шапке!

— Какой же это индеец? — Знова шагнул к Леньке, потряс его за плечи. — Настоящий русский парень, на смазчика Карасева похож! Угадал?

— Так точно! — ответил по-военному Ленька. — Сын смазчика Карасева, а индейцем мамка прозвала!

Вот это другой разговор, у ребят отлегло на сердце. И вовсе Знова не сердитый. Ленька улыбается, польщен тем, что с ним запросто разговаривает сам командир ЧОНа. Будет, что рассказать в школе и на своей улице. И он выпалил, чем бредит день и ночь:

— Хочу вступить в комсомол!

— Ну, если так, — засмеялся Знова, — то валяйте работайте!..

К составу подошел паровоз. Кругом у него парит, весь в куржаке, белый. Действительно «овечка»! С железных погнутых подножек соскочил Прейс. Спросил у Мити Мокина, где Знова, и, перепрыгивая через кряжи, побежал. Через несколько минут в конце состава голос командира:

— Храпчук и Комогорцев, ко мне!

Николай Григорьевич и Федя-большевичок столкнули последнее бревно, выпрыгнули из вагона. Знова сказал им что-то, и они быстро пошли к станции.

— В две шеренги станови-ись!

Чоновцы бросились к винтовкам. Каждый встал на свое место. Пересчитались на «первый-второй». После команды «вольно» Знова и Прейс начали молча обходить шеренги, приглядываясь, как одеты и обуты люди: у иного бойца пальто на рыбьем меху, а сапоги или валенки давно отслужили свой век. Прейс спрашивает взглядом: «Как быть?» Знова отвечает одними глазами: «Ничего не поделаешь». Осмотрели подсумки с патронами. Из-под вагонов показались Храпчук и Федя-большевичок. Старик тянул за собой на салазках пулемет «Максим», Федя в одной руке нес коробку с пулемет-

ной лентой, а в другой свою папаху, наполненную осколочными гранатами—«лимонками». Знова поднялся на тормоз последнего вагона и сказал, что военные занятия состоятся в лесу, в вагоны грузиться повзводно...

И никто не замечал, что у сваленных дров стояли притихшие Кузя, Пронька и Ленька Индеец, он же сын смазчика Карасева. Подростки не смотрели друг на друга и ничего не говорили. Каждый про себя жалел, что ему нет полных пятнадцати и каждый из них мысленно был в одном строю с Костей Кравченко и Васюркой Чураковым.

Чоновцы садились в только что разгруженные вагоны...

Хорошо, что Костя поехал в одной теплушке с Храпчуком, дорогой можно расспросить его о Борисе Кларке, ведь пора уже писать домашнее сочинение «На кого я хочу быть похожим?»

Николай Григорьевич сидел на перевернутой коробке с пулеметной лентой. Он привалился спиной к стенке вагона, придерживая рукой щиток «Максима».

— Ты, Костик, хочешь знать, где теперь Борис Кларк? Два года назад убили его белые гады!

— Вы мне все по порядку, Николай Григорьевич!.. Что стало с ним в 1905 году, когда царь подавил революцию?

Вагон-теплушка без железной печки был холодным. Бойцы приплясывали, затевали борьбу, чтобы согреться. Но, прислушиваясь к разговору Храпчука и Кости, чоновцы постепенно обступили их. Рассказ старого машиниста заинтересовал всех. Костя, слушая, закрыл глаза...

— Как сейчас его вижу среди дружинников—боевой да смекалистый в свои шестнадцать-то лет. В огонь шел! Такие не бегут и не прячутся!.. Вспоминать страшно, что было! Как двинули на восставших два генерала с большим войском, как засвистели нагайки, защелкали винтовки, как полилась рабочая кровь! Многих в ту пору за тюремные решетки упрятали. И Бориса вместе с отцом туда же!..

Косте представилась картина военно-полевого суда. На скамье подсудимых Кларки: бородатый отец в железнодорожной форме и безусый сын в рубашке-косоворотке. За большим столом офицер с эполетами читает приговор. Слова он произносит тяжелые, казенные...

— Думаете, Борьку отпустили на свободу? Сказано было, что он способствовал подготовке вооруженного восстания населения для ниспровержения существующего государственного строя. Во какие слова! Политическим преступником Борьку называли, и приговор ему строгий — бессрочная каторга. Отцу смертную казнь объявили. Потом генерал-каратель, сразу-то и не выговоришь... Ренненкампф смягчение сделал: отцу вместо казни бессрочную каторгу дал, а сыну бессрочную на десять лет заменил. «Пожалел» людей, собака! Надели на них кандалы и погнали в Акатуевскую каторжную тюрьму...

«Она же здесь, у нас, за Байкалом, там мой дедушка отбывал срок», — отметил про себя Костя, не теряя нити рассказа старого машиниста...

— Только кому же охота на каторге кандалами греметь, — продолжал Храпчук, — убежали Кларки на волю. Ловко было устроено! Значит, осенью как-то отправили их под конвоем в соседнее село на заготовку картошки для заключенных. Сопровождать взялся помощник начальника тюрьмы. Ну, едут по улице Акатуя. А семья Кларков за родными на карторгу пришла, жила тут в деревне Вот и начал Борис уговаривать помощника заглянуть на квартиру. Борис не зря это делал, он знал, что помощник любит музыку и танцы, а семья Кларков имела граммофон. Тюремщик согласился, да так развеселился, что решил дальше не ехать, с каторжанами отправил одних надзирателей. Все пошло как по маслу. В нескольких верстах от Акатуя Кларки обезоружили конвой и скрылись. Кони для них заранее были подготовлены...

— Молодцы! Обдурили тюремное начальство! — восторженно крикнул один из бойцов, окружавших Храпчука. Старик на секунду умолк, оглядел своих слушателей и повел рассказ дальше...

— Далеко до Владивостока, а все-таки добрались до него. Там с подпольщиками связались, они Борису паспорт под другой фамилией раздобыли, и отправился парень в Японию Свои у революционеров во всех странах найдутся, устроили его наборщиком в типографию. Но не терпится Борису, тянет домой — и баста. В 1907 году во Владивосток вернулся. Как раз военные моряки вос-

стание подняли. Борис на один корабль, на другой. Речи горячие говорил, боевой дух у морячков поддерживал. Да силенок было маловато. Царевы слуги, чтобы их на том свете черти с луком съели, разгромили восстание. Что делать? Нашел Борис новую работу — устраивал побеги матросам, которых к расстрелу приговорили. Спас кое-кого от пули. Но полицейские ищейки след его унюхали, нашли, проклятые, и в кутузку посадили. Борис выдал себя за Григория Зубрицкого. Не на того, мол, напали, господа! Тогда жандармский полковник схитрить задумал — повез Бориса на Русский остров к арестованным матросам, они там в камере ждали смертной казни. Спрашивает полковник: «Вы знаете этого человека? Был он на вашем линкоре?» Молчат матросы. Еще говорит полковник смертникам: «Кто подтвердит—будет помилован!» Замерло сердце у Бориса. Выдадут или нет? Нет, не выдали. Матросы смерть приняли, но рта не раскрыли... А в городе нашелся все-таки предатель, донес, что Григорий Зубрицкий — это и есть Борис Кларк. Обрадовался полковник. На Бориса ручные и ножные кандалы надели, повезли в арестантском вагоне в Читу, там, дескать, его опознают...

Теплушка дергается, стучит колесами. Костя старается представить себе арестантский вагон. Чоновцы у него превращаются в заключенных, среди них Борис Кларк. Он даже в кандалах задумал бежать. Еще раньше с воли была передана булка хлеба с двумя запеченными в ней стальными пилками. Пока другие заключенные отвлекали охрану песнями и плясками, Борис перепиливал кандалы и прутья оконной решетки. Молодой и смелый, он спрыгнул на ходу поезда в снег...

Открыв глаза, Костя в двери теплушки увидел мелькавшие лес и снег. На миг ему показалось, что вот сейчас только Борис выпрыгнул из вагона. Он будет шесть дней скитаться без теплой одежды. Потом его встретят китайцы, они накормят, оденут русского революционера и проводят до Владивостока. Борис поступит матросом на английский пароход, уплывет на нем в Австралию. В чужой стране он работает на железной дороге, сахарной плантации, молочной ферме. Там вступит в австралийскую социал-демократическую партию и станет выполнять ее задания. Косте

так и хочется крикнуть на весь вагон: «Вот на кого надо быть похожим, вот о ком я напишу сочинение!» Но кричать нельзя. Весь взвод слушает Храпчука. Стучат колеса, завывает встречный ветер. Костя старается запомнить все-все. «Эх, если бы сейчас же записать рассказ. Я к Николаю Григорьевичу домой схожу, выпытаю побольше». И снова напряг слух. Старик говорил:

— В семнадцатом, как царя Николашку сбросили с престола, вернулся Борис на Родину и сразу начал работать слесарем в Читинском паровозном депо, вступил в Красную гвардию. На Даурском фронте бил семеновскую погань, командовал особой сотней. Сергей Лазо ему самые важные поручения давал: разведка в тылу противника, взрыв мостов. Везде успевал Кларк, его так и звали: «великий шнырь»...

— Где же он погиб? — поторопился узнать Костя.

Храпчук покачал головой.

— Такую жизнь пройти, в таких перепалках побывать и так подставить себя под пулю! Даже злость берет, да теперь ничего не сделаешь! Это, Костик, случилось осенью 1918 года. Тогда под Читой восстала сотня казаков. Борис и отправился к ним, с собой взял небольшую группу красногвардейцев. Он знал, что казаки были обмануты, хотел убедить их словом. Ну, подъехал к ним, начал разговор. А среди казаков был переодетый офицер, он и пальнул в упор. Упал Борис, да и не встал больше...

Некоторое время ехали молча, все были под впечатлением рассказа. Вдруг поезд замедлил ход и остановился.

— Выходи-и! — закричал Знова.

Теплушки быстро опустели. Паровоз потащил их дальше к разъезду. Куда же приехали? Костя огляделся... Справа, совсем рядом, гора, слева—крутой откос, под ним скованная льдом река, на том берегу лес, а за лесом виднеются горы. Верст двадцать от станции укатили. Такие места для военных занятий можно ближе найти. Васюрка тоже вертит головой во все стороны. Должно быть, думает о том же. Подошел Тимофей Ефимович, на его усах ледяные сосульки.

— Чего ворон ловите? Замерзли?

— Нет! — отвечает Костя, подпрыгивая.

— Какой там нет! Нос-то посинел!

Отец советует: зажмите ноздри пальцами, дуйте в нос. И так несколько раз. Костя и Васюрка пробуют. И верно, нос отходит, становится теплее.

Передается негромкая команда спускаться с откоса. Бойцы, вспахивая ногами залежавшийся снег, скатываются в заросли тальника, выходят на гладь небольшой протоки. Лед здесь ровный, размети снежок — и готов каток. У Кости мысль: «Круговушку бы ребятишкам устроить».

Около кустов большая кочка, обросшая густой осокой. Трава осенью высохла и теперь покрывала кочку рыжей скатертью с длинными кистями. На нее поднялся Знова, вскинул руку. Люди перестали стряхивать с себя снег, прекратили разговоры.

— Товарищи! Банда, которая не дает нам покоя целую неделю, недалеко отсюда...

Костя и Васюрка все поняли. Вот они какие занятия. У бойцов посуровели лица, руки крепче сжали винтовки. Отряд не в строю, не было команды «смирно», но никто не шелохнется. Над протокой голос одного Зновы:

— Наша задача — уничтожить банду...

Отряд перейдет реку, перевалит гору и спустится в падь с бурятским названием Моритуй. Разведка выслана. Каждый взвод выделит два человека, надо поочередно тащить пулемет. Командиры взводов получат у Прейса по две гранаты. Винтовки зарядить сейчас. На перекур дается пять минут...

Реку пересекли легко, а как ступили на берег и углубились в лес, шагать стало трудно. Снег глубокий, по колени и выше, набивается за голенища. Ноги не согнешь, тянешь волоком. Идти приказано по двое и бесшумно — не разговаривать, не стучать. Винтовка кажется тяжелее, чем была. Подсумок на ремне, как пудовая гиря. Знова пропускает мимо себя чоновцев, спрашивает, как они чувствуют себя, не отстал ли кто? Каково ему потом забегать в голову колонны? Через некоторое время это повторяет Прейс. Сухопарый латыш, в чем душа держится, а какой выносливый!..

Перед подъемом в гору короткий отдых. Вернулась разведка. Была на разъезде, там ничего подозрительно-

го, под мостом встретилась с осиновскими комсомольцами. По плану Прейса, они идут держать засаду на островке. Опять перекур.

В гору еще труднее. Обувь скользит, катишься назад. Все хватаются за кусты и молодые деревья. Иногда бойцы валятся, подают друг другу руку или винтовку — вытягивают товарища. Особенно достается тем, кто с пулеметом.

Падь Моритуй — это длинная, узкая долина между горами. Перед выходом к реке падь суживается в такую тесную горловину, что только-только на телеге проедешь, но и эта горловина занята каменистым ручьем. Прятаться в Моритуе хорошо, но убежать из нее невозможно. Ловушка!

Знова помнит Моритуй. В начале года партизанский отряд встречал тут каппелевцев.

Знова говорит, где укрыться Храпчуку и Феде-большевичку с пулеметом, указывает позиции для взводов.

Снег мягкий, но холодный, а на нем надо лежать. Кое-кто подложил под себя сосновые ветки. Падь затихла, будто вымерла. Со стороны Осиновки доносился частый перезвон, в церкви закончилась обедня.

Минуты бегут медленно. Прейс часто достает карманные часы. От этого время не ускоряет бега, стрелки знают, с какой быстротой крутиться им по циферблату...

Из березняка выезжает всадник. Он направляет высокую рыжую лошадь вдоль ручья. В одной руке держит повод, в другой карабин. «Где они набрали карабинов?» — рассуждает про себя Прейс, наблюдая за наездником. Седло деревянное, бурятской работы «Награбили, дьяволы». Седок в белой мерлушковой папахе, в добром черном полушубке. Лица не разглядеть. Можно заметить лишь очки. Пусть проезжает дальше на реку. Напротив островок, там Капустин...

Стрелки на часах Прейса отсчитывают еще пять, десять минут. Из березняка вываливается вся банда. Знова облегченно вздыхает. Прейс улыбается. Значит, ничего не изменилось. Оренбургский приказчик говорил в бане правду. Впереди группы еще один верховой, остальные пешие. Позади их подвода. Белая лошадка-монголка с длинной гривой запряжена в сани, на них что-то свалено в кучу. Прейс считает бандитов. И тут

не соврал приказчик. Здорово же ему хочется жить!..

Банда все больше втягивается в горловину. Снова высоко подбрасывает рукавицу. В кустах багульника заговорил пулемет. Летит вверх вторая рукавица. Взводы с двух гор дают залп. Щелкнули затворы, на снег выпали чуть дымящиеся гильзы. Новый залп прокатился эхом по пади, но Костя еще не выстрелил ни разу. С силой нажимает на курок, он пружинит немного и... все. Уже третий залп. С досады Костя бросает в снег шапку. Хочет передернуть затвор, но он ни туда и ни сюда. Все бойцы стреляют, им нет дела до Кости. Васюрка прямо врос в снег, ведет огонь.

Из-за камня Прейсу видно, что творится внизу. Всадник свалился с седла, но стремя не выпускало одну ногу. Лошадь потащила убитого по камням, вылетела с ним на реку. Около безмолвного ручья тыкаются в снег живые и мертвые. Мертвые обняли кусты и застыли в разных позах, а живые стреляют. Падают сосновые ветки, срезая их, свистят над головами чоновцев пули. Обратно в тайгу бандитов не пускает «Максим», обстрел с гор не дает им подняться. Белая лошадка-монголка, напуганная выстрелами, рванула вперед, но подстреленный возница упал с саней. Вожжи намотаны у него на руках, мертвый, он заставил лошадь свернуть в березняк. Монголка мечется среди деревьев. Рвутся гранаты, брызгая по кустам осколками...

И вдруг наступила тишина. Прейс встал из-за камня, прячет в кобуру наган, достает из кармана часы. Разбери попробуй, как устроена жизнь! От банды, не зная ее сил, оберегали поселок неделю, а столкнулись лицом к лицу и разбили за десять... нет, за двенадцать минут. Вместе с бойцами Прейс спускается к безмолвному ручью, ходит по горловине, считает убитых. Двое прорвались к реке, остальные отвоевались и навсегда останутся в пади Моритуй.

Прибежал связной — Митя Мокин.

— Товарищи! Капустина убили!

— Кто? — Прейс выхватил из кобуры еще не остывший наган.

Но уже поздно размахивать наганом... Осиновские комсомольцы, устроив засаду на островке, видели, как первый всадник выехал на реку, пришпорил лошадь и погнал ее наметом к разъезду.

— Это мой крестник, — негромко сказал Капустин, прицеливаясь с колена.

Бандит сначала выронил карабин, затем сильно накренился всем туловищем набок, словно он на занятиях по джигитовке хочет схватить что-то на заснеженном льду, и грузно рухнул.

«Второй будет мой», — решила про себя Анна Гречко. Она стояла за толстой, корявой вербой, ожидая появления нового наездника. Учительница сегодня преобразилась. Вместо платка надела беличью шапку, пальто опоясала кушаком, валенки заменила ичигами. Ни дать ни взять — охотник! Вот она снимает свои белые шерстяные варежки и сует их за кушак, без них удобнее стрелять. А сама глаз не сводит с горловины.

Рыжая лошадь вырвалась на открытое место к островку. Где же всадник? И все увидели, что человек волочился по снегу, как привязанный. Анна закусила губы. В такого нечего стрелять. Лошадь кинулась к прибрежным кустам, но запуталась в поводу, постояла, покосилась на своего бывшего седока и начала бить подкованными копытами по льду, чтобы порвать крепкий сыромятный ремень. Капустин зашептал рядом лежащему Андрею Котельникову: «Зачем добру пропадать, приберу я коняшку для ячейки». Партизан смахнул рукавицей снег с бороды, вылез на лед и, пригнувшись, крупными шагами поспешил к лошади. Он видел, что рыжуха освобождается от неожиданного пута, вот-вот умчится. Капустин выпрямился, побежал. Несколько пар глаз следило за ним с островка... Выстрел гулко разнесся по реке. Капустин упал, широко распластал руки, так и не выпустив винтовки. Из тальника поднялся человек в медвежьей дошке, лошадь загораживала его собой, стрелять было нельзя. Он выдернул ногу убитого из стремени, сам ловко вскочил в седло, схватился за гриву, заколотил ногами по бокам рыжухи. Лошадь понеслась вдоль тальниковых зарослей. Анна целилась вдогонку. Настигнутый пулей убийца какую-то секунду еще продержался в седле, но мертвецы — плохие наездники, и он свалился под ноги лошади. Она шарахнулась, понеслась к противоположному берегу. Человек в медвежьей дошке чернел на снегу. Это был не учтенный Прейсом бандит, которого Анна видела в ту памятную

ночь во дворе председателя ревкома. В кустах он ждал своих. После одиночного выстрела с островка по первому всаднику, он догадался о засаде, а потом услышал стрельбу в горловине пади и, убив Капустина, попытался спасти свою шкуру на рыжухе...

Чоновцы строились. Костя думал о герое своего домашнего сочинения. Какой путь прошел Борис Кларк! А сколько еще героев вокруг нас. Сегодня отличилась Анна Гречко, погиб Капустин. На его могиле комсомольцы дадут залп... Костя приподнял винтовку, будто тоже собирался участвовать в прощальном салюте. Взглянул на затвор... «Черт возьми! Предохранитель!» Курок его винтовки стоял на предохранителе. Вот почему молодой боец Константин Кравченко, волнуясь в первом бою, не смог сделать ни одного выстрела по врагам...

Сопровождать в Осиновку убитого старого партизана и первого комсомольца Капустина решили Прейс и Митя Мокин. Они поймали в березняке белую лошадь-монголку, связали сломанную оглоблю и поехали к островку...

Усталые и голодные, чоновцы шли на посадку в холодные вагоны.

— Я бы хотел, чтобы тот штабс-капитан лежал сейчас вместе с приконченными бандитами! — сказал Васюрка.

Костя ничего не ответил, ему не давал покоя предохранитель...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВЕРА ПРИШЛА В ЯЧЕЙКУ

Отцовские сапоги были большого размера, пришлось намотать на ноги побольше портянок. Вера обулась и прошлась по кухне. Сапоги громыхали, как тележные колеса на булыжной мостовой. Мать стукнула об пол ухватом, со злостью сплюнула.

— Срамота! Ты бы еще мужицкие штаны надела, бесстыдница!

— Мама, ты не понимаешь классовой борьбы! — твердо сказала Вера, накидывая на голову платок.

Трудно все-таки доказать матери, почему в ячейку надо идти непременно в сапогах. Взять, к примеру, табельщицу паровозного депо Клаву. Она давно вступила в комсомол, всегда ходит в сапогах. Вообще после революции не принято носить туфель и ботинок, только женщины непролетарского происхождения придерживаются старой моды. Но ведь это же мещанки, а их и близко не подпустят к комсомолу. Вера видела в газетах рисунки, где женщины изображаются в сапогах. Разве можно отставать от таких людей, если ты выступаешь против проклятого старого мира. Пусть у Веры сапоги не по ноге, зато никто в ячейке не скажет, что дочь смазчика Горяева — тухлая мещанка. Вот сколько существует всяких доводов, но разве мать поймет их?..

У ворот Веру ждал Костя. Он нисколько не удивился, увидев девушку в сапогах. С его точки зрения, не хватало еще кожаной тужурки, но тут ничего не поделаешь, во всем поселке кожанку имеет один командир ЧОНа, стрелочник Знова. Скоро Вера получит винтовку и тогда будет настоящей комсомолкой. Косы она уже отрезала. Подружки в школе говорили, что косы носят только мещанки. Вера и отхватила их ножницами ради мировой революции. Костя представил себе девушку в старом пальтишке, перетянутом военным ремнем, на ремне подсумок с патронами, в руках русская трехлинейка. Сапоги пока можно оставить эти...

— Долго будешь на меня смотреть, товарищ Кравченко?

На крыльце библиотеки, в здании которой размещался комитет РКСМ, Вера вдруг остановилась, перевела дух.

— Подожди немного!

— Струсила? — спросил Костя.

Какой он чудак! Неужели забыл, как сам первый раз приходил в ячейку? Неужели не догадывается, о чем думает сейчас она, Вера? Ведь надо же оглянуться назад, проститься с детскими играми, маленькими заботами и хлопотами, подружками-хохотушками, отбросить боязнь материнских угроз и упреков. Впереди ждет что-то большое, самостоятельное, еще не совсем ясное.

— Ну, пошли!

В окна заглядывал зимний вечер, в комнате было темновато. Костя потянул Веру за руку. Недалеко от двери топилась высокая, обитая жестью печь-голландка, у открытой дверцы виднелись смутные фигуры. Там о чем-то спорили. По голосам Вера поняла, что ни одной девушки здесь не было. И подумала: «Еще просмеют...» Скоро глаза привыкли к темноте, стало видно, что комсомольцы сидят на двух скамейках и поставленных «на попа» толстых поленьях. Разговор оборвался. Один парень нагнулся к полу, схватил пылавший жаром уголь, бросил его обратно в печь. Вера узнала Федю-большевичка. Он потряс обожженной рукой, обратился к девушке:

— Откуда к нам? Чья?

— Вера Горяева! — ответил за нее Костя. — Помнишь, помогала в нардоме разгонять соучрабовский оркестр?!

Федя приподнял папаху, взъерошил кудрявые волосы.

— Помню подпольщицу... Наше вам с кисточкой!

Смущенная Вера не знала, что сказать. Вокруг зашумели:

— Ага, попался, большевичок!

— Почему говоришь: «Наше вам», а не «мое тебе»?

Вера и Костя не знали, что до их появления у печки разгорелся спор на тему: как должны обращаться комсомольцы друг к другу — на «ты» или на «вы»? Поспорили вволю, и теперь Федя-большевичок «закруглял» дискуссию:

— Так вот!.. Не придирайтесь к словам. «Наше вам с кисточкой» — это вроде поговорки живет. А решим мы так: говорить друг другу «ты», а не «вы». Иначе у нас никакого товарищеского единения не будет, вся дружба лопнет. Какая же может быть дружба, ежели я Митьке Мокину скажу: «Вы, уважаемый товарищ Мокин, можете дать мне махорочки на закрутку»? Выходит в таком случае, он должен приложить руку к сердцу и ответить: «Ах, для вас я с полным удовольствием, берите кисет!» Мы не слизняки, а комсомольцы, нечего нам антимонию разводить. Так на собрании и запишем...

Неожиданно Федя умолк, оглядел сидящих перед ним на скамье комсомольцев и резко распорядился:

— Ну-ка, подвиньтесь! Не видите, девушка стоит!

Ребята завозились, сели поплотнее. Вера опустилась на освободившееся с краю место, Костя стал у нее за спиной. Федя продолжал:

— При встречах руки не подавать, сказал: «Здорово» — и все! Без телячьих нежностей! Мы, большевики, на данном этапе считаем рукопожатие лишним знаком приветствия...

Для Веры все это было новым. На уроках литературы Лидия Ивановна учила ребят обращаться друг к другу совсем не так. Кто же прав? И у Веры зародилось сомнение: «А может быть, Лидия Ивановна, как и мама, не понимает классовой борьбы, она ведь старой закалки». Узнать бы мнение Кости, но при всех неудобно спрашивать.

С Федей уже никто не спорил. Комсомольцы подбросили в печку дров, закурили. Махорочный дым легкими облачками плавал над головами и, соединяясь в одну неровную ленту, похожую на млечный путь, тянулся в голландку.

Рядом с Верой сидел юноша в пропахшей мазутом тужурке. Вернее, не сидел, а вертелся — толкал плечом соседа, задевал локтем Веру. Ноги у него как заведенные пружины: он то вытянет их, покрутит валенками с загнутыми носками, посмотрите, мол, сколько на них кожаных заплаток пришито, то положит одну на другую и качает; то подогнет и спрячет их под скамью. Шапка-кубанка, тоже мазутная, не переставая, кочевала со лба на затылок, с затылка на лоб, от левого уха к правому, от правого к левому. Курил он задрав голову, часто затягиваясь, словно паровоз, выбрасывая дым вверх. Искурив цигарку раньше всех, юноша бросил окурок в печку и спросил неизвестно кого:

— Правда, что комсомольцев, которые танцуют в нардоме, Мокин записывает для нахлобучки?

— По головке их, что ли, гладить? — отозвался Федя. — Попробуй-ка ты, Семен Широких, потанцуй, мы тебя на комитет вытащим и всыпем по первое число!

— У меня обутки не для вальсов! А «подгорную» вот могу!

Широких сорвался со скамьи и ловко отбил чечетку.

— Танцевать тоже надо, мы не монахи! — послышалось недалеко в стороне.

Вера обернулась на голос, но темнота мешала разглядеть человека. Плясавший «подгорную» шумно сел и сказал:

— Монахи втихоря танцуют перед лампадками, когда церковного вина хватят. Читал я про один монастырь.

Все ждали, что скажет Федя. Как поняла Вера, он в ячейке после Мокина был первым лицом. Но Федя не торопился с ответом. Присел на корточки, обрубком шинного железа пошуровал в печке. Обгоревшие поленья затрещали, огонь вспыхнул сильнее, он окрасил розовым лица комсомольцев, их полушубки, валенки, тужурки, ичиги, потрепанные пальто и унты. Федя степенно опустился на свое место, привалился плечом к теплому боку голландки. Говорил он тоном поучительным:

— Монахи нам не указ. Комсомолия что должна уяснить? Танцы есть мелкобуржуазная привычка и отрыжка старого режима!

«Отрыжка», — повторила про себя Вера. Конечно, очень неприятно, когда отрыгается луком или постным маслом, но это все-таки понятно. А как старый режим отрыгается танцами? Должно быть, они чем-то вредят революции. Чем же? Спросить бы об этом Федю-большевичка, да страшно, вдруг скажет: «Ты, Горяева, не понимаешь классовой борьбы». Надо признаться, у Веры есть отрыжка старого режима. Вместе с девочками-одноклассницами она вальсирует в школьном коридоре во время большой перемены, дома с подружками под балалайку разучивает польку-бабочку. «Ой, узнают про это и ни за что не примут в комсомол». Костя, наверное, не выдаст. Он тоже страдает отрыжкой. Когда встречали Новый год, Костя танцевал вальс и тустэп. Правда, это было еще при белых. Вера с радостью вспоминает, что в ее биографии есть светлая страница: совсем недавно она вместе с Костей помогала Феде-большевичку срывать устроенный соучрабовцами в нардоме вечер танцев. Это безусловно зачтется.

Разговор у печки снова ожил. Заговорили все, перебивая друг друга. Чем больше Вера слушала, тем больше убеждалась в своем непонимании классовой борьбы. Кого слушать? Один говорит, что танцы нужно катего-

рически запретить. Другой за то, чтобы танцевать только на свадьбах. Третий считает, что танцевать лучше всего дома, революция от этого не пострадает. Смазчик доказывает свое, долой танцы! Если в Чите одну девушку исключили из комсомола за то, что она пудрилась, то танцы во сто раз хуже пудры. Вместо танцев можно на комсомольских собраниях разучивать пляску Попробуй тут разобраться, кто прав? Вывод пока один: состоять в комсомоле трудно. Вера с любопытством посматривала на Федю, надо к нему прислушиваться. Пусть будет так, как объяснит он. Но Федя, припертый вопросами к печке, сказал немного:

— Запросим уком комсомола, пусть пришлют циркуляр.

— А как быть до циркуляра?

— Будем греть танцоров на комитете!

Утихомирились ненадолго. Смазчик протянул Феде руку.

— Вы не дадите ли мне махорочки на закрутку?

На такого нельзя сердиться. Под общий смех Федя полез в карман.

— Для тебя, Сеня, с великим удовольствием! Бери, паря, кисет.

Смазчик нагнулся ближе к огню, чтобы свернуть цигарку, и Вера разглядела его руки. Все линии, морщинки, прожилки почернели от мазута. С такими руками возвращался когда-то домой ее отец и долго намыливал их жидким, как постное масло, зеленым мылом. Вера прониклась уважением к юноше. «Наверное, только-только с поезда и сразу в ячейку».

Все парни, кроме Кости, курили. Смазчик приставал к Феде:

— Не слыхал про самую толстую в мире книгу? Говорят, есть такая, называется «Капитал», я про нее на станции, около эшелона, чуток пронюхал. Вот бы почитать! А?

— Не советую! — Федя подкинул и поймал спичечную коробку. — Подумай, какое у этой книги название... «Капитал». То-то и оно-то!

— А кто эту книгу написал? — послышалось из темноты.

— Зачем нам знать! — Федя даже не повернулся в

ту сторону, откуда прилетел вопрос. — Мы знаем, что не для нас, а для буржуев написана эта толстая книга, пускай буржуи ее и читают, им капитал-то нужен! Раскумекал?

Смазчик сделал большую затяжку, дым пошел изо рта и носа.

— Раскумекал! А что такое буржуй? Или еще есть капиталист. Какая между ними разница? Скажи, что за птица помещик? Отец говорит, что помещиков у нас, за Байкалом, отродясь не бывало...

Слишком много хотят комсомольцы от Феди-большевичка. Однако он и на этот раз знает что ответить:

— Зачем их всех делить да по-разному называть? Мы, большевики, знаем одно ясное слово — враги! Враги наши все эти буржуи, капиталисты, помещики. Так их и называй. Бей всех подряд, не разбирая... Мне-то с ними приходилось встречаться...

Разговор о врагах расстроил Федю. Он долго вертел в руках спичечную коробку, не отрываясь смотрел на разгулявшийся в печи огонь. Комсомольцы притихли, курили молча «Ребята ничего, славные», — мысленно оценивала Вера своих новых товарищей. Ей уже казалось, что в ячейке она не впервые и давно всех знает.

Тишины и молчания не выносил один смазчик Широких. Этот непоседа тронул Федора за плечо.

— Ты не карася ли жареного там увидел?

В сжатых ладонях раздался хруст, Федя взглянул на расплющенную коробку, бросил в печь. Огонь лизнул ее и проглотил.

— Я партизанскую жизнь вспомнил! — признался Федя, поворачиваясь к смазчику.

— Ну и расскажи что-нибудь такое!

— Этого сразу не расскажешь!

Он помолчал и неожиданно тихо запел. В его песне говорилось о таежном буране... Гудела тайга, дрожали хребты. Бушевала морозная, колючая метель... Под ударами стихии падали могучие сосны... Эту песню мало кто знал. Но Вера знала ее. Сначала она беззвучно вторила Феде:

Ревет пурга. Заносит падь,
Растут могилами сугробы...

И вдруг к мужскому голосу присоединился девичий — чистый и звонкий...

Ах, жалко соснам умирать, —
Позеленеть весной еще бы!

В два голоса довели песню до конца. И тогда Федя рассказал, что однажды, в самом начале 1920 года одиннадцать молодых бойцов, выполняя задание штаба отряда, погибли в день страшной непогоды. Про них и сложена эта песня. В партизанскую землянку живым приполз двенадцатый обмороженный разведчик, Федор Комогорцев... Песня растревожила его душу. Федя встал со скамьи, сдернул с головы папаху. В память о погибших он повторил последний куплет:

Буран их будет заметать
И не споют им похоронный...
И будут люди умирать,
Но не сдадут свои знамена...

Слушая песню, Костя терзался. Как это ему раньше в голову не пришло! Весь класс для сочинений на свободную тему ищет героя не из книги, а из жизни. Да вот же он герой, рядом, в ячейке. Федя-большевичок. И никому до сих пор в голову не пришло написать о нем...

Пока Костя размышлял, неугомонный смазчик затеял новый спор. Ему не нравится, когда говорят на грустные темы и от воспоминаний люди расстраиваются. Если уж заговорили сегодня в ячейке о том, что можно и чего нельзя делать комсомольцу, то как же обходить... галстук. Пусть Федя или кто-нибудь другой объяснит вот такое жизненное явление. Его отец мастеровой человек — плотник. При царе, да и теперь по воскресеньям, когда идет в церковь или в гости, он повязывает на шею галстук, и никто его не ругает. А сын плотника молодой смазчик, член комсомольского комитета Сеня Широких боится повязать галстук потому, что ему могут сказать: «Зачем собачью радость прицепил?»

— Ведь скажешь, Федя?

— Скажу!

— У нас в школе, — ввязался в разговор Костя, — директор и Химоза ходят в галстуках.

— Сравнил тоже! — оборвал Костю Федя-большевичок. — Они кто? Из буржуйского сословия, беженцы! А мы кто? Комсомольцы! Мы в военных гимнастерках, нам республику от врагов защищать. Куда будем галстуки вешать? Для чего они нужны? Без ошейников проживем!

— Чепуха! Чистейшая чепуха!

Знакомый голос. Вера узнала его. Принадлежит он тому, кто кричал, что комсомольцам танцевать тоже надо, тому, кто спрашивал об авторе толстой книги «Капитал». Только голос доносится из темноты и кто именно кричит — не видно. Вера дернула за рукав Костю, он склонился к ней и, горячо дыша, рассказал на ухо, что из темноты покрикивает комсомолец Уваров. Ему уже 22 года, когда-то он учился в гимназии, потом стал телеграфистом, недавно приехал из Совроссии. Костя часто видит его в библиотеке, телеграфист берет много книг...

Между Уваровым и Федей началась словесная перепалка. Бывший красный партизан запальчиво бросил в темноту:

— Ты мне галстуком пролетарского сознания не затемняй! Кто в галстуке — тому не до революции.

Стукнуло об пол полено, на котором сидел Уваров. Это телеграфист вскочил, загорячился:

— А ты знаешь, что Ленин — этот величайший революционер и философ — ходит в галстуке!? Галстук — признак культурности...

От входных дверей на комсомольцев хлынул поток холодного воздуха. В комнату грузно ввалился Митя Мокин.

— Здорово, братва!

— Наше вам... Нет, тебе — с кисточкой! — за всех приветствовал секретаря ячейки веселый смазчик.

Мокин подошел к печке и протянул к огню большие, грубые от работы руки. Вокруг него, повскакав с поленьев и скамеек, сгрудились комсомольцы.

— О чем шумите? Даже на улице слышно, — полюбопытствовал секретарь.

Объяснять принялся Федя:

— Будешь тут шуметь!.. Послушай, что Уваров говорит! Знаешь, как товарища Ленина обзывает? Философом!

Мокин перестал греть руки, сунул их в карманы.

— Это что такое? Где он, телеграфист?

Ближе к Мокину протиснулся невысокий и худощавый на вид паренек с усиками. Вере бросилось в глаза, что, несмотря на конец ноября, Уваров был в фуражке и в легкой форменной куртке. Под мышкой он зажимал книгу. Такими в журналах рисовали студентов.

— Ты это что? — загремел Мокин. — Товарищ Ленин по-твоему философ?

— Безусловно!

Кто стоял ближе к Уварову, тот заметил на его лице легкую усмешку. Телеграфист и не думал, что дело может принять серьезный оборот. Мокин же сердился не на шутку.

— А ты знаешь, что философами называют всяких болтунов?!

Ничего больше не спрашивая, секретарь ячейки раздвинул окружавших его и гулко зашагал в темноту. Все поняли, что он направляется в угол комнаты, где на низеньком табурете стоял маленький шкафчик с делами комсомольского комитета. Слышно было, как щелкнул замок. Мокин зашуршал спичками, зажег лампу и поставил на стол, покрытый куском красной материи, уже залитой химическими чернилами. В простенке между окнами висел портрет Ленина. Вера сразу обратила внимание на то, что Владимир Ильич был в черном галстуке с белыми горошками. «Так кто же прав, телеграфист или Федя большевичок»?

Уваров крикнул:

— Комогорцев, взгляни на портрет!

Федя, садясь за стол, даже не поднял головы.

— Мне глядеть нечего! Ленин снимался до революции, это художники нарисовали его портрет по старой карточке... Ты не уводи нас в сторону, лучше держи ответ перед комитетом!

Сеня Широких тоже сел за стол. Мокин раскрыл папку с бумагами.

— На повестке дня поведение Уварова!

Костя, Вера и другие комсомольцы застыли на

скамьях. Уваров стоял в углу около кадки с замерзшим фикусом. В одной руке держал фуражку, в другой книгу.

— Какое поведение? — спросил он, пожимая плечами.

Мокин подул на озябшие руки.

— Ты, Уваров, не отказываешься от своих слов насчет философа?

Телеграфист положил на подоконник книгу, на книгу фуражку, зачем-то начал расстегивать куртку. Руки его дрожали. Вера заметила, что двух желтых пуговиц на куртке не хватает.

— Товарищи!.. Ребята!.. Нельзя же так... Это несерьезно!

Сморщенный лист фикуса упал Уварову на голову. Парень вздрогнул...

— По крайней мере, выслушайте меня... Ленин действительно великий философ, я в Петрограде на комсомольских курсах слушал лекции...

Должно быть, у Мокина застыли ноги, он постучал ботинком о ботинок.

— Значит, не отказываешься? Тогда есть предложение исключить Уварова из комсомола за оскорбление вождя мирового пролетариата. Кто за это?

И он сам первым поднял руку. Его поддержал Федя. Смазчик какую-то секунду медлил. К великому несчастью, он никогда и ничего не слышал о философах, но, чтобы не попасть впросак, проголосовал «за».

К столу подошел Уваров.

— Товарищи... Ребята!.. Да что вы?

— Твой вопрос еще вынесем на общее собрание! — строго сказал Федя-большевичок.

Телеграфист бросился к дверям, но тут же вернулся, взял с подоконника фуражку и книгу. Уходя, задел кадку с фикусом, несколько листьев со стуком упало на пол.

— Пропал! — тихо произнес Костя.

— Кто? — шепотом спросила Вера.

— Цветок!

Вере было жалко бежавшего к выходу телеграфиста. «А если и я скажу что-нибудь не так?»

Мокин придвинул к себе лампу, заседание комитета продолжалось.

— Вопрос такой: чем будем эту комнату отапливать. Последние дровишки сжигаем. Из укома пришло письмо...

Плохо разбирая едва видные на папиросной бумаге слова, Мокин читал:

«Дорогие товарищи! Наш союз на Дальнем Востоке является частной организацией и не может ничего получать для своих нужд от государственных органов...»

— Значит, так, — объяснил Мокин. — В воскресенье будем заготовлять дрова. Кто на коне, кто на себе повезет. Всяко придется. Комсомольцам явка обязательна, остальным желательна... Против нет?

Широких внес добавление:

— Кто не явится на воскресник, с того воз дров в пользу ячейки.

Постановление приняли единогласно. Мокин закрыл папку.

— Теперь моя информация...

Он встал и снял шапку.

— Сегодня в Осиновке похоронили комсомольца Капустина. В настоящий текущий момент мы окружены врагами, это надо помнить и никогда не забывать. Пока живут на свете капиталисты, мы не выпустим из рук винтовки. Будем сжимать ее крепко до самой мировой революции! Ночные дежурства пока отменяются, но военные занятия в ЧОНе будут три раза в неделю!..

После заседания комитета Костя подвел Веру к Мокину.

— Вот Вера Горяева, наша подпольщица. Заявление принесла.

Секретарь ячейки обрадовался.

— Давно бы так!.. Уже вторая деваха вступает. Скоро тысячи к нам придут!

Он прочитал заявление.

— Вопрос поставлен ребром. Ты, Вера, ходи на воскресники, на собрания, прояви себя. Пролетарскую дочь мы обязательно примем!..

Вера ждала, когда Мокин посмотрит на ее сапоги, нарочно топталась на одном месте, шаркая ногами, но секретарь ни разу не глянул вниз. Это просто обидно...

Домой расходились поздно. Когда Костя и Вера спускались к реке, на ледяной дороге их встретил силь-

ный ветер. Костя решительно, но неумело взял Веру под руку. Она не возражала. Это случилось первый раз в жизни, и оба они толком не знали, как будет правильно ходить «под ручку».

У ворот подали друг другу руки и постояли так с полчаса...

Мать, открывая Вере дверь, ворчала:

— Связалась с комсомолом, будешь шляться по ночам!

— Мама, ты не понимаешь классовой борьбы.

— Слыхала я про это!.. Сковородка на плите, поешь картошки...

Уснуть невозможно. На семнадцатом году жизни попадают задачки труднее, чем по алгебре. Задача первая — как переварить все вопросы, которые сегодня разом свалились в ячейке на худенькие Верины плечи: «ты» и «вы», танцы — отрыжка старого режима, галстук, телеграфист, философия, бандиты, убившие Капустина, капиталисты, мешающие жить пролетариям, военные занятия три раза в неделю. И вторая задача — Костя Кравченко. Почему с ним хорошо?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЗВЕРЬ ЗАМЕТАЕТ СЛЕДЫ

Утром Костя пилил с отцом дрова и рассказывал ему о споре по поводу книги «Капитал». Когда он повторил слова Феди-большевичка о том, что книга написана для буржуев, Тимофей Ефимович уронил пилу, долго смеялся, запустил в Костю рукавицей, потом свалил его на кучу сметенного снега.

— Как говоришь? Пускай ее буржуи читают? Ай да комсомольцы, вот так отмочили!

Тимофей Ефимович сел на отпиленную чурку.

— Папа, ты читал эту книгу?— спросил Костя, стряхивая с себя снег.

Вопрос сына напомнил кондуктору Кравченко одну историю... Летом 1915 года в поселке появился человек в больших круглых очках, давно не бритый, в изрядно потрепанном костюме. Он поступил на участок пути шпалоподбойщиком. Жил в казарме вместе с другими

путейцами. Приглядевшись к людям, шпалоподбойщик стал смело говорить о русских царях, о заморских королях, о фабрикантах и заводчиках, о тяжелом житье-бытье рабочих на всем земном шаре. По его рассказам получалось так: на одной стороне стоят те, у кого богатство и власть, а на другой — пролетарии, имеющие только руки для работы... Тимофей Ефимович сопровождал тогда платформы с балластом, часто видел шпалоподбойщика и теперь отлично помнил, как тот говорил о книге, которая объясняет, почему жизнь устроена так, и что надо делать, чтобы эту жизнь изменить... Как-то ночью жандармы ворвались в барак, арестовали агитатора. Под матрацем у него нашли книгу Карла Маркса. Шпалоподбойщик оказался питерским революционером. Скрываясь от полиции, он скитался по России с двумя книжками, одна была тоненькая — чужой паспорт, другая толстая — «Капитал»... Тимофей Ефимович не читал толстой книги, на «Капитал» у него не хватало грамоты, но слышать о мудрой книге ему приходилось не раз: Лидия Ивановна выступала с лекциями в нардоме, Усатый рассказывал о ней в кружке...

Костя вытряхнул из валенка комочки снега, подал отцу пилу. Стальные зубья со звоном вгрызались в сосновый кряж, опилки сыпались под ноги работающим. С отцом пилить легко, Костя не устает, но сейчас ему хочется поговорить. Тимофей Ефимович подал пилу вперед, Костя не потянул ее на себя, а притормозил, она изогнулась, задребезжала и замерла.

— Папа, а кто такие философы?

— Философы? — отец закусил ус. — Сразу и не скажешь...

— Болтуны?

— Сам ты болтун! — рассердился Тимофей Ефимович. — Это ученые, только есть наши и не наши... Возьми на полке словарь Павленко, в нем сорок пять тысяч слов, поищи философию...

Пришлось сообщить отцу об исключении телеграфиста из комсомола. Тимофей Ефимович на этот раз не смеялся.

— За вами большой догляд нужен, философы!.. Давай пилить!..

Кончив таскать в избу дрова, Костя сел за словарь... Вот и слово «философия». Прочитал и ничего не понял,

Слова в объяснении длинные, все больше с окончанием на «изм», до их смысла скоро не доберешься. Фамилии попадаются неизвестные, каждый философ твердит свое... Костя взял словарь под мышку и, не одеваясь, побежал в соседний двор к Горяевым...

Что это с Верой? Увидела Костю и покраснела. Никогда так раньше не было. Надо скорее чем-то заняться. Костя раскрыл на столе словарь, вслух прочитал все, что сказано о философии. Вера того же мнения: понять трудно. Перед ее глазами Уваров... Стоит телеграфист в куртке без двух пуговиц и шепчет: «Товарищи! Ребята... Да вы что?» Обидно за него, а чем поможешь? Философия такая, что без Лидии Ивановны не разгадаешь... Костя прав, сейчас лучше готовиться по химии. Сегодня Химоза обязательно спросит. Вера подала Косте учебник. Пока он разбирался с задачей, она придвинула к себе словарь, быстро что-то поискала на букву «Л», но, должно быть, не нашла нужного ей слова и недовольно надула губы. Костя заметил это.

— Какое слово искала?

Вера опять зарумянилась. Что это с ней? Костя склонился над учебником, сморщил лоб. Химия тоже не легко дается...

* * *

В этот день Химоза провожал дорогого гостя, и ему было не до уроков. Проводы состоялись без музыки и песен. Краснотрубный граммофон молчал. Осиновский купец Петухов вполголоса докладывал штабс-капитану о разгроме чоновцами белогвардейской группы в пади Моритуй. Офицер слушал, разглядывал большие уши и мышиные глазки лавочника... Жаль, что не удалось наладить контакта с единомышленниками, скитавшимися по забайкальской тайге. А так хотелось подсказать им пути движения на Амур... Петухов, накручивая на палец кисточку скатерти, не говорил, а шипел:

— Чирьями сели на деревню комсомольцы. Мало их, а покоя не дают, все жилы тянут. Они донесли на станцию — больше некому. Одного, слава те господи, ухайдакали, но другие шевелятся. Закоперщиком у них учительница...

Правая щека штабс-капитана задергалась.

— Вы православный? — спросил он купца.

— Христианин! — Петухов не понял, зачем его об этом спросили, обернулся к Химозе, тот отвел глаза в сторону. — Истинно верующий!

— Я так и думал. — Черенком ножа штабс-капитан что-то начертил на столе, будто расписался. — Сходите в церковь, занесите комсомольцев в поминальник, закажите батюшке панихиду. Это будет за упокой убиенных, а затем помолитесь за здоровье тех, кто убирает с дороги антихристово племя... И, пожалуйста, делайте все тихо, смиренно...

Сказано яснее ясного. Глазенки Петухова заблестели, Химоза многозначительно улыбнулся, регент погладил лысину, пролепетал:

— Чудненько! Славненько!

И только врач железнодорожной больницы, с большой, как лошадиная, головой глядел в угол. Там стояла привезенная Петуховым бутыль со свежим самогоном На столе скудно: черный хлеб, чуть тепленький чай, пустые пузатые рюмки. Штабс-капитан разрешил лишь по одной за единую неделимую Россию. Гость сегодня уезжает, в дороге надо быть трезвым. Оставаться ему здесь больше нельзя. Связь с поселковыми эсерами установлена, они будут стараться в меру своих сил И уже стараются. Геннадий Аркадьевич составил список коммунистов, особо отметил активных. Он же вместе с купцом вручил гостю адреса каппелевских и семеновских офицеров, скрывающихся в окрестных населенных пунктах. Штабс-капитан побывает у таких одиночек, ободрит их, поможет соединиться, скажет, как можно пробраться на восток к своим, в Суражевку, или в китайский городок Сахалян, что против Благовещенска, на другом берегу Амура... Правда, не все здесь понравилось. Геннадий Аркадьевич — человек не военный — плохо подготовил Гогу Кикадзе, и тот не добыл ни одной винтовки. К счастью, все обошлось благополучно. Через некоторое время можно устроить нападение на склад чоновского оружия, условия позволяют, инструкции учителю даны... Штабс-капитана несколько беспокоит регент, у него не голова, а чердак с дурацкими нотами Регент провалился в Заречье, его провели подростки, все об этом знают. Вот тебе и чудненько! Так много молодежи на свою сторону не привлечешь, а

курс надо держать на молодых, нужно ловко использовать в своих целях соучраб...

Врач оторвал взгляд от бутылки, перевел его на штабс-капитана.

— Вот, на сына жалуюсь... Прошу у вас утешительных слов. Понимаете, бунтует, шельмец! Не хочу, говорит, чтобы меня называли беженцем. Зачем ты, папа, от большевиков убежал, теперь у меня нет будущего. Когда ты, говорит, будешь порядочным человеком, чтобы я, вырастая, не стыдился твоего прошлого? Понимаете, о какой-то новой жизни хлопочет. Что ему обещать?

Не дожидаясь разрешения, врач сходил за бутылью, поставил ее на стол. Штабс-капитан поднял рюмку. Он знает утешительные слова и скажет их не одному заблуждающемуся сыну врача, а всей молодежи... Большевики, создав Дальневосточную республику, копают себе могилу длиной от Байкала до Тихого океана. Большевики не понимают, что на восток стеклись сливки русского общества. Здесь лучшие силы белых армий, здесь лучшие представители партий, не признающих коммунизма. Штабс-капитан близко к сердцу принимает письмо секретаря Хабаровского областного комитета эсеров о том, что эта партия в конце концов освободит страну от коммунистических палачей и жандармов. Силы собираются в могучий кулак.

Чокнулись и выпили. Штабс-капитан велел налить еще по одной, по последней, и обратился к врачу.

— Скажите сыну, уважаемый доктор, что теперь мы никуда не побежим, теперь мы будем только наступать. Вселите в сына дух бодрости и надежды, не отдавайте его на съедение комсомолу!

— Славненько! Чудненько! — восторгался регент...

Петухов подарил гостю с Амура шубу, чтобы он не мерз в трудной дороге. Молча посидели на прощание. Все облобызали отъезжающего.

— До свидания, господа!

Штабс-капитан ушел на вокзал...

* * *

Дежурный по станции крикнул кондуктору Кравченко, что надо взять до Куренги одного пассажира, и свернутым зеленым флажком указал на человека в длинной

шубе с высоко поднятым рыжим воротником. Тимофей Ефимович кивнул незнакомцу на тормоз хвостового вагона, а сам пошел вдоль состава к паровозу вручить машинисту путевку.

Колеса тяжело застонали, и застоявшиеся на морозе товарные вагоны медленно покатились. Тимофей Ефимович на ходу поезда вскочил на тормоз. Воротник скрывал лицо пассажира, белел только лоб да выглядывал кончик носа.

— Вы не здешний?

— Нет, — глухо буркнул в воротник незнакомец. — Разъезжаю по делам...

Он произнес еще какие-то слова, но из-за шума поезда их не было слышно. Тимофей Ефимович натянул на себя тулуп, сел на сундучок. По обеим сторонам железнодорожного полотна мелькали заснеженные сопки и леса. На пригорках и полянах торчали черные пни, наряженные в белые шапки. Скоро к полотну слева пристроилась ледяная лента реки и долго бежала рядом.

Пассажир, должно быть, устал топтаться и, поджав ноги, сел прямо на занесенный снегом и пылью пол тормозной площадки. Вагон сильно трясло. Покачиваясь, пассажир часто поталкивал Тимофея Ефимовича в спину. Временами он что-то напевал, потом затихал, наверное, одолевала дремота. От толчка на повороте он вздрогнул и стал напевать громче... Нет, Тимофей Ефимович не ослышался, его случайный спутник поминал в песне душистые гроздья белой акации.

Сидеть Тимофей Ефимович уже не мог. Поднявшись, оглядел пассажира. По-прежнему из мохнатого воротника торчал только кончик носа... Костя уверял, что не мог обознаться, проверяя документы кооператора. Этот тип сказал, что разъезжает по делам... Не по делам ли потребительской кооперации? Может быть, как раз двух последних слов и не расслышал кондуктор?.. Взять бы его за воротник и, как мешок с барахлом, выбросить с тормоза. Небось не успеет в карман за оружием сунуться... Но сначала надо убедиться, что это тот самый дворянин, в жилах которого течет голубая кровь... Можно открыться офицерику, напомнить ему отступление каппелевцев и горячий разговор в избе железнодорожника Кравченко. Нет, все это не то... Вспугнешь зверя—уйдет.

А он нужен живым. Прейс, наверное, еще не напал на его следы...

Пассажир заворочался, отвернул воротник, прокричал:

— Скоро приедем, кондуктор?

Он! Его лицо! Большие белые глаза нельзя забыть...

— Скоро!..

Лихорадочно мелькали мысли: «Что же делать? Как не упустить зверя?.. Не спускать с него глаз. В Куренге длительная стоянка — много отцепки и прицепки. Пока идут маневры, можно успеть связаться с Прейсом».

Поезд остановился. Пассажир поблагодарил, спрыгнул с тормоза и пошел немного прихрамывая: отсидел ногу. Других составов не разъезде нет. Тимофею Ефимовичу видно, что кооператор идет к маленькому желто-красному служебному помещению. Вот остановился около стрелочника. Что-то спросил. Свернул к поезду, с которым приехал. Полез под вагоны. Значит, ему нужно в деревню, она на противоположном берегу реки... Тимофей Ефимович подозвал младшего кондуктора, объяснил, какая предстоит работа, попросил проследить и сказал, что ненадолго отлучится в деревню к одному знакомому. Оставив на тормозе тулуп, Тимофей Ефимович прошел в голову состава, отсюда ближе к реке. Теперь прибрежные кусты скрывали от него пассажира. Кондуктор пересек пути, очутился в редком тальнике. Пассажир подходил к другому берегу, около катушки встретился с ребятишками, о чем-то спросил их, они показали на деревню...

Все постройки первой улицы стояли близко от реки, их хорошо было видно. Пассажир дошел до колодца, повернул к домику с палисадником, скрылся за калиткой. Тимофей Ефимович подождал минут двадцать и вернулся на разъезд, по фонопору связался со станцией.

На дворе смеркалось.

* * *

В партийный комитет они шли в конце дня прямо из депо, усталые и голодные, с чумазыми лицами, грязными руками. Федя подтрунивал над Мокиным:

— Помнишь, Митяй, как нас в Осиновке кирпичами угощали? Хочешь еще попробовать?.. Сыпь туда с до-

кладом о текущем моменте... Кулацкого хлебушка отведаешь и Анну увидишь. Два горошка на одну ложку!

Мите было не до смеху: кочегар мечтал о печеной картошке и горячем чае. А что касается Анны Васильевны, то он когда-нибудь всерьез потолкует с Федькой, чтобы тот не болтал попусту...

В парткоме ребята забыли и про еду, и про усталость, и про все, о чем говорили дорогой. Блохин долго объяснял им, что телеграфиста Уварова напрасно исключили из комсомола. Митя сопел и не знал, куда девать руки, он то держал их на коленях, то складывал на груди, то клал на спинку стула, то засовывал в карман. Федя разглядывал потолок и стены...

— Понятно? — спросил секретарь парткома.

Митя кивнул, а Федя отделался шуткой:

— Понятно больше половины!

— Это немало! — улыбнулся Блохин. — Будете учиться — все поймете. Вот Дэ-вэ-эр с фронтами поправится и рабфаки откроет. В Совроссии уже есть.

— Мне бы туда! — мечтательно произнес Федя. — Падкий я на учение!

Блохин склонился к Мокину.

— А ты бы учился?

— Ему нельзя! — забалагурил Федя. — Его в одной деревне зазноба ждет.

— Перестань ты! — окрысился Мокин.

— Учиться и дома можно! — примирительно сказал Блохин, доставая из ящика стола небольшую брошюру. Сегодня он выпросил ее в вагон-клубе воинского эшелона. Это был текст речи Ленина на третьем съезде комсомола. — Тут сказано, чему учиться и как учиться...

Зашуршали страницы. Блохин нашел кем-то подчеркнутые строки и прочитал:

«...То поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество...»

Блохин вышел из-за стола, обнял сидящих рядом парней за плечи, пощекотал им щеки седеющей бородкой.

— Завидую вам!.. Про вас сказано!.. А мне не дожить!

— Нам скоро двадцать! — внес ясность Федя.

— В эти годы я в тюрьме сидел!

Припадая на одну ногу, секретарь парткома молча ходил по комнате. Что он вспомнил? Одиночную камеру, кандальный звон, погоню жандармов? Ребята знали, что нога у Блохина прострелена конвойными при попытке к бегству.

Комсомольцы ушли из парткома с брошюрой «Задачи союзов молодежи». С Блохиным условились так: после прочтения заглянуть к нему для беседы, а потом провести занятие в ячейке. Чтение и объяснение брошюры Блохин советовал поручить, как он шутя выразился, философу Уварову...

Домой Мокин торопился по Набережной. На лестнице ему встретилось несколько подростков, шумно о чем-то разговаривающих. Впереди шествовал Васюрка. Он и остановил Мокина.

— Эту ватагу я к тебе в ячейку вел. Все хотят в комсомол... Вот Кузя Зыков, вот Пронька Хохряков, вот Ленька Индеец!..

— Не Индеец, а сын смазчика, Алексей Сергеевич Карасев!—поправил Ленька.

Парнишки присмирели, ожидая приговора.

— Сколько вам лет? — всех сразу спросил Мокин.

Боясь сказать, что нет полных пятнадцати, Ленька ответил:

— Почти пятнадцать!

— Да ну? — почему-то обрадовался Мокин.

К удивлению подростков, он извлек из кармана брошюру.

— Сочинения Ленина читаете, братва?

— Нет, в нашем классе еще не проходили! — чистосердечно признался Кузя.

Мокин дал всем посмотреть обложку брошюры.

— Что говорит нам вождь мирового пролетариата? Кому сейчас пятнадцать лет, тот будет жить при коммунизме... У вас возраст подходящий! Приходите в ячейку, будем все учиться!

Он по-военному откозырнул и загремел ботинками по ступенькам.

— Ур-ра! — крикнул Кузя.

— Погоди ты! — замахнулся на него Пронька. — Мокин говорит, что нам жить при коммунизме. Это, значит, как?

— В тыщу раз лучше, чем теперь! — авторитетно сказал Васюрка!

* * *

Прейс приехал на маневровом паровозе через час, когда уже совсем стемнело и на небе зажглись первые звезды. Тимофей Ефимович сказал чекисту, где укрылся кооператор, напомнил его приметы и заторопился к своему поезду...

Ночью в домик с палисадником кроме Прейса пошли машинист маневрового паровоза Храпчук и председатель сельревкома Двери открыл мужчина маленького роста, с круглой, как арбуз, головой, покрытой редкими волосами. Перед собой он держал свечу, и Прейс сразу увидел золотой крестик, висевший на толстой шее. Хозяин засуетился, пнул самоварную трубу, схватил низенький табурет с обугленной посредине дощечкой, поставил его в узком проходе между большой русской печкой и стеной, сел и уперся руками в колени.

— Ищите, люди добрые, у нас чужих нет!

— А кто тебе сказал, что мы кого-то ищем? — Прейс поставил на лавку фонарь. — Мы пришли просить подводу.

Мужик перекрестился.

— Конь у меня заморенный... Да ить вчера только подводу ревком наряжал. Поимейте жалость!..

— Ну что же, — сказал Прейс, оглядывая давно не беленную кухню, — если подводы нет, то придется поискать кого-нибудь, раз сам хозяин просит!

— Ей-богу, никого нет! — Мужик опять перекрестился.

Храпчук с винтовкой остался у порога, а Прейс и председатель ревкома вошли в горницу. Передний угол был заставлен иконами, а подоконники цветами. На широкой деревянной кровати плакала хозяйка. В другой комнате беспечно спали на полу ребятишки.

Вернувшись на кухню, Прейс и председатель ревкома заглянули в подполье.

— Может, самоварчик поставить? — угодливо предложил хозяин.

— Куда ты его ставить будешь? — засмеялся вдруг Прейс. — Табуретку-то сам занял!

Чекист остановился перед хозяином.

— Плохое местечко ты себе тут облюбовал: темно, от дверей дует... Что там у тебя за печкой?

— Пропусти человека, недогадливый! — подсказал сбоку Храпчук.

Хозяин тяжело встал, прислонился спиной к печке. Прейс ногой выдвинул табурет из прохода, и шагнул вперед. Сразу за печкой в стене виднелась дверь. Хозяин, чтобы удержать дрожание рук, ухватился за крестик.

— Тут пристроечка у меня маленькая, столярничаю кое-когда... Хлам всякий свален...

Дверь в пристройку открылась без скрипа. Оттуда донесся сильный храп. Прейс подтолкнул хозяина вперед и поднял над ним фонарь... На верстаке кто-то спал. Свет фонаря ударил спящему в лицо, он мгновенно приподнялся и начал невпопад шарить рукой в стружках около себя. Прейс опередил его — смахнул кучу стружек на пол. Вместе с ними упал и маузер. Председатель ревкома поднял его. На верстаке сидел смуглый, с большим черным чубом мужчина лет тридцати. «Забайкальский казачок», — определил про себя Прейс, а вслух сказал:

— Эх ты, засоня!

— Отощал я, уморился, неделю по лесу ходил, — процедил сквозь зубы казак.

— С кооператором встречался? Где он?

— У него своя дорога, я не знаю...

Хозяин неожиданно стал разговорчивым и показал, что приехавший со станции человек пробыл здесь не больше получаса, интересовался дорогой на прииск...

Чубатого казака увели на паровоз.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ШАГАЙ ВПЕРЕД, КОМСОМОЛИЯ!

Тимофей Ефимович приехал ночью. Сдал поезд другому кондуктору, хотел идти домой отдыхать, но что-то вспомнил, от станции свернул на каменистую дорогу и, освещая ее фонарем, тяжелой походкой зашагал в поселок Гора. Жена часто жаловалась на Костю. «Поздно

является из этой самой ячейки. Хоть бы ты, отец, когда нибудь заглянул туда, может, где зря шляется...»

Комитет комсомола был освещен. Тимофей Ефимович влез на обитую досками завалинку и посмотрел в окно... Посредине комнаты, на низенькой скамье, стояла лампа. Костя лежал на полу перед огромным листом бумаги и писал. Невдалеке от него сидела Вера, она большими ножницами стригла страницы какого-то журнала, должно быть, вырезала картинки. Тут же суетились двое юношей. «Стенгазету мастерят», — догадался Тимофей Ефимович и спустился с завалинки. «Я и забыл, что его редактором поставили...»

Жена услышала знакомый стук и вышла в сени открывать дверь.

— А Кости еще нет! — забеспокоилась она.

— Не стой на холоде босиком, — сказал Тимофей Ефимович, — ничего твоему Косте не сделается, парень при большом государственном деле!

И в кухне, за чаем, рассказал, чем занимается сын в комсомольском комитете.

— И Верка небось там? — всплеснула руками хозяйка.

— Это уж как водится! — засмеялся Тимофей Ефимович.

* * *

В привокзальном буфете, за пустым, исцарапанным вилками и ногтями столиком сидел Митя Мокин. Час тому назад Блохин сказал ему, что из Осиновки приехала Анна Гречко, что она ушла в больницу проведать Герасима и просила подождать ее здесь. Оказывается, Анна тоже избрана делегатом на уездный съезд комсомола. Значит, им суждено вместе добираться до города.

Двери изредка хлопали, в буфет заглядывали посетители, а Мите все время казалось, что это идет Анна. Он старался представить ее себе такой, какой видел в последний раз... Анна с винтовкой на плече идет за гробом Капустина. Лицо у нее обветренное, на лбу прядь посеребренных инеем волос, глаза заплаканы, губы крепко сжаты. Память Мокина восстановила и другую картину... Анна разливает чай и смеется, на ее круглых щеках появляются едва заметные ямочки. Ей смешно, что Мокин и Прейс собираются поймать домового в

поповских хоромах. Приятно было смотреть, как она, маленькая, курносая, с коротко остриженными волосами, мягко ступает по комнате. Мите тогда хотелось подхватить девушку, покружить ее вокруг себя...

Размечтался кочегар и не заметил, когда подошла к столу Анна. Поднял голову, а девушка рядом — принесла с улицы холод, улыбается, снимает знакомые ему белые шерстяные варежки. Разве в такую минуту вспомнишь ячейкин запрет о рукопожатии? Ее рука утонула в его широкой ладони. Хорошо, что вокруг ни одной комсомольской души. Митя побежал к буфетной стойке. Обжигая пальцы, принес в двух консервных банках кипяток с сахарином. Анна рассказывала о предревкоме Герасиме — он поправляется, скоро выпишется из больницы, — но Митя не слушал, все время поглядывал на дверь, боялся, что появится Федя-большевичок. «Увидит меня с ней—насмешек не оберешься...»

Вышли из буфета. До прибытия поезда оставалось более часа. Митя знал, что ожидается товарный, к которому прицеплена теплушка с освобожденными после революции политическими заключенными. Они где-то надолго задержались, излечивая полученные на забайкальской каторге болезни, и теперь пробираются в Россию. Митя мечтал попасть в эту теплушку. Ехать всю ночь на тормозе невозможно — на съезд приедешь в замороженном виде.

На стрелках горели огни. Падал редкий снег... Ходить по перрону с девушкой для Мити было мучением. Он ощущал себя длинным, как телеграфный столб, и поэтому, чтобы казаться ниже, нарочно сутулился. Анна была ему до плеча. Вот не боится же он выступать на собраниях, а тут сковывает его робость. Митя спросил, сильные ли морозы в Осиновке, не залетают ли филины на колокольню. И замолчал.

Остановились около водогрейки. В кармане шинели Митя нащупал кедровые орехи, захватил полную горсть, угостил Анну...

— Вот вы где, голубчики!

Из темноты вынырнул Федя-большевичок, поздоровался с Анной не подавая руки, в течение минуты задал ей вопросов больше, чем Митя за целый час.

Показался поезд. Паровоз с большим фонарем около трубы тяжело тащил вагоны. Крупные снежинки, как

ночные бабочки, летели на огонь, ударялись о стекло и таяли...

Во всем составе дымилась одна теплушка. Сквозь маленькое, обросшее льдом оконце еле-еле пробивался свет. Дежурный по станции постучал в стенку вагона. Широкая дверь с грохотом немного откатилась, в щель высунулся лохматый мужчина с шарфом на шее.

— Что? Взять двоих? Пусть едут, только вы нам дровец подбросьте!

В вагоне было тепло, чугунная печка накалилась докрасна. Под потолком качался фонарь с небольшим огарком свечи. С угла на угол была натянута проволока, на ней висели штаны, рубахи, портянки и какие-то лохмотья. Пахло прелым и кислым. Как видно, люди здесь поселились давно.

На нижних нарах оставалось достаточно места для новых пассажиров...

Ночью Анна проснулась от неприятного зуда. Поворочалась с боку на бок на расстеленном полушубке, но уснуть не смогла... У самой стенки спал Митя, он часто вздрагивал, елозил ногами, бормотал во сне, царапал грудь. Наконец Митя открыл глаза, расстегнул шинель, яростно почесал под мышками, слез с нар. Фонарь уже погас. В печке тлели головешки. Митя бросил на них полено, покосился на грязные нары, но сесть не решился. Хотелось курить. Обшарил карманы, вместо махорки нашел несколько орешков, бросил их в рот.

Спустилась к печке и Анна.

— Меня кто-то кусает! — откровенно сказала она.

— Меня тоже! — признался Митя.

Так до утра и простояли у печурки...

Уездный комитет комсомола нашли быстро. Секретарь укома, рослый парень с густыми русыми волосами и очень бледным лицом, сидел за столом, накинув на плечи шубу-борчатку. Перед ним лежала стопка исписанной бумаги. Узнав, откуда приехали делегаты, он начал расспрашивать Митю и Анну о работе ячеек. Открылась дверь, и его куда-то позвали. Поднимаясь, секретарь рукавом шубы смахнул со стола несколько листков. Митя поднял с пола бумажки, взглянул на одну из них, пробежал глазами. Красивым почерком было написано: «...В ячейки никто из нас выехать не смог из-за отсутствия теплой обуви и одежды. Шуба есть лишь

у секретаря. Партия дала всего четыре папахи... Больше двух недель мы не имеем обеда Вот уже второй день укомовцы ничего не ели, нет хлеба. Для делегатов съезда получили (оставлено место для цифры) фунтов пшена...» Митя положил листки на стол... «Несладко тут ребятам живется». Когда секретарь вернулся с пачкой брошюр и сел, Митя увидел торчавшие из-под стола армейские ботинки с дырявыми подошвами.

После беседы секретарь написал записку к коменданту общежития и, виновато улыбаясь, сказал:

— Сегодня вы уж как-нибудь потерпите, а завтра мы вас начнем кормить!..

Анна обрадовалась, что в общежитии немного теплее, чем в укоме, сбросила в коридоре полушубок и куда-то исчезла. Никто не знал, что она закрылась в уборной и, расстелив на подоконнике платье, стала бить вшей. По ее совету, то же самое проделал и Митя. Потом пришли к коменданту, не стесняясь, рассказали о своей беде. Комендант исполнял также обязанности истопника и сторожа, поэтому занимал в общежитии тесную комнатушку. Выслушав Митю, комендант призадумался. В общежитии всего две комнаты: одна для женщин, другая для мужчин. Куда же девать вшивых делегатов?

— Ладно, оставайтесь в моей каморке. Сыпного тифа не боюсь: болел в девятнадцатом... Барышне — койка, кавалеру — стол. А сам я где-нибудь устроюсь...

Съезд открылся в большом каменном доме купца Гершевича. Представитель уездного комитета партии большевиков приветствовал делегатов, назвал их кузнецами своего счастья и закончил речь словами:

— Шагай вперед, комсомолия!

Полтора часа слушали доклад «Текущий момент и задачи комсомола в условиях Дальневосточной республики». Секретарь укома говорил о положении на фронтах, о разрухе и голоде, о бандитах и мешочниках-спекулянтах, о каверзах эсеров и меньшевиков, о возникающих повсюду комсомольских ячейках, о воскресниках и митингах, о винтовках и книгах.

На стол президиума упала свернутая в виде птички бумажка. Председатель остановил докладчика, громко прочитал записку: «Почему у секретаря укома хорошая шуба? Значит, он буржуй. Зачем распоряжается в комсомоле?»

Давно не топленная купеческая гостиная еще не нагрелась. То в одном, то в другом углу делегаты покашливали, и тогда в холодном воздухе появлялись клубочки пара. Секретарь медленно провел рукой по волосам, оглядывая сидящих перед ним юношей и девушек. Ему показалось, что не только записка, но и строгие взгляды всех присутствующих спрашивают, откуда взялась такая шуба...

— Трофейная у меня борчатка, товарищи! Еще года не прошло с тех пор... Брали мы одну деревушку на берегу Селенги. Погнался я за каппелевским офицериком, он в меня пальнул из маузера, да промазал. Я его настиг и клинком по башке шарахнул...

— Признать правильным! — зычно крикнул Митя Мокин.

— Ну, как? — спросил председатель делегатов.

— Ясно! — загудел съезд.

Доклад продолжался...

Вечером делегаты поели пшенной каши и пошли в театр. Приезжие артисты показывали отрывки из оперы «Фауст». Митя скучал, ему не нравилось, что на сцене пели долго и непонятно, к тому же его донимали вши, и нельзя было сидеть спокойно. Он шепнул что-то Анне. Вместе вышли из зала.

Больше часа бродили по темным улицам городка. Усталые вернулись к комендантскую каморку... Митя спал на столе. Среди ночи его разбудил тревожный крик Анны:

— Берегись, берегись!

— Что с тобой? — испуганно спросил Митя.

Анне приснилось, что предревкома Герасим выписался из больницы, идет по улице Осиновки, а с церковной колокольни в него целится из карабина лавочник Петухов...

— Спи, Аннушка!

Сам не зная, как вырвалось это слово, Митя снова уснул, а в ушах молодой учительницы все еще звучало: «Аннушка». Так нежно называла ее только мать. Анна лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к ровному дыханию спящего товарища. Плохо ему: в головах смятая шапка, укрылся худенькой шинелкой, сам скорчился — стол был короткий. Анна поднялась с койки, подошла к Мите, набросила на него суконное солдат-

ское одеяло. Все это видела в окно сторожившая город луна...

Обратно ехали в холодном, но пассажирском вагоне четвертого класса. Тут хоть ветра не было и то хорошо. Делегаты везли домой отпечатанные на папиросной бумаге решения съезда и по две брошюры Ленина.

На разъезде Анна сошла с поезда, Митя проводил ее до водокачки. На занесенной снегом дороге Анна обернулась, помахала белой варежкой.

— До свидания, Аннушка! — крикнул Митя.

* * *

Во всех классах шли уроки. В пустом коридоре тикали большие настенные часы да в углу, где стояла бочка с кипяченой водой, из крана в ведро с помятым боком шлепались крупные капли. Крашеный табурет, на котором всегда сидел у окна школьный сторож, пустовал. Оставив на подоконнике медный колокольчик, старик отправился во двор колоть дрова...

Пронька и Кузя без стука прикрыли за собой дверь, огляделись по сторонам. Сразу оба заметили вывешенное рядом с картой Азии объявление: соучраб приглашает на новогодний бал, будут игры и танцы до двух часов ночи. Ребята на цыпочках прошли в раздевалку, оставили там одежду и так же бесшумно вернулись в коридор. Они решили над картой и объявлением прикрепить принесенный ими лозунг. Вчерашний вечер они потратили на то, чтобы найти старые газеты, нарезать их полосами, склеить в двух местах горячей картошкой. Потом химическими чернилами крупно по всей ленте написали два слова. Сегодня утром парнишки расстроились: газетные листы расклеились. Выручил Ленька Индеец, он утащил у матери столовую ложку ржаной муки, и ребята заварили клейстер. Теперь лозунг не развалится на части. Кузя поднес к карте табурет, взял в зубы несколько старых гвоздиков, достал из кармана штанов небольшой камень.

— Давай! — крикнул он Проньке.

Пронька мигом раскрутил сверток, один конец подал Кузе, а другой ухватил сам.

— Что вы здесь делаете?

В дверях учительской стояла Лидия Ивановна. Кузя вздрогнул, резко повернулся на табурете и чуть не упал. Кутаясь в теплый платок, учительница подошла к лозунгу, прочитала его и сказала тихо, но властно:

— Сейчас же в учительскую!

Через весь коридор, боясь громко топать, Пронька и Кузя осторожно несли свою работу. Так, бывало, летом носили они по улице бумажного змея с длинным хвостом. Никто из них не понимал, почему всем известная старая большевичка помешала двум будущим комсомольцам накануне Нового года осуществить их замысел. В учительской они положили лозунг на длинный стол, ожидая нагоняя от Лидии Ивановны. Но учительница, не говоря ни слова, вырвала из старой тетради листок, скрутила его жгутиком толщиной с карандаш, обмакнула в чернильницу и, близоруко прищуриваясь, аккуратно приписала мягкий знак к одному из слов. На сердце у ребят отлегло, но зато щеки их горели от стыда. Пока ученики прибивали лозунг, учительница подсказывала, какой край поднять выше, а какой опустить, чтобы было ровно. Когда старик вошел с охапкой дров, со стены весело глядели два ярких слова: «Даешь комсомол!»

Часы зашипели и мягко отбили полдень. По разрешению сторожа звонок на большую перемену давал Кузя. Что было силы размахивал он колокольчиком над своей огненно-рыжей головой. Сердце его ликовало. Пусть сильнее поет медь, пусть скорее други и недруги выходят читать боевой призыв. Кузя даже пробежался вприпрыжку, радуясь тому, что все, не считая мягкого знака, получилось так, как было задумано. Звонок заливался на все лады, звал школьников из душных комнат... Сначала в классах почти одновременно вспыхнул сдержанный говор, захлопали крышки парт. Молчальнику и мечтателю Проньке, стоявшему у окна, почудилось, что это загороженная где-то в теснине река зарокотала, прорываясь наружу. Затем она собрала все силы и хлынула в распахнутые двери, будто в раскрытые шлюзы. Вода бурлила, клокотала, разливалась по всему коридору, смывая на пути, точно мелкие камешки, первоклассников. Стало вдруг тесно у выхода во двор, у бочки с водой, у карты Азии...

В толпу с разбега врезался Кикадзе. Он протискался ближе к карте, поднял голову, нарочно громко, с издевкой в голосе прочел по-своему:

— Даешь крысомол!

В коридоре никто не засмеялся. Кикадзе покопался в кармане, бросил себе что-то в рот, зачавкал, прищурился на лозунг и подпрыгнул к нему, но не достал.

— Близко локоть, да не укусишь! — крикнул Кузя.

Медленно ворочая челюстями, Кикадзе лениво оглядел учеников, выхватил из рук стоявшего рядом с ним мальчугана линейку. Кузя понял намерение сладкоежки, потер переносицу, на всякий случай сжал кулаки. Как только Кикадзе изловчился для второго прыжка, Кузя сильно толкнул его в спину. Старшеклассник потерял равновесие и стукнулся о стенку. К школьникам он повернулся с красным от злобы лицом.

— Кто это меня? А?

Все молчали. Пронька, почуяв драку, пробирался к Кузе.

— Кто меня толкнул? — переспросил Кикадзе, выискивая глазами Кузю.

— Я!

Перед сопевшим здоровяком очутился беженец, он же Мандолина.

— Ты? — удивился Кикадзе. — Да ты что? Лук ел или так одурел?

— Это ты одурел! — закричал, набираясь смелости, Мандолина. — Это ты о стенку лбом колотишься, на карте весь Яблоновый хребет развалил!

Вокруг грохнул хохот. Кикадзе решительно одернул на себе серую гимнастерку, отступил на шаг, зачем-то посмотрел на валенки с калошами, в которых топтался перед ним Мандолина.

— Господин Свиридок! — назвал он по фамилии своего неожиданного противника. — Я напомню тебе: ты член соучраба. Не забывайся!

Свиридок задиристо подскочил к Кикадзе, замахал перед ним кулаками.

— С этой минуты я не имею никакого отношения к твоему соучрабу... Ты хулиган! Зачем на лозунг кидаешься? Мешает он тебе?

Толпа школьников загудела, кольцо любопытных плотнее сжималось вокруг спорящих. Соучрабовец на-

пал на соучрабовца — такого еще не случалось. Кикадзе не следовало бы затевать ссоры у всех на виду, тем более, что другие члены соучраба попятились и не поддержали его, но спускать обиду младшекласснику он не хотел, и сказал прямо в лицо Мандолине:

— В комсомол переметнулся, Свиридок?

— Нет! Там меня, пожалуй, не примут. Но соучрабу я больше не слуга. Беги скорее к Химозе, докладывай!

Кикадзе скривил губы.

— А ты торопись в комсомольскую ячейку, там требуются рабочие лошади, вроде этих...

Он кивнул на Проньку и Кузю, потом повертел головой, увидел Леньку Индейца и показал на него пальцем.

— Сам видел, как они в воскресенье на себе воз дров тянули!..

И тут Кикадзе пришла в голову мысль агитнуть против комсомола.

— Иди, Свиридок, впрягайся в сани... У них по воскресеньям — воскресники, по субботам — субботники, сам Ленин их придумал, по вечерам — вечерники, а то и просто день труда. На мандолине некогда будет играть, отца с матерью забудешь. Иди надевай на себя хомут, предатель!

Белые зубы Кикадзе, его тонкие противные усики, злорадная усмешечка — все это завертелось перед глазами Мандолины, и он напрямик, по-боксерски ударил кулаком в ненавистное лицо. Кикадзе бросил линейку, закрылся ладонями. Кольцо любопытных разорвалось: Свиридок кинулся в класс, следом за ним побежал Пронька и Кузя. В дверях, растопырив руки, уже стоял Ленька Индеец. Пропустив троих, он захлопнул дверь и закричал на весь коридор:

— Сюда нельзя! Класс проветривается, я дежурный! Идите в снежки поиграйте!..

В суматохе не многие заметили, что Кикадзе, прикрывая нос платочком, пробрался к вешалке, оделся и ушел из школы. Вездесущие первоклашки видели, как он поднимался на крыльцо квартиры Химозы...

А в классе с открытыми форточками, на последней парте плакал Свиридок. Всхлипывая и размазывая кулаками слезы, он говорил Кузе и Проньке:

— Вы, ребята, не называйте меня беженцем... Не

могу я так жить, осточертело все. Отец всю душу вымотал. Куда мне деваться? Все равно обратно на Урал подамся, там заводов много, буду работать вместе с большевиками...

Эта троица шепталась о чем-то до конца перемены...

* * *

Около депо, в ожидании поезда, стоял товарный паровоз с начищенными до блеска, хотя и заплатанными боками. Митя Мокин только что пошуровал в топке, бросил в нее несколько поленьев и, выглянув в окно машиниста, подставил лицо свежему, морозному воздуху.

— Эй, братва! — крикнул он проходившим невдалеке по путям Косте и Вере.

Ученики подбежали к паровозу.

— Во вторую смену занимаетесь? — спросил Митя. — Тогда вот что... Разобъясните там, что ячейка приглашает всех завтра на субботник. Видите, все станционные пути заросли шлаком, снегом, льдом. Работенки на всех хватит. Постойте-ка!

Митя откинул нижний край брезента, заменявшего на паровозной будке дверь, и, не касаясь ступенек, спрыгнул вниз. От всей его большой фигуры шел пар.

— Дело такое!.. Ты, Кравченко, знаешь Евгения Онегина?

— Знакомились с ним в классе в прошлом году, — ответил Костя. — А что?

— На уездном съезде рассказывали, что в городе одна заводская ячейка судила этого Онегина и объявила ему общественное порицание. Говорят, он плохо вел себя в обществе... А комсомольцы-железнодорожники устроили суд над этим... ну, который гайки отвинчивал и к неводам их заместо груза привязывал...

— Злоумышленник! Чехов про него написал! — подсказала Вера.

— Вот-вот, злоумышленник!.. Так этого оправдали начисто! Человек он темный, из деревни. Царей надо винить, а не его. Некоторые не хотели оправдывать, тогда проголосовали, спасли все-таки мужика от тюрьмы... Вы вот что, братва! Подумайте, кого бы нам покрепче осудить, поищите в книжках...

Кочегар ухватился за холодные поручни, рывком поднялся на паровоз.

Костя понял, что речь идет о литературных судах, о них уже писали в газетах. Пока поднимались с Верой по лестнице на Набережную, выбрали двух литературных героев для предания суду. Теперь скамья подсудимых угрожала Митрофанушке из «Недоросля» Фонвизина и гончаровскому Обломову.

Этот разговор напомнил Косте и Вере о сочинениях про героев, взятых не из книг, а из жизни. Костя первым в классе сдал целую тетрадку под названием «Путь Бориса Кларка». Вера еще не выполнила задания. Она пробовала писать об отце, как советовал ей Костя, но своими расспросами только расстраивала мать. Вера принялась искать нового героя. Жил в поселке Заречье Шурка Лежанкин — заводила босоногой команды. Он хорошо знал математику, умел делать из железных обручей сабли для товарищей, лучше всех пел революционные песни, особенно «Вихри враждебные веют над нами». Осенью 1918 года его старший брат Иван отступил на восток с последним красногвардейским отрядом Сергея Лазо, а зимой Шурку, по настоянию священника Филарета, несправедливо исключили из восьмого класса. Вместе с Васюркой ремонтировали они пути. Однажды Шурка забрался на гору около линии железной дороги и начал камнями разбивать стаканчики на телеграфных столбах, ему очень хотелось нарушить белогвардейскую связь. Японский часовой погнался за Шуркой, даже стрелял в него. В тот же день в доме Лежанкиных был обыск. Шурке оставалась одна дорога— в партизанский отряд. Из восьмиклассника получился смелый разведчик, но он не дожил до победы. При нападении партизан на белогвардейский бронепоезд Шурка погиб... Сочинений о героях, известных всему поселку, набралось немало. Лидия Ивановна предложила переплести все тетради в одну книгу и передать ее в комитет большевиков на вечное хранение...

В раздевалке Веру остановила незнакомая старшеклассница. Это была та самая ученица, которая на собрании молодежи в нардоме спрашивала Митю Мокина, принимают ли в комсомол девушек, и выкрикивала слова поэта: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

— Ты меня так выручила, Горяева! Спасибо тебе!

— За что? — не поняла Вера.

— За то, что вступаешь в комсомол. Мама мне сказала: «Если хоть одна девушка из вашей школы запишется в комсомол, то и тебе можно». Теперь я тоже подам заявление в ячейку!..

Поговорить им не дал звонок на уроки. Проходя по коридору, они обратили внимание на вывешенный Кузей и Пронькой лозунг. Газетная лента держалась крепко, крупные буквы выделялись на стене...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПОЛИТСУД

— Значит, вы собираетесь судить Митрофанушку за то, что он не хочет учиться, а хочет жениться?

Блохин полистал пьесу «Недоросль» и протянул ее Мокину.

— Говоря твоим языком, дорогой Митяй, в настоящий текущий момент нас беспокоят эсеры, а не Митрофанушка...

На столе лежала газета. Блохин нашел какую-то статью.

— Вот... Пакостят нам эсеры на каждом шагу!

Митя поспешно сунул пьесу в карман шинели. Он уже ругал себя в душе за то, что не вовремя пришел в партийный комитет с Митрофанушкой. Приближался день выборов в Учредительное собрание Дальневосточной республики. По городам, станциям, деревням и поселкам проходили шумные митинги и собрания, ораторы спорили между собой и даже оскорбляли друг друга. Бывало так, что некоторых силой стаскивали с трибуны. Недавно на митинге в паровозном депо Федя-большевичок бросил снятый с ноги сапог в регента, выступавшего от имени местных эсеров. Все существующие в Дэ-вэ-эр партии объявили списки своих кандидатов в депутаты и яростно агитировали за них. Каждая партия хотела послать как можно больше своих представителей в Учредительное собрание, ведь оно изберет правительство, которое будет управлять республикой. Эсеры, меньшевики, кадеты в своей печати обливали грязью боль-

шевиков, писали небылицы о Советской России, запугивали читателей красными ужасами. Газет и листовок они выпускали гораздо больше, чем могло это делать правительство Дэ-вэ-эр. Русская буржуазия, убежав после революции за границу, давала им немало денег на издание антибольшевистской литературы. Митя узнал об этом на уездном съезде комсомола...

— Пусть Митрофанушка подождет, — сказал Блохин, свертывая газету, — а вы возьмите за бока эсеров... Хорошо бы устроить политсуд над ними. Осилите?

— Осилим! — бодро ответил Митя. — Только я не знаю, как это делается.

— Будем мозговать вместе! — Блохин протер стекла очков, достал из ящика стола лист бумаги. — Присаживайся поближе...

* * *

Афиши звали жителей поселка на политсуд...

Зрительный зал нардома был забит до отказа. Люди стояли в проходах, мостились на подоконниках, толпились в дверях. Такого скопления не наблюдалось даже на бурных митингах и воскресных спектаклях драмкружка.

Суд разместился на сцене за большим столом. Председательствовал Митя Мокин. Ему для солидности приклеили торчащие, как стрелы, большие седые усы. Правда, они не гармонировали с русыми, гладко причесанными волосами, но об этом никто не подумал. По правую руку от него вертелся на табурете молодой смазчик Широких в отцовском пиджаке, он то и дело склонялся к Мокину, о чем-то, улыбаясь, шептался с ним. Слева от председателя сгорбилась над тетрадкой Вера Горяева, ей поручили записывать речи выступающих, и она, очумившись на виду у такой массы людей, боялась поднять голову, взглянуть в зал. Ей казалось, что все смотрят на нее.

Чуть в стороне от большого стола, за маленькой тумбочкой устроился обвинитель. На эту роль уговорили телеграфиста Уварова. Его нарядили в военную гимнастерку, опоясали ремнем с портупеей, на бок повесили пустую кобуру. У самой суфлерской будки, на длинную скамью, лицом к зрителям посадили обвиняемого. С

трудом в нем можно было узнать Федю-большевичка. Он долго не соглашался изображать эсера. «Больше некому, — сказал ему Блохин, — у тебя язык хорошо привязан». Только этим и убедили парня. Над его образом гример драмкружка поработал основательно. На голову Феде надели парик-лысину, чтобы усилить сходство с регентом, усики нарисовали маленькие и черные, как у Химозы. В костюмерной нардома подобрали для него старый фрак и цилиндр, в руки дали трость с металлическим набалдашником. «Буржуйских» брюк и туфель не нашлось, поэтому «эсера» выпустили на сцену в рабочих штанах и сапогах. На носу кое-как держалось пенсне, вернее заржавленная оправа без стекол.

Мокин объявил судебное заседание открытым.

— Слушается дело по обвинению эсера в предательстве интересов пролетариата. Между прочим, в протокол можем записать за компанию и меньшевиков, все они — соглашатели — на одну колодку сделаны. Разобъясняю слово соглашатели. Это те, которые плюют на народ, лижут пятки буржуям, идут на соглашение с ними. Обвиняемый, встать!

Эсер медленно поднялся, снял цилиндр, поправил на носу пенсне, кашлянул, скривил туловище в сторону суда и крикливо начал:

— Кто вы такие, чтобы меня судить? Нас, социалистов-революционеров, может судить только история. Пройдут годы, и будет ясно, какая партия права. Да-с!

— Ишь ты, шкура! — не выдержал в первом ряду машинист Храпчук.

Повернувшись к публике, эсер поверх пенсне посмотрел на Храпчука, махнул на него цилиндром...

— Я сам буду вас обвинять. Это вы, большевики, обманули народ. Да-с! Вы обещали рабочим и крестьянам Дальнего Востока советскую власть. А что дали? Буфер!

Храпчук ударил шапкой об пол, подскочил к сцене, готовый с кулаками наброситься на эсера.

— Я за советскую власть воевал, а не ты! Дай только срок, сорвем мы синюю заплатку с красного флага!

Старик погрозил подсудимому и, ворча что-то себе под нос, вернулся на место. Председателю суда понравилось такое дополнение к инсценировке, от удовольствия он покрутил приклеенные усы, подмигнул смаз-

чику Широких. Тем временем эсер напялил на голову цилиндр, покрутил в руке трость.

— Я обвиняю, господа, то есть говарищи!

— Керенский волк тебе товарищ! — крикнул какой-го железнодорожник.

Эсер поморщился.

— Я обвиняю! Да-с! Большевики на весь мир прославились своей жестокостью. За примерами далеко ходить не будем. Совсем недавно поселковые коммунисты и комсомольцы, так называемые чоновцы, расстреляли русских интеллигентов в пади Моритуй...

Голос Васюрки Чуракова рассек тишину:

— Жалко, что тебя не уложили вместе с ними!

— Какое бескультурье! — завопил эсер, кидаясь к Мокину. — Прошу вас оградить меня от хулиганства!

Смазчик Широких, пошептавшись с Митей, поднялся за столом и сказал эсеру:

— По-твоему выходит, что Васюрка Чураков некультурный? А скажи, пожалуйста, всему народу, где был ты, культурненький, когда наши отцы и братья с оружием в руках боролись с царским режимом, с разными атаманами да генералами? Где ты прятался?

— Вопрос не по существу! — возмутился обвиняемый.

Зрители зашумели, затопали. Раздались возмущенные возгласы:

— Ну и жаба!

— Заткните ему глотку!

Председатель суда теперь и сам не знал, где инсценировка, а где настоящая жизнь. Эсер, нарушая план, вскочил на суфлерскую будку, перегнулся в зал, потряс тростью.

— Кто это хочет заткнуть мне глотку? А ты знаешь, щенок, что я в царской тюрьме сидел?!

— Тихо! Не бузить! — начал наводить порядок Мокин. — Ты что, Кравченко, руку поднял? Вопросик эсеру? Валяй!

Костя, не слезая с подоконника, спросил:

— За что вас при царе в тюрьму садили?

Подсудимый обмахнул вспотевшее лицо цилиндром.

— Я в губернатора стрелял. Да-с! Что тебя еще интересует, молодой человек?

Весь зал смотрел на Костю Кравченко.

— Меня интересует, почему эсеры в товарища Ленина стреляли? За что они убили большевика Урицкого в Петрограде?

Зрители зашумели. Эсер вскочил на скамью, поднял трость.

— Комсомольская провокация! — кричал он. — Мне не дают говорить! Председатель суда, примите меры!

— Вопросы поставлены ребром! — громко сказал Мокин. — Тебе, эсер, и крыть нечем... И вообще я тебя призываю к порядку. Чего ты забрался на скамью подсудимых? Тебе на ней сидеть положено, а не стоять! Слезай!

Зрители смеялись. Эсер послушно спрыгнул со скамьи.

— Поверьте мне!.. Только мы, социалисты-революционеры, поднимаем знамя свободы и счастья и пронесем его по всей России... Большевики заведут вас в неволю, оставят в нищете. Да-с! Они научили вас петь «Интернационал», и вы поете: «Для нас все так же солнце станет сиять огнем своих лучей». Солнце сиять, конечно, будет потому, что большевики не в силах его погасить, но больше, ей-богу, ничего не будет!..

Сунув два пальца в рот, Васюрка громко свистнул. Его поддержали другие. Храпчук кричал: «Митя, дай ему по кумполу, чтобы цилиндр покатился». Кто-то бросил в эсера палку, он запрыгал по сцене на одной ноге. Это не предусматривалось инсценировкой, и Митя постучал кулаком по столу.

— Братва, вы не шибко того!..

Сильно прихрамывая, подсудимый отошел подальше от суфлерской будки, загородился скамьей. По рядам для суда передавалась записка. Получив ее, Митя прочел вслух: «Суд идет неправильно, нет защитника». В зале стало тихо. Митя поскреб затылок — кто знал, что поступит такая записка, — и сказал:

— Разобъясняю... А кто возьмется защищать обвиняемого? Буржуев в нашем поселке нет... Разве захочет тот, кто записку послал!? Давай выходи, защищай, дозволяю...

Зрители завертели головами, зашушукались. Блохин ждал, что выступит Химоза, но его в зале не было видно.

— Ну? — спросил Митя. — Нет желающих защи-

щать эсера. Тогда переходим к допросу свидетелей. Хочет дать показание шпалоподбойщик Чураков!

Васюрка оставил на лавке шапку и быстро протопал к сцене.

— Говори только правду! — строго предупредил его Мокин.

— Моя правда настоящая, рабочая. — Васюрка переступил с ноги на ногу, поглядел на Храпчука, который жестами подбадривал его. — Тут все знают, что отец мой умер от того, что приехал с германского фронта отравленный газами и с простреленным боком. Мать моя сколь лет больная. Младший братишка сидит дома раздетый. И кусать нечего. А кругом враги, война не кончилась, до Владивостока народной армии еще долго идти. Как жить будем? Перво-наперво надо добивать белых и японцев. Второе дело — работать с утра до ночи, разруху прикончить. К новой жизни пробиться охота! Товарищ Ленин говорит, что мы, молодые, будем жить при коммунизме. Это же в тысячу раз лучше, чем теперь. А кто нам ходу не дает? Вот такие типы...

Он показал рукой на приунывшего эсера.

— Они под ногами вертятся, назад нас тянут, красивыми словами закормили, к Советской России мешают присоединиться. И еще хотят, чтобы рабочий класс голосовал за них на выборах в учредиловку. Черта с два! Я первый не буду! Вот и все!

На свое место Васюрка пошел заложив за спину руки, в ушах отдавались хлопки зрителей.

Вторым свидетелем оказался Андрей Котельников. Он остановился в проходе, придерживая под мышкой снятый с себя полушубок

— Может, кто не знает меня, я из Осиновки. Приехал за Герасимом. Это наш председатель сельревкома, в больнице тут лежал. Его бандиты чуть не убили, окружили и начали палить в окна из винтовок. В одной газетке писалось, что бандам эсеры помогают. У нас в деревне этому не верили, эсеры, мол, за мужика. А теперь верят... Ты покажись, Герасим...

У окна поднялся худой, давно не бритый мужчина в солдатской шинели. Левая рука его была подвешена на тонкой ленте из бинта.

— Товарищи граждане! — сказал он негромко и покачал больную руку. — Я эсеров этих еще по герман-

скому фронту знаю. Пустобрехи—и все тут! Эсеров слушать — век маяться! Мое воззвание: не давать за них голоса на выборах!

Герасим поклонился всем и сел, морщась от боли. Мокин объявил:

— Суд вызывает товарищей Хохрякова, Зыкова и Карасева!

К всеобщему удивлению, в проходе между рядами появились не взрослые, а подростки. Переглядываясь, к сцене подошли Пронька, Кузя и Ленька Индеец.

— Что можете сказать? — спросил их Мокин. — Да повернитесь лицом к народу!

— Сказать ничего не можем! — громко ответил за всех Кузя. — Мы спеть можем!

Зал весело зашумел, ожидая чего-то необыкновенного.

Мокин склонился к Широких, потом к Вере Горяевой и объявил:

— Суд разрешает, если песня относится к делу!

Кузя потер переносицу, взялся руками за ремень и, не скрывая озорной улыбки, запел:

О чем толкует нам эсер?
О чем толкует нам эсер?

Всей силой своих голосов Пронька и Ленька Индеец поддержали товарища:

Отдай буржуям Дэ-вэ-эр!
Отдай буржуям Дэ-вэ-эр!

Во всех концах зала начали подпевать комсомольцы. Председатель суда нисколько не удивлялся этому — так было заранее условлено, он и сам, придерживая один плохо приклеенный ус, подтягивал свидетелям. Пели члены суда, смазчик Широких и Вера Горяева, пел обвинитель. К комсомольцам присоединились все, кто знал песню. С подоконника Костя наблюдал за последними рядами, там собрались ученики. Хотя Химоза и запретил соучрабовцам ходить на политсуд, все же несколько старшеклассников присутствовало. Все они пели. Рядом с Кузей сидел сын врача, Свиридок... Почти половина зала исполняла боевой припев:

Станцуем карманьолу,
Пусть гремит гром борьбы!
Эй, живей, живей, живей
На фонари буржуев вздернем!
Эй, живей, живей, живей!
Хватило б только фонарей!

Пока исполняли припев, к дверям, сильно согнувшись, быстро прошел регент. На процесс его послал Химоза, но песня напомнила бородачу что-то неприятное, и он решил сбежать, не дослушав до конца. Может быть, кто-нибудь и обратил бы внимание на трусливое бегство эсера, но как раз в это время у входа началась давка, поднялся шум. Кто-то пытался пробиться из фойе в зал, расталкивал стоящих в дверях людей, а те упирались. Крики усилились.

— Что там за буза? — поинтересовался Мокин со сцены.

Через минуту все выяснилось. На станции стоит воинский эшелон. На перроне проведен митинг по поводу предстоящих выборов в Учредительное собрание. Узнав, что в нардоме судят эсера, народоармейцы послали на суд делегацию из двух человек. Их пропустили в зал. Оба были с винтовками. Один из них, уже немолодой, с всклокоченной бородкой, попросил у Мокина разрешения зачесть резолюцию, вынул из-за обшлага шинели сложенный в несколько раз листок серой бумаги и, сильно окая, начал читать:

«...Приветствуем Учредительное собрание крестьян и рабочих, но если туда пройдут все старые контрреволюционеры, то есть волки в овечьей шкуре — эсеры и меньшевики, то мы таковое через 24 часа разгоним силою штыков.

Да здравствует наша близкая союзница — материнская Советская Россия».

Резолюцию зал выслушал стоя и долго одобрял ее рукоплесканиями. Делегация согласилась до отхода эшелона остаться на суде. Народоармейцев усадили в первом ряду. Как и многие местные жители, они принимали политсуд за настоящий процесс. Тот, что читал резолюцию, сказал Блохину:

— Неладно у вас! Надо бы к эсеру часового приставить!

— Он и так не сбежит, — засмеялся Блохин, — мы его всем народом караулим!

Мокин предоставил слово обвинителю. Уваров оперся ладонями о края тумбочки, подался корпусом вперед, как заправский оратор.

— Обвиняемый заявил тут, что его партию может судить только история. А я говорю: народ имеет право судить потому, что он самый главный судья и не прощает тому, кто предает его интересы...

Эсер вдруг бросился к столу, налил из глиняной крынки воды в консервную банку, выпил ее залпом и опять сел на скамью, держась рукой за сердце.

— Что, жарко? — спросил его обвинитель. — Погоди, пролетариат задаст тебе еще не такую баню!

— Мы эсера веничком постегаем! — громко добавил Храпчук.

Уваров снова принял ораторскую позу и продолжал:

— И этот тип набрался наглости обвинять большевиков, будто по их вине нет советской власти за Байкалом. Чья бы корова мычала, а твоя бы, эсер, молчала. Ишь какой защитник выискался, жалко ему рабочих и крестьян. Ты и такие, как ты, бежали сюда, за Байкал, от советской власти.

Найдя глазами в первом ряду Храпчука, обвинитель обратился к нему:

— Николай Григорьевич, ты состоял в боевой дружине в 1905 году, ты красногвардеец 1917 и 1918 годов, ты партизанил в 1919 году. Скажи, много с тобой было эсеров все это время?

Машинист вскочил с места, резко рубанул рукой воздух.

— Ни одного! Они в теплых местечках отсиживались!

Подсудимый закрыл лицо цилиндром, зрителям была видна только его лысина. По рядам пошел смешок.

— Знает кошка, чье мясо съела, — сказал Уваров. — Эсеры и теперь думают только об одном: как бы не допустить советской власти на Дальнем Востоке. Я хочу сказать тем, кто еще не раскусил эсеров, кто не знает, чем они дышат. Они только на словах за народ. Они вместе с буржуазией душат революцию рабочих и крестьян. Эсеры участвовали в правительстве адмирала Колчака...

Обвинитель оставил на тумбочке свои бумаги, а сам вышел к суфлерской будке и заговорил со слушателями:

— Вы, забайкальцы, хорошо знаете, что осенью 1918 года под напором восставшего чехословацкого корпуса красногвардейские отряды Сергея Лазо отступили на восток, и здесь пала советская власть. А знаете, кто был организатором чехословацкого мятежа? Эсеры! На забайкальской земле бесчинствовали японские войска. Знаете, кто помогал буржуям устраивать интервенцию? Эсеры!..

— Гады! — кричали в зале.

Уваров сделал маленькую паузу, прошелся по сцене.

— Все должны знать, что сейчас в Сибири эсеры поднимают кулацкие восстания против советской власти. Товарищи, умейте отличать друзей от врагов. Я вижу, в зале много молодых людей и обращаюсь к ним с призывом: юношество, с негодованием отметай эсеров, как отмела их пролетарская революция, не ходи в соучраб — это эсеровская лавочка!..

— Можно вопрос задать? — раздался голос в дальних рядах.

— Что случилось? — спросил Уваров.

— Мне непонятно, что это за слово — эсер?

Пришлось обвинителю на ходу отвечать и на вопрос.

— Есть партия социалистов-революционеров. От двух букв — эс и эр — происходит слово эсер. Но это только внешняя оболочка. Какие же они революционеры? Теперь их правильно называют социал-предателями. Я как раз об этом и толкую...

Уваров показал на эсера...

— Он распинался тут о жестокости большевиков. Ему, видите ли, жалко белобандитов, которые хотели нашей гибели. Давайте кое-что вспомним...Вот за столом сидит Вера Горяева.

Вера еще ниже опустила голову, теперь действительно все смотрели на нее...

— Ее отца, — говорил Уваров, — расстреляли и бросили в прорубь солдаты и офицеры японской императорской армии. За что? За то, что он хотел счастья себе и своим детям!.. Не одна Вера Горяева осталась сиротой... У кого из вас, товарищи, семеновские и японские палачи загубили близких?

Взметнулось около трех десятков рук. Уваров подошел к эсеру, взял его за шиворот и тряхнул

— Взгляни! Они никогда не забудут кровавых расправ атамана и самураев! Почему ты не сказал об этой жестокости?

Зал гудел от дружных рукоплесканий. Эсер отодвинулся на самый край скамьи, втянул голову в плечи, цилиндр его укатился под стол. Обвинитель вернулся к тумбочке.

— Мы сметем с дороги всех, кто собирается вернуть рабочим и крестьянам порки и расстрелы, виселицы и застенки. Не бывать этому!

— Не бывать! — закричали в зале.

Подождав, когда станет тише, Уваров закончил речь:

— На территории Дэ-вэ-эр разгромлена уже не одна банда. И всякий раз обнаруживается связь эсеров с бандюгами. Видите, товарищи, чем дышат соглашатели, чего они добиваются. Давайте смотреть за каждым их шагом! Не будем голосовать за эсеров на выборах в учредиловку! Да здравствует Советская Россия! Да здравствует советская власть!

Со сцены было видно, как бушевал зал. Люди хлопали в ладоши, стучали кулаками о спинки скамеек, подбрасывали вверх шапки и папахи. Многие кричали:

— Приговор скорее! Приговор!

— Дать эсеру на всю катушку!

Митя забарабанил по столу, призвал к тишине.

— Тихо! Суд решил: никакого приговора не выносить. Пусть теперь каждый из вас сам судит, чего стоят эсеры. А суд призывает всех граждан поселка голосовать за большевистский список. Даешь рабочих в правительство Дэ-вэ-эр!.. Можно идти по домам!

Уставший и вспотевший Федя-большевичок облегченно вздохнул и спрыгнул со сцены в зал: он хотел попросить у кого-нибудь закурить. Чей-то сильный удар в грудь опрокинул его на пол. Это пожилой народоармеец, думая, что подсудимый хочет убежать, решил задержать его. Феде досталась бы еще пара плюх, если бы Блохин и Храпчук вовремя не остановили драчуна и не объяснили ему, какой «эсер» выступал на суде.

— Вот оказия, братцы! — виновато улыбался народоармеец.

Он хотел пожать руку пострадавшему, но Федю уже

К стр. 175.

подняли и увели за кулисы. Там он выпил воды и, снимая фрак, признался:

— А здорово вояка мне заехал, аж дыхание захватило... Больше эсеров не играю! Да-с! Сегодня за один вечер сколько шишек нахватал...

Митя оторвал свои седые усы, сунул их в карман и пошел на вокзал провожать Андрея Котельникова и Герасима. С ними надо было обязательно передать привет Анне Гречко...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ДВА ВЫСТРЕЛА

Решение уездного съезда комсомола о танцах крупными печатными буквами было переписано на обороте какого-то плаката. Митя только что прибил его на стене рядом с планом работы ячейки, отошел на несколько шагов и залюбовался. Здорово написано. Митя представил себя на собрании... Обсуждается вопрос о комсомольцах, украдкой танцующих в нардоме или на вечерках. И будто перед Митей не решение съезда, а это у него так гладко льются им самим придуманные слова...

«Члены РКСМ, как передовая сознательная часть революционной молодежи, должны всеми силами бороться против танцев, возвращающих старое понятие о красоте и пластике. А прививать следует только те танцы, которые развивают вкусы пластичности и красоты движений...»

Кое-что Мите непонятно. Например, он не знает, что такое пластика, но важно, что есть официальное решение, пусть теперь кто-нибудь попробует нарушить его, комитет по головке гладить не будет. Митя увлекся и не заметил, как в комнату вошли и остановились у порога Федя-большевичок и смазчик Широких. Они прижимали ко рту рукавицы, боясь рассмеяться. Митя, размахивая молотком, повторял прочитанное, убеждал воображаемую комсомольскую массу. Смазчик не вытерпел, хихикнул.

— А карманьолу можно танцевать? — спросил он.

— Иди-ка, иди-ка сюда! — сердито сказал Митя. — Я тебе покажу карманьолу!

Он бросил на скамью молоток и пошел открывать шкафчик с делами ячейки. Федя и Широких остановились перед плакатом.

— Прививать те танцы, которые развивают...

Федя пожал плечами.

— Митя, а какие это те? Вальс, тустэп, полька-бабочка?

Митя выкладывал на стол бумаги.

— Все танцы по боку! Там же ясно сказано: бороться!

Широких сдвинул на затылок шапчонку, покрутил носком правой ноги, топнул и начал приплясывать. Его большие валенки оставляли грязные следы на некрашеном полу.

— Перестань! — все еще злился Митя.

— Хочешь, научу тебя плясать? — не унимался смазчик. — Я знаю все двенадцать колен с подковыркой! Вот где красота движений!

— Ты у меня еще попляшешь! — многозначительно заявил Митя и сел за стол. — Где был в воскресенье?

Улыбка на лице Широких погасла. Парень понял, что секретарь не шутит.

— На политсуде был, вместе с тобой эсера на части резал!

— Не крути! Политсуд вечером, а днем что делал? — Митя показал небольшой листок. — На тебя заявление поступило. В церковь ходишь!

Смазчик снял шапку и как-то виновато присел на край скамейки. К нему придвинулся Федя.

— Ты, Сеня, будто из бани выскочил: красный-красный! Перед господом богом тебе стыдно? Грехи замаливал?

Сеня выщипывал мех из шапки.

— Я там, ребята, не молился!

— Не молился! — передразнил его Митя. — Дрова, что ли, в церкви пилил?

В ожидании ответа Митя шуршал бумагами, Федя рассматривал свои поношенные сапоги, на правом — подметка совсем отстала, деревянные шпильки ощерились, как зубы. Сеня молчал... Фикус у окна окончательно замерз, в бочонке торчал голый ствол, только на самой вершине безжизненно висел сморщенный желтый лист. На него и уставился молодой смазчик. Сене хоте-

лось, чтобы лист скорее упал. «Упадет — скажу, не упадет — отмолчусь»...

— Долго тебя ждать? —спросил Митя.

Сеня поднялся, шагнул к цветку, подпрыгнул, сорвал лист, зажал его в кулаке.

— Ходил в церковь! Ну и что? Я ведь ни в бога, ни в черта не верю!

Федя перестал разглядывать сапоги, обернулся к смазчику.

— Разве церковь в кино-иллюзион переделали? Картины там показывают?

Сеня с ожесточением бросил лист на пол, подошел к столу.

— Вот что вышло, ребята...

Ни бог, ни богородица не повлияли на Семена Широких. Тут замешана одна девушка, Лена. Она давно нравится Сене, но родители держат ее строго, никуда не выпускают из дому. По воскресеньям девушка бывает в церкви, поет на клиросе. Сеня повадился ходить в храм божий, чтобы хоть там видеть Лену и после обедни провожать ее на Большой остров...

Никто не ожидал подобного оборота дела. Митя морщил лоб. На уездном съезде говорили о комсомольцах, посещающих церковь, таких без промедления исключали из ячеек. Но те верят в бога? А тут как быть? И что это церкви не закроют? Без них было бы легче... Сеня смотрит то на Митю, то на Федю. Они молчат, орешек оказался не по зубам. Наконец Федя придумал:

— Поручите мне проверить, я разберусь и с богом и красавицей Леной!

Выход из трудного положения хотя и был временным, но всех устраивал. Митя помнил поспешное исключение телеграфиста Уварова и боялся еще раз рубить с плеча. Федя в церковной истории смазчика видел что-то теплое, серьезное, необычное. Сеня надеялся, что проверка подтвердит его «сердечное заболевание», и тогда ячейка отнесется к нему снисходительно...

Все другие вопросы комитет решил быстро. Опечаленный заявлением, Сеня отправился в одну сторону, Митя и Федя — в другую. Друзья спустились к станции и пошли вдоль путей.

— А у меня Сенька из головы не выходит, — призна-

ся Федя. — Ты, Митяй, не нажимай на смазчика, у него любовь, а это тебе не танцы!

Митя зябко пожал плечами, сунул руки в карманы шинели.

— Любовь! Скажешь такое, даже смешно! Какая теперь может быть любовь!

— Какая? Самая настоящая! — Федя пнул подвернувшийся под ноги комок слипшегося снега, комок ударился о рельс и рассыпался. — Любовь нельзя разбивать. Во всем я тебя поддержу, а тут ни-ни!

— Давай погреемся! — неожиданно предложил Митя.

Он запрыгал на одной ноге, толкнул плечом Федю, тот качнулся и тоже по-петушиному набросился на товарища. Парни попрыгали, потолкались и пошли дальше. Митя сам вернулся к затеянному Федей разговору:

— Чудак ты! Любовь это что? Все себе да все для себя. Мы-то кто? Комсомольцы, а не гимназисточки, не мещаночки, нам нельзя.

Их догнал товарный поезд. Паровоз обдал комсомольцев паром, из-под вагонов пахнуло холодным ветром. Пока состав выстукивал свою песню, спорщики, повернувшись к нему спиной, молчали. Но вот промелькнул хвостовой вагон с кондуктором в тулупе на тормозе и стало тихо.

— Разве нам до любви в такое время! — Митя с усмешкой поглядел на Федю. — Война, кровь, разруха, голод, а ты о личном счастье кисель размазываешь!

Федя плотнее захлопнул полы своей матросской тужурки и ехидно ответил:

— По-твоему, любовь надо отложить до мировой революции? Сам-то небось сушишь сухари с Анной Васильевной.

Митя выдернул из карманов кулаки.

— А тебя сколько раз просил: не треплись! Я с Аннушкой познакомился просто так, как и ты!

— Со знакомства все и начинается! — подзадоривал Федя друга. — Опять ведь едешь к ней!

— Пойми ты, дурья голова, — волновался Митя. — Меня на съезде выбрали членом укома, я должен ехать по деревням и создавать там ячейки. В Осиновке мне делать нечего, я туда и не загляну!

Около водокачки надо было расходиться: Феде в депо на работу, Мите домой. Федя достал кисет с табаком.

— Свернем по одной... Если все-таки случайно попадешь в Осиновку, передай привет Анне Васильевне. Ты, кажется, называешь ее Аннушкой?

Не закурив и не попрощавшись, Митя сердито поднял воротник и свернул к Теребиловке. Внутри у него все кипело. Всегда этот Федька выдумывает черт его знает что... Любовь! Запутаешься совсем. В газетах пишут о фронте, о воскресниках, о всяких задачах в настоящий текущий момент, а про любовь ни слова. И ни одного циркуляра из укома не было. Как с ней быть?

Вечером он писал доклад о Карле Либкнехте и Розе Люксембург, а спор про любовь забыть не мог. «Схожу к Блохину, иначе Федька заклюет меня совсем...»

* * *

На другой день партийная ячейка отправила двух коммунистов на линию—в путевые будки и казармы для агитации за большевистский список. Удобнее всего было ехать на ручной дрезине, ее можно остановить где угодно. К коммунистам пристроился и Митя Мокин, у него был свой план: добраться на дрезине до разъезда и оттуда начать путешествие по деревням. Он выпросил у командира чоновской роты Зновы кожаную тужурку, надел ее под шинель и был рад, что в такой одежде не замерзнет.

Поехали в полдень, когда немного потеплело. Митя и Тимофей Ефимович, сидя друг против друга, качали рычаг, двигающий дрезину, машинист Храпчук устроился на лавочке спиной вперед... От станции до кладбища по крутому подъему двигались медленно, а когда миновали могильные холмы, колеса застучали чаще, дрезина покатила вдоль подножия скалистой горы.

От частых и резких движений Митя согрелся—сдвинул на левое ухо шапку, подставил встречному ветру мокрый лоб и волосы. «Тут, как у паровозной топки, запаришься», — подумал он. Но ногам в ботинках было холодно, Митя беспрестанно шевелил пальцами...

Впереди показалась огромная скала, отрезанная от горы линией железной дороги. Проход в горе был сделан вроде тоннеля, только без крыши. Его называли выемкой. Здесь высокий откос, Митя видел сваленные когда-то вниз каменные глыбы разной величины, их

занесло снегом, одни походили на белых медведей, вставших на задние лапы, другие — на ползущих черепах со снеговыми панцирями.

Дрезина бежала по выемке. К однообразному постукиванию колес вдруг примешался резкий визг. Мите показалось, что сначала пролетела над головами пуля, а уж потом донесся откуда-то сверху сухой щелчок выстрела. Раздался второй выстрел, но теперь пуля просвистела выше.

— В нас палят! — закричал Храпчук. — Жмите на всю железку!

Рычаг закачался быстрее, колеса усилили дробный стук. За поворотом Митя и Тимофей Ефимович ослабили ход и остановили дрезину. Их прикрывал скальный выступ.

— Чертов стреляка! — ругался Храпчук. — В троих целился, ни в одного не попал!

Устроили маленький совет. К выемке решили не возвращаться. Стрелявший, конечно, скрылся или надеется, что дрезина вернется, и уже, наверное, проклиная себя за промах, выбрал для стрельбы лучшую позицию.

Пока они совещались, с откоса к каменным медведям и черепахам не бежал, а катился человек, оставляя за собой глубокую канаву в снегу. Другой, не видимый сверху, стоял в густом тальнике, держа под уздцы серую лошадь...

Тимофей Ефимович вытащил из-за пазухи большой пятизарядный револьвер системы Смит-Вессон и передал его Храпчуку.

— После драки кулаками не машут! — смеялся машинист. — Трогай!

Качая рычаг, Тимофей Ефимович вспомнил о Прейсе. Чьи-то выстрелы по дрезине прибавят чекисту новых хлопот, а у него и без того работы — хоть отбавляй. Дня три тому назад старый Кравченко виделся с Прейсом, интересовался поимкой штабс-капитана. Белогвардеец умело прячется и где-то под Читой распевает сейчас свой любимый романс о душистых гроздьях белой акации...

На разъезде коммунисты разошлись по квартирам, на обратном пути они будут заходить в каждую будку путейских рабочих.

* * *

Хорошо накатанная зимняя дорога повела Митю по широкой пади к темному лесу.

День оказался ярким, солнечным, каким нередко радует забайкальцев январь. От деревьев на снег легли длинные тени. Митя широкими шагами отмеривал версты, напевая то варшавянку, то карманьолу. Иногда он останавливался, разглядывал заячьи следы, петлявшие меж кустами по обе стороны дороги, и вздыхал. За всю осень и половину зимы ни разу не сходил на охоту, одноствольная дробовка так и висит над кроватью... В одном месте увидел снежную площадку, истоптанную птичьими лапками. Пернатые наследили красивыми узорами, можно было подумать, что это кто-то расстелил под деревьями кружевную скатерть. Митя огляделся и понял: высохшие сережки берез сеют на снег семена, и птицы прилетают сюда кормиться...

Около большого корявого пня дорога раздвоилась: правая потянулась в Осиновку, левая — в другие села. Митя постоял в нерешительности на развилке, торопливо оглянулся. Сейчас же представилось хитрое лицо Феди-большевичка. «Ты куда это, Митя?» — выговаривают его губы. Митя повернул налево, сделал десятка два шагов, остановился, махнул рукой и по нетронутому, блестевшему на солнце снегу, зачерпывая его ботинками, перебрел на правую ленту дороги. «Я ненадолго к ней зайду», — успокаивал он себя. А другой голос нашептывал: «Ты же не хотел заходить в Осиновку». На лес хоть не гляди, из-за каждого дерева поглядывает Федя. «А ну его!..»

По переулку шел прямо к школе. В классах занимались. Дверь одной из комнат чуть приоткрыта, учительница объясняла задачу. Митя узнал голос Анны и сразу испугался. «Зачем сюда притащился, очень-то я ей нужен». Отошел к стене. Было слышно, как по классной доске в чьей-то руке прыгал кусочек мела. Митя глянул себе под ноги. Пока стоял, снег на подошвах ботинок растаял, на полу образовалось большое мокрое пятно. «Натоптал тут, надо уходить». Ступая на носки, зашагал к двери. Из класса выскочил мальчуган в больших валенках, обошел вокруг Мити, шмыгнул носом и выбежал во двор. Митя стоял вблизи от выхода и, сам не

зная зачем, смотрел на большие цифры висевшей на стене таблицы умножения. Мальчуган вернулся с улицы, подошел к Мите, как к старому знакомому.

— Тебе Анну Васильевну позвать, дяденька?

«Откуда он знает», — подумал Митя и ничего не успел ответить, как ученик уже скрылся в классе. Сейчас же в дверях показалась Анна.

— Ой, кто приехал-то! — сказала она, протягивая испачканную мелом руку.

— Да вот... так...

Больше он ничего не сказал. В прохладном коридоре ему стало жарко. Из класса уже выглядывали любопытные мордашки. Анна тронула Митю за рукав.

— Идите ко мне на квартиру, уроки скоро кончатся. Пусть хозяйка ставит самовар.

Старушка усадила Митю ближе к железной печке, на которой варилась картошка, и начала рассказывать о том, как, возвратившись со съезда, Анна попросила истопить баню, долго мылась, потом «жарила» свой полушубок над печкой-каменкой и до сих пор не надевает его — все боится заболеть сыпным тифом, полушубок висит теперь в сенях... Железная печка напоминала Мите теплушку, проведенную в ней тревожную ночь, общежитие в уездном городе.

За чаем, когда Анна пришла из школы, Митя узнал деревенские новости... Председатель сельревкома Герасим привез разрешение устроить в поповском доме клуб. Сегодня как раз состоится первый день труда, приглашены все желающие помочь комсомольской ячейке. По селу уже поползли шепотки, что в клуб ходить не надо, что безбожники скоро доберутся и до церкви... Герасим и Андрей Котельников рассказывали крестьянам в школе о политсуде над эсером, проведенном в станционном нардоме.... Вчера в Осиновке появился злой как черт Химоза. Петухов водил его по избам, оба они убеждали мужиков голосовать за эсеровский список... Сегодня утром лавочник запряг в кошевку серого жеребца и повез гостя по деревням... Митя слушал и нисколько не жалел, что прошел лишних семь верст. Он рад, что Анна рядом, что она говорит, разливает чай, смотрит на него смеющимися глазами.

Вечером комсомольцы собирались в поповский дом на работу. Андрей Котельников привел с собой мать.

— Уж вы моему старику ничего не говорите! — попросила она.

Женщина взялась вымыть окна и полы в комнате, где будет устроена читальня. В другой, более просторной половине дома предстояло выпилить внутреннюю стенку, соединить две комнаты в одну, сделать небольшую сцену. Комсомольцы начали выносить в амбар поповскую мебель. Анна и Андрей подхватили большой посудный шкаф. В кухне они остановились, с грохотом опустили ношу на пол. У порога с потухшим окурком во рту и плотницким топором в руках стоял рослый рябой парень.

— Что смотрите? Не узнали? — первым заговорил неожиданный гость. — Пришел вот на ваш день труда, говорите, что делать!

Андрей покосился на топор, кивнул парню на комнаты. Пошли вместе, Андрей объяснил, как задумано сделать один зал из двух комнат. Рябой развязал на себе красный кушак, снял полушубок и папаху, деловито поплевал на руки и принялся снимать с петель дверь, которая теперь не понадобится. Андрей вызвался помогать ему, и в поповских хоромах, давно отвыкших от шума, застучал топор, завизжала пила, послышались громкие голоса молодежи.

Во дворе Анна остановила Митю, нагруженного стульями.

— Ну и дела! Знаешь, кто к нам заявился? Никишка, младший сын купца Петухова. Что с ним делать?

Рябого Никишку Митя видел и раньше, в первый приезд. Тогда он на собрании в школе спрашивал Федю-большевичка: «А с чем едят твой комсомол?» Откровенно говоря, Митя тоже не знал, как поступать в таких случаях, но посоветовал:

— Пусть ходит, может, и его обломаете!..

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

РАБОЧИЕ СЛЕЗЫ

Утром Митя собрался в дорогу. По мандату местные власти должны были выделять ему «одноконные подводы за плату по две копейки с версты». Очередь

на подводу была за Петуховым. Поскольку сам купец отсутствовал, Митю в Каменку повез рябой Никишка. Анна была в школе, и Митя заехал проститься с ней. Первый урок уже начался, Митя, как школьник, посмотрел в замочную скважину. Анна сидела за столом и читала детям какую-то книгу. Вызывать учительницу Митя постеснялся...

Долго ехали молча. Только на реке, когда подул сильный ветер, подводчик повернулся лицом к Мите, сгрудил к его ногам побольше сена и спросил:

— Нагнал я на вас вчера страху?

— С чего ты взял? — спросил Митя.

Никишка засмеялся.

— Чего уж там... У всех, наверно, душа в пятки ушла. Поди, думали, что я головы рубить пришел...

Рябой дергал вожжи, погонял лошадь и без Митиных вопросов раскрывал свою душу:

— Дома у нас кутерьма идет. Отец — жила, все ему мало. Старший братан тоже хапуга. А я, хошь верь, хошь не верь, не имею интереса к хозяйству. По мне, пропади все пропадом: и пашни, и скот, и лавка с товарами... Ты где робишь?

— Кочегаром на паровозе! — сказал Митя.

— Это вот здорово! — Никишка взмахнул бичом, хлестнул лошадь и опять повернулся к Мите. — И меня к машине тянет. Как увижу паровик — трясусь весь. Я на отцовской мельнице сам кое-что мастерю... Но батьке на мое учение денег жалко, думает меня к земле привязать. А я могу на все плюнуть и пойти, куда глаза глядят...

Никишка плюнул, плевок его крохотной ледышкой полетел по ветру.

— Думаешь, подлизываюсь к комсомолу? Нет, паря! Это я назло отцу!

Он похлопал шубными рукавицами.

— У меня руки крепкие, никакой работы не боюсь. Може, на Петровский завод тягу дам...

У крайней избы маленькой, затерянной в тайге деревушки младший Петухов показал кнутовищем на сельревком и повернул обратно. Денег он не взял...

В сельревкоме никого не оказалось. Проходившая мимо женщина пояснила, что председателя искать не стоит, у него всегда налиты зельем шары, к тому же он

не знает грамоты, только держит у себя печатку, а всеми делами заправляет секретарь, хотя и он лодырь царя небесного.

Секретаря Митя застал дома спящим. Проснувшись, он долго зевал и почесывался. Поглядел на Митин мандат и сказал, что сам является участником русско-японской войны, ранен при обороне Порт-Артура. На полу, около кровати, лежала его отвязанная деревянная нога.

— Сельская власть должна находиться в ревкоме! — заметил Митя.

— А кого там делать? — удивился секретарь. — Все бумаги у меня в кармане... Тебе собрание надо?

Митя сказал, что хорошо бы собрать в школе молодежь, будет создаваться комсомольская ячейка. Старый служака почесал пальцем смятую бороденку, высморкался на пол и ответил:

— Школы у нас сроду не бывало, а комсомол этот самый сварганили!

— Кто? — спросил Митя.

— А отец дьякон!

В соседнем селе отрекся от церкви дьякон и приехал сюда к родителям. Бывший служитель бога ходил в крестьянской одежде, бывал на вечерках, пел со всеми частушки и плясал «подгорную». Почуяв дух нового времени, дьякон пригласил к себе молодых парней, прочитал им газетную статью о комсомоле, и ячейка была организована. Сам дьякон написал протокол, отправил его в уездный комитет. Было это три месяца назад, сейчас дьякона нет — уехал со стариками в город, служит там счетоводом в потребительской кооперации.

Митя подивился этому рассказу.

Через полчаса он расспрашивал секретаря ячейки, застенчивого юношу лет семнадцати... В комсомол записались четыре человека, все до одного неграмотные. Из укома стали поступать циркуляры. С каждой бумажкой комсомольцы гурьбой ходили к единственному грамотею в деревне — секретарю ревкома, а тот выставит вперед деревяшку, подбоченится и требует за труды солдатскую манерку муки или две горсти листового табаку. На прошлой неделе ревкомовский деятель читать бумажки отказался. «Дураков для вас нет, читайте сами!» Но читать больше некому. И тогда укомовские циркуляры, отпечатанные на тонкой папиросной бумаге, ребята

истратили на цигарки. Что теперь делать? Пришли к одному мнению — всем выписаться из комсомола, только из этой затеи ничего не вышло: некому было написать заявление. Так ячейка и сохранилась. С комсомольцами еще никто, кроме дьякона, не беседовал, коммунистов в деревне нет... Митя успокоил секретаря ячейки, сказал, что срочно сообщит обо всем в уком и оттуда пришлют инструктора, обещал договориться с одной знакомой учительницей из Осиновки о занятиях с неграмотными...

Надо было трогаться дальше, и Митя попросил секретаря ячейки отвезти его до Черемхово.

— Я ведь батрак, безлошадный... Пойдем просить подводу у председателя ревкома.

Председателя нашли в нетопленой бане, в компании двух мужиков. Они пили самогон. Из разбитого окошечка доносились пьяные голоса.

Разговаривать о подводе было бесполезно. Пришлось еще раз заглянуть к герою Порт-Артура. Тот крепко спал. Его едва разбудили. Не поднимая с подушки головы, он пробормотал:

— Когда я был молодым, всегда пешком ходил на вечерки в Черемхово!

Секретарь ячейки ничем помочь не мог, он только проводил Митю до околицы и подробно рассказал, как пройти в следующее село...

«Девять верст часа за два отмахаю», — твердо сказал себе Митя. Дорога была не очень укатана, временами ноги проваливались в рыхлый снег, на открытых местах, где расступался лес, донимал ветер...

На половине пути захотелось есть. Митя достал из кармана кусок калача, откусил. Калач немного прихватило морозом, он затвердел, но все равно был вкусный. Если бы сейчас в теплую комнату, к самовару, как вчера вечером... После дня труда пили у Анны чай. Убирая со стола, она разрезала калач, подошла к Митиной шинели, что висела у порога, положила в каждый карман по половинке... Он видел это, просматривая старый журнал «Нива»... Анна сидела за столом напротив, проверяла ученические тетради. Митя взял одну, полистал. Тетрадь ученика четвертого класса. Митя тоже учился в четвертом, перешел в пятый. А летом его отца, сцепщика, при маневрах поезда раздавило буферами.

Мать отдала Митю в подпаски, зимой он пилил дрова на складе топлива, в школу уже не пошел. Митя работал и перевозчиком на переправе и учился плотничать. Знакомый машинист устроил в депо паровозным кочегаром... Писать диктанты, решать задачки хочется и теперь. Посмотрел на Анну, она ведь и для него учительница. Странная была бы картина: он сидит за партой, большими грубыми пальцами держит тоненькую ручку и пишет. Буквы получаются корявые. Подходит Анна, красным карандашом исправляет и подчеркивает ошибки. Стыдно ей в глаза смотреть...

Жевал калач и мечтал... Дорога повернула к реке. «Если пойти вверх, попадешь в Осиновку... Не забыть бы написать Анне насчет неграмотных комсомольцев в Каменке».

Черемхово — большое село. Издалека Митя увидел церковь, отличил школу от других домов. Ускорил шаги. Впереди из-за прибрежных кустов на бугор легко взбежала высокая серая лошадь, запряженная в кошевку, в ней сидело двое тепло укутанных людей. «Мне бы разок так от деревни до деревни прокатиться», — позавидовал Митя. И вспомнил вчерашний рассказ Анны. «Верно, конь такой и кошевка крашеная... Опять эта контра...»

Председатель ревкома, как и во многих селах, здесь был солдат. Мите он понравился: рослый, широкоскулый — помесь бурята с русским — очень подвижный. Угостил чаем, сказал, что еще на фронте вступил в большевистскую партию и что в селе пока два коммуниста. По его мнению, надо созвать не только молодежь, а всех крестьян, на митинги и собрания народ валом валит, особенно если докладчик приезжий...

Самый большой класс школы был набит битком. Перед открытием собрания среди мужиков, примостившихся на лавке около печки, Митя увидел Петухова и Химозу. Спросил председателя, зачем они здесь, тот ответил, что не видел их, не знает, у кого они остановились, должно быть, появились совсем недавно.

Доклад о четвертой годовщине со дня убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, переписанный в ученическую тетрадь, Митя читал быстро, без запинки, чувствовал себя уверенно.

Первое слово попросил Химоза. В классе разноголосо зашумели:

— Кто такой?

Председатель ревкома спросил:

— Откуда ты, гражданин?

Химоза встал на лавку, учтиво поклонился собранию. Отрекомендовался он странно:

— Народный учитель со станции! Сею разумное, доброе, вечное!

— Это эсер! — громко сказал Митя.

— И горжусь этим! — подхватил его реплику Химоза. — Да, я имею честь принадлежать к партии социалистов-революционеров!

На сей раз Химоза был не в городской одежде. Очевидно, Петухов, или спасая учителя от холода, или ради маскировки, нарядил его крестьянином среднего достатка. В длинной полинялой шубе и лохматых собачьих унтах он выглядел неуклюже. Но пенсне в золотой оправе выдавало в нем интеллигента. С первых же слов Химоза представил дело так, что русские коммунисты не осуществляют того великого, за что погибли Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Он утверждал, что большевики своей политикой разорили Россию, особенно в тяжелое положение поставили крестьянство. Деревни остались без мануфактуры, керосина, соли и спичек...

Речь Химозы журчала, как ручеек. Одно слово цеплялось за другое и получалась длинная, неразрывная и красивая цепочка. В такт словам Химоза энергично жестикулировал. Он то вытягивал руки вперед, то растопыривал пальцы, то сжимал их в кулак, то скрещивал руки на груди. А кругленькие слова катились и катились, и никто не прерывал их ни злым выкриком, ни острым вопросом.

Митя морщился от этого краснобайства.

— Ближайшие выборы в Учредительное собрание принесут деревне избавление, если вы, крестьяне-труженики, не пустите туда коммунистов...

По словам Химозы получалось так, что стоит лишь проголосовать за эсеровский список, и в деревню широкой рекой потекут товары и машины.

На обложке тетради Митя пытался что-то записать для ответа эсеру, но мысли путались. С хрустом сло-

мался карандаш. Страшно, что на собрании тихо, никто не перебивает Химозу. О чем думают все эти бородачи, сидящие на партах своих детей? Неизвестность мучает Митю. Неужели провал? Ой, как худо, что рядом нет ни Блохина, ни Феди-большевичка, ни Анны! Митя посмотрел на председателя ревкома. Почему он так спокоен? Облокотился на стол, не сводит глаз с оратора, молчит... А Химоза уже громил комсомол.

— Комсомольцы слепо идут за коммунистами, насаждают в деревне бескультурье, сами погрязли в невежестве...

И вдруг чей-то выкрик:

— Соловей, да и только!

Но не поймешь, осуждают Химозу или восторгаются им...

Едва он успел сесть, как поднялся Петухов. Такой худенький на вид, тщедушный.

— Скажи-ка, мил-человек, сколько у тебя жен? — обратился он к Мите.

Грязный смешок прокатился по классу. Закачались бороды, оскалились рты. На миг у Мити помутилось в глазах. «Петухов хочет Анну опозорить...»

— Нашкодил — и в кусты!

Митя вскочил, губы дрожали от обиды.

— Неженатый я вовсе!

Петухов загорланил:

— А им жениться не надо! У них коммуния — все общее, и жены общие!

Многие захохотали. Митя перегнулся через стол, не помня себя, крикнул:

— Врешь ты все! Врешь, толстопузый!

— Это кто толстопузый? — Петухов растолкал мужиков, пробрался к столу. — Я, что ли, толстопузый?!

Он сбросил с себя шубу, завертелся перед собранием в заношенном пиджаке, старой сатиновой рубахе, заплатанных на коленях штанах, стоптанных ичигах.

— Ладом глядите, какой я толстопузый!

Он круто повернулся к Мите, схватил его за отворот кожаной тужурки.

— Ты вон какую одежу надел! Где взял? А мы в чем ходим?

Митя рванулся, оттолкнул Петухова. Первое, что пришло в голову — ударить купца с размаху, пусть перевернется, ни охнет, ни вздохнет. Ткнуть кочегарским кулаком в улыбающуюся физиономию Химозы, чтобы слетело и рассыпалось на кусочки пенсне в золотой оправе. Но какая-то другая внутренняя сила сдерживала, говорила: «Не бей, хуже будет...» И тогда захотелось громко, громко сказать... Нет, не Петухову и не Химозе, а всем, всем... Сказать о том, как люди труда боролись за советскую власть и ждут ее изо дня в день... О том, что из всех нор лезут враги с оскаленными зубами... Сказать о голоде, о разбитых паровозах и вагонах... И еще об эсерах, которые стреляют из-за угла в пролетарских вождей... Был в нардоме политсуд, и о нем сказать... Митя задыхался, ему не хватало воздуха. Расстегнул тужурку, ворот гимнастерки...

— Я правду говорю...

Но где нужные слова? Их нет, вертится на уме одна фраза: «в настоящий текущий момент» — и больше ничего. Слов нет. Где бы их зачерпнуть полную горсть, вторую, третью, много горстей убедительных, ярких слов и бросить их в лица сидящих. Слова не приходили, не лились ручейком, как у Химозы. Страх и отчаяние охватили Митю. Люди видели: из больших глаз с длинными ресницами выкатились и побежали по щекам докладчика две слезинки. Вот и сам Митя почувствовал на губах соленые капли. Заклокотало в горле и вырвалось наружу выстраданное всем сердцем глухое мужское рыдание. Митя заглушил его, не дал ему воли, но слез сдержать не мог, по узкой мокрой тропинке катились новые блестящие капельки. Так и стоял он за столом, глотая свою боль.

В классе вдруг стало тихо-тихо. Все смотрели на приезжего парня в кожаной тужурке — кто с удивлением, кто с состраданием. Митя вытер слезы холодным и жестким рукавом, окинул взглядом собрание, пытаясь улыбнуться. На душе было совсем легко.

— Дайте ему соску! — сказал Петухов.

— Да замолчи ты, подлюга!

Председатель ревкома стукнул кулаком по столу, ногой отпихнул от себя табурет. Петухов завертелся на одном месте, невпопад совал руку в рукав шубы.

К стр. 193.

— Мужики! — загремел сильным голосом председатель — Видали рабочие слезы!? Это же сама правда говорила. Чего человек не сказал, то слезами вылилось! Я так понимаю...

Митя сел окончательно успокоенный. До этой минуты спорили одни приезжие, теперь в разговор ввязался свой, черемховский. На партах зашевелились, головы закачались, свой-то оратор больше за живое задел. Петухов засопел, запахнул шубу, будто собрался уходить. Встал и Химоза.

— А вы докажите эту правду! — вызывающе крикнул он.

— Правду не спрячешь! — ответил председатель. — Кто в тюрьмах гнил? Мы! Кто на фронтах гиб? Мы, а не вы!

— В точку сказано! — похвалил кто-то председателя. Видно, здесь его уважали.

— Правду не трудно доказать! — председатель показал на Петухова. — Тут осиновский кулак живот свой показывал. Я, дескать, не толстопузый. Брюхо, верно, не толстое, да не в нем причина. Карманы у Петухова толстые, сундуки и амбары пузатые.

— Справный крестьянин! — выкрикнул Химоза, подделываясь под деревенский говор.

Сейчас же на него ополчился председатель:

— Ты под меня клин не подбивай, я лучше знаю, какие бывают крестьяне!.. Ты ученый, говоришь сладко и свободно, а кто тебе свободу дал? Я да вот он! — председатель положил руку на Митино плечо. — Далеко ты от нас стоишь, а большевики рядом с нами, они знакомее!.

Химоза снял пенсне, дохнул на стекла и стал протирать их носовым платком, слепо щурясь на окружающих. Парень в японском кителе показал ему кукиш.

— А это видишь?

Вокруг захохотали Химоза нацепил пенсне и бросил совсем городское слово:

— Демагогия!

— Ей-богу, не знаю, что это такое, — засмеялся председатель, — может, ругательство, только я правду доказал. Петухов коренником в упряжке бежит, а ты у него пристяжка... Или так скажем: Петухов кукарекает,

а ты ему подпеваешь... Мы вас обоих не звали... У товарища Мокина на руках мандат от уезда, а вы нахалом нагрянули, неизвестно от кого...

Председатель помолчал и добавил резко:

— В общем, вот что... Вам сказать или вы так поймете? Вас послать... или вы сами уйдете?

Собрание одобрительно зашумело. Химоза старался перекричать других:

— По конституции Дэ-вэ-эр каждый гражданин имеет право свободно...

Ему не дал договорить парень в японском кителе, он вертелся перед Химозой и балагурил:

— Знаем мы вас, были вы у нас, после вас самовар пропал у нас. После этого приглашай вас еще раз...

Наступая на ноги черемховцам, вспотевший Петухов напролом пошел к дверям. Химоза надел шапку задом наперед и, что-то выкрикивая, тоже заторопился к выходу. В классе началась возня, захлопали крышки парт, десятка полтора мужиков покидали собрание.

Пришлось Мите выступить вторично. Без тетрадки он говорил о задачах комсомола Дальневосточной республики.

* * *

Ночевал Митя у председателя ревкома. Ему постелили в передней комнате на широкой и длинной скамье. Спать не хотелось. Прошедшее собрание Митя припомнил во всех деталях. «Как это я разревелся. Не узнали бы ребята на станции и Аннушка...» Успокаивало другое — в Черемхово создана ячейка, записалось девять человек... Побывать еще в одной деревне и — домой...

Где-то на улицах лаяли собаки... Митя знал, что Петухов и Химоза уже уехали. «Вдруг эти гады вздумают остановиться в Каменке? Там всех подомнут под себя...»

В углу перед божницей горела лампадка. Огонек мигал в темноте, как далекая звездочка на небе. Под картинами, которыми была оклеена вся стена, шуршали тараканы. «Однако, в Осиновку я заеду», — подумал Митя засыпая...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

С МИТЕЙ ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ

Домой Митя приехал усталый, но, несмотря на уговоры матери, сразу же отправился в депо. На станции, как и во всем поселке, гуляла метель. Вдоль рельсов, вровень с ними намело снежные дюны. С деревьев и крыш казенных зданий срывалась и кружилась в воздухе белая пыль. Ветер трепал космы паровозного дыма. Митя шел к закопченным корпусам, растаптывая на междупутьях свежие сугробики. У дверей механического цеха остановился. Заходить в депо он побаивался. Время, правда, было позднее, но мастеровые могли остаться вечеровать, то есть работать сверхурочно после гудка. Возможно, Федя-большевичок еще не ушел, попади ему на глаза — начнет допекать расспросами про Анну. И торчать на улице тоже нет смысла. Пока Митя путешествовал по деревням, паровоз стоял на промывочном ремонте, надо же узнать, когда его выдадут под поезд. Есть другой вход прямо в промывочный цех, но обходить корпус не хотелось, и Митя дернул за дверную скобу. Его обдало знакомым грохотом... Федя склонился над тисами. Прячась за высокие ящики с инструментами, Митя быстро прошмыгнул дальше, свернул в цех промывки. От мастера узнал, что паровоз будет готов ночью, значит, раньше утра в поездку не вызовут, можно сходить к Блохину. В парткоме его, пожалуй, нет, да и говорить с ним при свидетелях не хотелось бы... «Пойду на квартиру — Иван Иванович не прогонит».

Немного сутулый, в жилетке и коротко обрезанных валенках-опорках, Блохин встретил Митю приветливо. Помогая ему в коридоре снять шинель, сказал, что жена ушла в Заречье проведать внучат, он домовничает один и только что дочитал толстую тетрадь под названием «Это многих славный путь» — сочинения восьмиклассников о героях, взятых из жизни.

— Складно пишут, дьяволята. И про меня кое-что нацарапали, а вот свою учительницу, Лидию Ивановну, забыли.

Он провел Митю в маленькую, чисто прибранную комнатку, скрылся в кухне. Оттуда послышалось его ворчание:

— Велела за печкой смотреть, а дрова сырые, не горят, окаянные....

В комнате Митя почувствовал приятный лесной аромат: на круглом столе, покрытом белой вязаной скатертью, стояла стеклянная банка с пучком багульника; тепло и вода сделали свое дело: ветки покрылись яркими алыми цветами и темно-зелеными листочками. В углу — плетеная этажерка, забитая книгами, на верхней ее полочке, в металлической рамке — портрет Ленина. На стене, под стеклом — две увеличенные фотографии: на одной запечатлен молодой Блохин с короткими, закрученными усиками, на другой — его жена, на ее голове белая фата, украшенная венком из восковых цветов. «После свадьбы снимались», — заключил про себя Митя.

Вернулся из кухни Блохин, убрал со стола тетрадь, сел рядом.

— Что-нибудь случилось, Митяй?

Трудно ответить. Случилось такое, что... Лучше начать издалека. Рассказывая о поездке, Митя не умолчал и о своих слезах в Черемхово. Блохин успокоил его.

— Это ничего... Слезы — вода, да иная вода дороже крови... А в Осиновке как дела?

«Откуда он знает, что я там был?» Митя замялся, а Блохин, подперев руками голову, ждал. «И чего это он спрашивает об Осиновке?» Вот тут бы и высказать все, ради чего пришел, но Митя говорил о дне труда в бывшем поповском доме, о Никицке Петухове, а об Анне и о том, что с ним случилось, ни слова не сказал. Сам того не замечая, он отщипнул от багульника листочек, размял его, понюхал.

— Хорош? — спросил Блохин и придвинул к себе банку с багулом.

— Кто? А-а... да! Ну, я пойду, Иван Иванович.

— Посиди еще, Митяй! — Блохин как-то украдкой посмотрел на фотографию жены! — Цветы меня всю жизнь преследуют...

Странный какой-то этот Иван Иванович. Ни с того ни с сего начал рассказывать о себе, весь оживился, глаза его заблестели Мите казалось, что перед ним не пожилой, уже седеющий человек, а тот молодец с закру-

ченными усиками, который фотографировался в тысяча восемьсот каком-то году.

«Удалым был дядя Ваня, но и мурцовки хлебнул в жизни немало», — думал Митя, слушая Блохина...

На одной железнодорожной станции близ Байкала полиция арестовала группу рабочих, устроивших в лесу маевку. Среди них был юноша Иван Блохин. До отправки в город всех арестованных держали в каталажке. Родственники приносили им еду, одежду, у Ивана родных не было, и он ничего не ждал. Беспокоило одно — как отнесется к его аресту девушка, с которой он дружил два года и которую считал своей невестой. Беда могла испугать ее... Когда арестантов загоняли в вагон с решетками на окнах, Ивану передали домашнюю красную лилию (полевых цветов еще не было). Лилия воодушевила парня, ведь красный цвет означает любовь... Отсидел в тюрьме короткий срок, приехал обратно на станцию. Девушка встретила его букетом красных саранок. Скоро они поженились. А еще через пару месяцев Ивана Блохина арестовали за распространение революционных прокламаций. Тюрьма разлучила молодоженов на три года. Ехал домой с тревогой на сердце... Молодая жена вышла к поезду Одной рукой вела сына-карапуза, в другой держала букет цветов... В тысяча девятьсот пятом году Блохин участвовал в вооруженном восстании против царского строя. Военно-полевой суд приговорил его к каторжным работам. Повидать семью довелось только весной тысяча девятьсот семнадцатого года. К его груди припала жена с букетом цветов в руках.

— Вот так, дорогой Митяй, в лишениях и борьбе не угасала наша любовь...

Иван Иванович повертел перед собой банку с багульником.

— Завтра день моего рождения, так женушка заранее поставила кустики в воду, чтобы и зимой порадовать меня живыми цветами...

«Эх, была не была!» — решился Митя.

— А я зачем к вам пришел-то, Иван Иванович...

Блохин как будто только этого и ждал.

— Давай, выкладывай!

— Да вот случилось... С одним парнем разговор затеял про это... про любовь!

— Эва, куда вы хватили! — засмеялся Блохин. — И что же?

Митя развел руками.

— Вроде бы ни к чему она сейчас, времена неподходящие... Любовь можно отложить до мировой революции.

— Кто из вас до этого додумался? — серьезно спросил Блохин.

-- Парень тот!..

Иван Иванович поднялся и, как всегда прихрамывая, зашагал по комнате.

— Передай тому парню, что он дурак. Я не откладывал, хоть время вон какое было... Мать честная, про печку-то я и забыл!

Он проворно прошел на кухню, но скоро вернулся, возобновил беседу:

— Смех и грех с вами, ребята!.. Ты знаешь, Сергей Лазо фронтом командовал и любил. Подругу жизни он в боевых походах повстречал... А ты знаешь...

С минуту Блохин ходил молча, что-то вспоминая, затем переставил портрет Ленина с этажерки на стол. Ильич в кепке. Один глаз чуть прищурен, на губах едва заметная улыбка.

...Однажды по Енисею небольшой пароходик тянул баржу с политическими заключенными. На какой-то пристани на баржу загнали новую партию арестантов. В тот же вечер один из них поведал окружившим его товарищам такую историю... В далеком сибирском селе Шушенском отбывал ссылку Владимир Ульянов. Думая о судьбах революции в России, о счастье для всего трудового люда, он не чуждался и своего личного счастья. В те годы молодой Ульянов хлопотал перед полицейскими управлениями о том, чтобы из Уфы в Шушенское перевели административно-ссыльную Надежду Крупскую. После долгой волокиты полицейские чиновники переезд разрешили, но поставили условие: бракосочетание должно состояться немедленно по прибытии невесты в Шушенское, иначе она будет отправлена обратно...

Слушая Блохина, Митя представлял себе молодого Ильича. Сходство с портретом, наверное, очень большое. Говорят, что раньше, при старом режиме, все молодые

люди носили усы и бороду... Владимир Ульянов и Надежда Крупская идут под руку в сопровождении друзей в церковь. Все ждут торжественного момента, но священник отказывается совершать обряд венчания потому, что у жениха и невесты нет обручальных колец... Свадьба расстроена. Жандармы уже поговаривают об отправке Надежды Крупской в Уфу... Выручил какой-то ссыльный, он из меди или бронзы сделал два кольца...

— Ты и об этом тому парню расскажи! — посоветовал в заключение Блохин.

В коридоре, прощаясь с Иваном Ивановичем, Митя откровенно сказал:

— Дурак-то — я, а не тот парень!

— Об этом, Митяй, я еще вчера догадался... Приходил ко мне твой спорщик.

— Федька приходил?

— Может, и Федька. Сам знаешь, кто о тебе беспокоится.

— Тогда я к нему!

Митя потянулся к дверной ручке, но не взялся за нее.

— Еще дельце, Иван Иванович!.. Костю Кравченко мы думаем в комитет ввести. Он — ничего парень, держит линию!

— А что же! Такого можно запрягать, потянет! — Блохин отечески похлопал Митю по плечу. — Иди выспись перед поездкой!

С крыльца были видны тусклые огни станционных фонарей. Пурга еще не утихла. В распахнутой шинели Митя пошел навстречу ветру...

У Комогорцевых избушка в одну комнату, тут все: и кухня, и горница, и спальня. Русская печь занимала половину жилья и выглядела, как большой пароход на мелководной реке. Едва войдя в избу, Митя заметил перемену. Хозяева не зажигали лампы, ее заменял очаг, устроенный на одном краю печки-великана. Смолевые полешки с треском горели, освещая бедное убранство рабочей квартиры. Немного пахло дымом. Как видно, с наступлением сумерек стол передвинули ближе к огню. Федя уткнулся в книжку, его мать пришивала заплаты к рукавам старой рубахи.

— Вечер добрый! — приветствовал их Митя, стряхивая снег с шапки.

— Здорово, если не шутишь! — ответил Федя и вылез из-за стола.

Друзья отошли в угол и сели на Федину холостяцкую кровать. Свет очага, как ни силился, сюда не доставал. Закурили. К древесному дыму прибавился махорочный. Разговор вели вполголоса.

— Говори, долговязый, был в Осиновке?

— Даже два раза!

— Слава богу, на человека стал походить! Сказал ей?

Митя покачал головой. Федя притворно вздохнул, сбросил с постели котенка, придвинулся ближе к собеседнику.

— Не знаешь, как объясниться? Я тебя научу! Повторяй за мной.. В настоящий текущий момент жить без вас, извините, без тебя не могу! Ставлю вопрос ребром: выходи за меня замуж!

— Трепло ты! — Митя отвернулся. — Может, я совсем ей не нужен такой! Ты подумал об этом?

— Подумал! Тогда головой в прорубь — и всему делу конец!

— Прощай, пустобрех! — Митя вскочил, потянулся к подоконнику за шапкой.

Федя обнял товарища, насильно усадил его на кровать.

— Не дури, Митенька! Мне со стороны виднее. Нужен ты ей. У кочегара душа чистая, сердце горячее. Ладно, не говори ей ничего. Будь таким, какой есть, и она заметит тебя... Еще свадьбу сыграем. Эх, и потанцуем!..

Митя улыбнулся, показал здоровенный кулак.

— Ну, попляшем! — поправился Федя.

Из очага с сильным треском, похожим на выстрел, вылетел и упал на пол горячий уголь. Федя придавил его ногой и перевел разговор на другое.

— Видишь, у меня сапоги почти новые стали!

В полумраке они действительно казались добротными. Федя нашел на чердаке отцовские поношенные сапоги с мало-мальски уцелевшими подметками, присоединил к ним свои и умудрился из двух пар смастерить одну. В починенных обутках он надеялся обмануть зи-

му, в минувшее воскресенье уже обновил их — ходил проверять заявление на Сеню Широких. После обедни повидал в церковной ограде Лену.

— За такой бы я сам хоть в церковь, хоть в монастырь кинулся.

Девушка оказалась боевой и разговорчивой. Вовсе она не хочет петь на клиросе, это ее отец заставил. Он человек верующий, состоит в церковном совете. Заявление было без подписи. Федя показал его Лене. «Это мой батька писал», — сказала она. Клубочек разматывался все больше и больше. Лена в веселом смазчике души не чает, отец не прочь назвать работящего парня зятем, но заковыка в том, что Сеня состоит в комсомоле и не носит креста на шее. Регент часто ходит к отцу Лены, уговаривает его записать дочь в соучраб, это поможет ей найти место в жизни. Не он ли научил папашу настрочить заявление на Сеню? Задумали поймать двух зайцев: смазчика оторвать от комсомола, а Лену оставить в церковном хоре и втянуть в соучраб. Пока Федя секретничал с Леной, Сеня стоял около толстого тополя на карауле.

Вечером Федя набрался храбрости и заявился в дом набожного отца Лены.

— И, конечно, получил по шее? — спросил Митя.

— Как бы не так! Я этого святошу на бога взял: «Ты, папаша, заявление писал?» Он отпирается. А я ему: «Твоя рука! Ты на почте служишь, таким почерком извещения пишутся, сам видел!» Тогда старикан сознался и понес чепуху насчет того, что он заботится о чистоте комсомольских рядов. Тут я сбавил тон и говорю: «Большое спасибо, что помогли нам, мы этого смазчика живо на чистую воду выведем, в два счета из ячейки выгоним!» Святоша даже просиял от радости...

— Заварил ты кашу! — сказал озабоченный Митя.

— Не горюй! Мы, большевики, и не такую кашу расхлебывали! Пусть церковники уши развесят, а мы Лену из хора вытащим и в комсомол втянем. Я Сеньке твердое задание дал!

Весь разговор слышала женщина за столом. Она скомкала и бросила Феде заштопанную рубаху.

— Все о других хлопочешь! А когда сам в дом молодуху приведешь? Когда я внучат нянчить буду?

— Скоро, мама! — Федя развернул рубаху. — Вот фрак уже готов, сапоги у меня со скрипом. Давайте по такому поводу выпьем чайку!

От чая Митя отказался. Свернул цигарку и отправился домой...

События последних дней измотали его. Сидя за столом, он положил голову на руки. Глаза слипались, свеча перед ним двоилась, троилась... Стало много маленьких мигающих огоньков... Вся церковь в огнях. Митя и Анна идут под венец. Священник требует обручальные кольца, а их нет. Лицо священника очень знакомо. Это же Федя-большевичок, он смеется: «Зачем в церковь, ячейка тебе комсомольскую свадьбу устроит...» Открыл глаза, стряхнул дремоту, огляделся. На комоде шкатулка, в ней лежат два золотых кольца. После гибели отца было много голодных дней, но мать все-таки не продала кольца, хранит память о муже, о молодости, о любви... Глаза снова смыкаются... По большой реке плывет баржа, один арестант хочет что-то сказать, но не может, и заплакал. Почему баржа с колесами? Они стучат, как у дрезины. Со скалы кто-то стреляет... Митя вздрогнул, поднялся из-за стола, начал укладываться в постель. А ружье все еще висит. Когда выбраться на охоту? Федя рассказывал о каких-то двух зайцах... Вот если бы стрелявший со скалы не промахнулся, сегодня не пришлось бы говорить о любви и мировой революции.

В окно сильно и часто застучали.

— Мокин, в поездку!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОЧЕМУ ВОЛНОВАЛСЯ ХИМОЗА

Всю неделю Ленька Индеец сидел на парте один, Свиридок в школу не приходил. Говорили, что он болеет. В субботу после уроков Ленька поймал в коридоре Кузю и сказал, что не мешало бы побывать у Мандолины. Кузя потер переносицу, сбегал в раздевалку за Пронькой. Узнав, зачем его позвали, Пронька пошарил в карманах, вытащил серебрушку, не говоря ни слова, протянул ее Леньке. «Складчина», — понял Ленька и

тоже пересчитал свою денежную наличность. Тогда и Кузя потряс за корешок учебник географии. На пол вылетела зеленая бумажка. Пошли вместе на базар, в китайской харчевне купили три пампушки.

К больному товарищу отправился один Ленька. Еще на кухне он услышал звук мандолины, доносившийся из крайней комнаты. Мать Свиридка — высокая и полная женщина — стояла перед Ленькой, молча вытирала о передник мокрые пухлые руки и, кажется, не собиралась пускать его дальше порога.

— Мама, кто там пришел? — крикнул Мандолина.

— К тебе, Игорь, из школы! — поневоле ответила мать.

В классе Свиридка никогда не называли по имени, и Леньке показалось, что он слышит его впервые. «Ишь ты, князь Игорь», — подумал он, сбрасывая шубу.

Мандолина лежал на кровати с перевязанной головой. Леньке он очень обрадовался, а увидев принесенные им пампушки, чуть не заплакал. Только мамаша брезгливо вытянула губы:

— Неужели ты, Игорек, будешь есть эту га... эти штуки? А вдруг они с собачьим или кошачьим мясом!?

Ленька поспешил защитить честь китайской харчевни:

— С луком и перцем всякое мясо вкусное!

Настоящего разговора у Леньки с Игорем сначала не получалось, так как мать не уходила из комнаты. К счастью, на кухне что-то зашипело, хозяйка бросилась к плите. Мандолина сейчас же вполголоса рассказал, что отец избил его за посещение политсуда над эсером. Бил тростью, все тело в синяках. Попадает Мандолине часто. В тот день, когда он сообщил дома о своем выходе из соучраба, отец ударил его медной пряжкой по голове, не дал поужинать и на всю ночь запер в холодную кладовку. «Сам лечит, сам и калечит», — негодовал Ленька. Какая шикарная квартира, у Мандолины отдельная комната, а жить тут страшно. Оставаться дольше Леньке не хотелось, он сказал, что пойдет готовить уроки. Мандолина на прощанье шепнул ему:

— Весной, как потеплеет, я убегу на Урал. Вы обещали мне помочь... Не подведете?

— Ни за что на свете! — клятвенно произнес Ленька.

На кухне пахло горелым молоком. Ленька быстро оделся. Хозяйка вышла в сени проводить его.

— Кто же тебя, мальчик, послал к нам? — спросила она.

— Комсомол!

— Что? Неужели ты комсомолец?

— Давно уже!

Женщина молча захлопнула за Ленькой дверь.

Шуба у Леньки с широких отцовских плеч. С рукавами проще — засучил их мехом вверх и рукам удобно. А ноги часто заплетаются в длинных полах, случись от кого удирать — быстро догонят... Ленька идет по Базарной улице, слегка подметая дорогу шубой. Его мучает совесть. Напрасно в доме Свиридка сказал о комсомоле, не будет ли Мандолине хуже, отец может снова избить его... Соврал, что комсомолец. Трудно быстро побороть в себе паршивую привычку — говорить неправду. «Вообще-то я не вру, я только немного преувеличиваю», — мысленно оправдывался Ленька. И тут же дал себе слово: по возможности придерживаться фактов.

Забежал в школу. Не терпелось рассказать кому-нибудь об избиении Мандолины. Шел первый урок второй смены. Подождал звонка, двум знакомым ученикам поведал обо всем. Через пять минут беспроволочный телеграф передаст его сообщение во все классы. На душе теперь легче, пошел домой... От станции в гору поднимался Химоза. Чтобы не здороваться с ним, Ленька свернул на мостик, перекинутый через овраг...

* * *

В не топленной несколько дней комнате у Химозы окончательно испортилось настроение. Очень уж неудачной была поездка по деревням. Зажиточные крестьяне кое-где выражали согласие с идеями приезжего учителя, поругивали коммунистов, благодарили бога за то, что советская власть в этом крае не задержалась, но на какие-либо активные действия не соглашались. Таких, как Петухов, единицы...

Не снимая пальто, Химоза затопил печь и долго лежал на кровати. Заботы одолели его. Хочется сделать больше, а людей в поселковой организации эсеров не хватает. Есть несколько рабочих, но они насторожились, чего-то выжидают. Недавно один из них говорил:

«Ваши убеждения, Геннадий Аркадьевич, кажутся мне правильными. И большевиков на митинге слушаю — тоже верно толкуют. В голове еще мусор: надо разобраться, за кем идти...»

Увидев в углу граммофон, учитель вспомнил, как в Черемхово его назвали петуховским подпевалой, и передернул плечами. «Придумает же мужичье!» Отвернулся к стене, закрыл глаза... Он — единственный сын владельца бумажной фабрики. Еще в университете начал играть в революцию — посещал тайный кружок, читал запрещенную литературу. Все это пахло романтикой, увлекало. Потом больше сталкивался с рабочими и понял, что им нужна не такая революция, о которой мечтал молодой человек в пенсне, они сами хотят быть хозяевами положения. Октябрьский ветер развеял все иллюзии молодости. Большевики стали врагами... Покатился на восток с остатками каппелевской армии. Лелеял надежду: отступающая лавина где-то остановится, повернет назад, захлестнет собой большевизм. Этого не случилось. И вот Дальневосточная республика. Эсеровский центр поручил ему сколотить в поселке группу надежных людей. Приезд гостя с Амура удесятерил силы, воскресил мечты...

Комната постепенно нагревалась. Химоза поднялся, снял пальто, достал из бокового кармана револьвер — подарок штабс-капитана, покрутил барабан. На стол вылетели две небольшие медные гильзы, затемненные пороховым дымом... В дверь постучали. Поспешно спрятал револьвер под подушку, а гильзы в карман пиджака.

Гога Кикадзе принес газеты, спросил, будет ли урок химии, но учителя интересовало другое — как идут дела в соучрабе. Новости печальные: трое учеников, побывавших на политсуде, выходят из организации, сорвалась репетиция струнного оркестра. Сам того не желая, Кикадзе подлил масла в огонь, нервы у Химозы не выдержали. Он затопал на ученика, назвал его размазней. Опирайся вот на таких! Разве нельзя было пригласить поселковую молодежь на большой вечер? Кроме танцев устроили бы игру в почту, пусть кто хочет посылал бы девицам любовные записки. Подготовили бы разнохарактерный дивертисмент, какую-нибудь лотерею, красочный маскарад, конфетти. Можно ведь как-то отвлечь

парней и девчат от таких комсомольских затей, как политсуд над эсером.

Ходьба по комнате немного успокоила Химозу.

— За чоновским складом оружия наблюдаете? — спросил он уже без истерики.

— Без устали наблюдаем, Геннадий Аркадьевич. По ночам там часовой, а по воскресеньям — даже и днем.

— Ладно, идите в школу. Я буду на последнем уроке.

Склад оружия давно привлекает Химозу. Штабс-капитан перед отъездом советовал тщательно, не торопясь, подготовить налет, захватить винтовки и патроны. Его план: в дни масленицы, когда запрягают лошадей в кошевки и большие сани, катаются днем и вечером, можно очистить подвал, под песни с бубенцами вывезти добычу в лес и там спрятать. План дерзкий, а как его осуществить? Склад размещен в подвале вокзала, тут поблизости всегда люди. «Что-то надо придумать... Проникнуть бы в подвал со стороны водогрейки, там...» Раздумывая, Химоза присел к столу, взял одну газету, развернул другую, чем-то увлекся и забыл про склад...

Газеты снова расстроили его. Они сообщали об итогах выборов в Учредительное собрание Дальневосточной республики. Эсеры и меньшевики потерпели полное поражение. Где много служилого люда, особенно, беженцев, там больше голосов против большевиков. Но где преобладает рабочая прослойка, там население проголосовало за коммунистов, которые блокировались с профсоюзами. Революционное крестьянство дало отпор эсерам в деревне.

Газеты Химоза бросил в печку и стал одеваться. Звонок уже прозвенел, в учительской одна Лидия Ивановна проверяла диктанты. Не поздоровавшись с ней, Химоза грубо сказал:

— Чему вы учите своих учеников? До сих пор в коридоре висит этот лозунг: «Даешь комсомол!» Объясните, что значит на русском языке слово «даешь»...

Лидия Ивановна медленно подняла голову, близоруко прищурившись, посмотрела на Химозу.

— Здравствуйте, Геннадий Аркадьевич! Новое время рождает новые слова. Лозунг вывешен для учащихся, и они прекрасно его понимают. А в вашем возрасте можно уже читать газеты. Вот на столе здесь несколько

Кстати, вы не знакомы с результатами выборов в учредиловку?

Химоза уже рылся в книжном шкафу. При упоминании газет и выборов он так хлопнул дверцей, что одно стекло вдребезги разбилось и со звоном посыпалось на пол. Старая учительница вздрогнула, посадила на листке кляксу.

— Вам, Геннадий Аркадьевич, — сказала она, — нельзя заниматься политикой... Валерьяновых капель у меня нет, могу предложить только химические чернила...

На урок Химоза убежал без классного журнала.

* * *

Везде и всюду говорили о выборах. Вечером в нардоме перед военными занятиями машинист Храпчук, потрясая газетой, горячо уверял Васюрку и Тимофея Ефимовича:

— Сорвем мы синюю заплатку с красного флага, дело к тому идет!..

Бойцы построились в фойе. На левом фланге стояли четыре девушки.

— Константин Кравченко, три шага вперед! — скомандовал Знова.

Костя приподнял винтовку и вышел из строя.

— Забирай девчат под свое начало, объясни им русскую трехлинейную...

Во главе женского отделения Костя вышел из фойе, в двери которого уже давно заглядывали Кузя, Пронька и Ленька Индеец. Их заметил Знова.

— Старые боевые товарищи, — сказал он, подходя к подросткам. — Ячейку посещаете?

Ленька отдал честь.

— Так точно!

— Тогда сыпьте на сцену к Кравченко! Скажите, что я послал!

Ребят из коридора как ветром выдуло.

Обгоняя друг друга, они шумно ворвались в зрительный зал, сбросили пальтишки и с разбега запрыгнули на сцену.

— Назад! Кто такие? — закричал на них Костя.

Будущие бойцы опешили. Сильнее обычного Кузя

потер переносицу, переглянулся с Пронькой. «Вот так фунт, нас не признает». Догадливее всех оказался Ленька. Он бросил руки по швам и отчеканил фразу, которую вчера только слышал на вокзале около эшелона.

— Прибыли в ваше распоряжение по приказу командира роты!

Косте только этого и надо было. Он отлично помнил, как его и Васюрку принял Знова, когда они пришли на первое занятие.

На столе лежала винтовка. Костя должен был рассказать, из каких частей она состоит и какое назначение каждая из них имеет. В нарушение всех правил Костя начал объяснять по-своему:

— Самое главное — это предохранитель. Не будешь знать, что это такое, — ни разу не выстрелишь, хоть и враг будет рядом. В бою под Читой с одним народоармейцем произошел такой случай...

Никто из новичков-чоновцев не знал, что Костя говорил о себе, это он сам попал впросак при разгроме банды в пади Моритуй.

Ленька стоял рядом с Верой Горяевой. Его мечта сбылась. Скоро, скоро винтовочка попадет ему в руки... «Зачем только учат нас вместе с бабами?»—подумал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

В воскресное утро Вера открыла двери комсомольского комитета. В помещении было холодно, скамейки в беспорядке сдвинуты со своих мест, на полу валялись окурки. Девушка сходила в сарай за дровами, затопила печь. Потом долго искала веник, он оказался за книжным шкафом. Принесла с улицы снегу, разбросала его и начала подметать пол.

Вошел незнакомый молодой человек в солдатских сапогах, зеленой английской шинели и буденновском шлеме с остроконечным верхом. Под мышкой у него виднелась стопка книг, перевязанная веревочкой. Безусое лицо покраснело от мороза, глаза веселые. Назвал себя инструктором укома и неожиданно предложил помочь

в уборке комнаты. Вера указала одной рукой на замерзший фикус, а другой на дверь. Приезжий все понял. Он положил на скамейку книги, обхватил кадку с застывшей землей, прижал ее к животу и вытащил в пустой коридор. Вернувшись, инструктор вытер руки полой шинели и сказал, что дежурная будет молодцом, если позовет секретаря ячейки Мокина.

— А ты... вы зачем к нам? — спросила Вера.

В ячейке еще никогда не было лекций, и Вера приятно удивилась тому, что инструктор пообещал рассказать вечером о капитализме и коммунизме. Но до лекции он хотел немного уснуть: ехал всю ночь в холодном вагоне, не удалось даже вздремнуть. Инструктор придвинул к голландке скамью и лег, подложив под голову книги.

— Скажите, — насмелилась Вера, — комсомольцам можно читать книгу «Капитал»?

Инструктор улыбнулся и ответил шуткой:

— Изучать Маркса труд — тяжкий труд, от него очень многие мрут. Но я вот выдержал...

Он закрыл глаза и умолк.

Вера подмела пол, закрыла на ключ комитет с уснувшим инструктором и побежала разыскивать Мокина.

Митя увидел уездное начальство лишь после полудня. Инструктор сидел за столом, листая свои книги. Он уже успел выспаться и покочегарить у печки. Здороваясь, передал Мите привет от каменского секретаря ячейки и записку от осиновской учительницы.

— А это прими от меня!

И подал книгу в переплете. Название ее было мудреное: «Материализм и эмпириокритицизм». Митя никогда не слышал и не произносил таких слов, не понимал их смысла. Точно догадываясь о его затруднении, инструктор сказал, что в этой книге Ленина изложена вся суть философии. У Мити екнуло сердце. Вот когда до него добрались! Должно быть, кто-то написал в уком об истории с исключением телеграфиста из комсомола, инструктор теперь и проверяет. Но укомовец заговорил о другом — скоро выйдет в свет учебник политграмоты — автор Коваленко, — пора в ячейке создавать кружки. Для комсомольских активистов будут созданы курсы. Митя совсем было успокоился, да увидел на столе брошюру «Шаг вперед, два шага назад». Его даже в

жар бросило. «Значит, есть такая, а я то...» Конечно, Уваров все ему припомнил... Однажды телеграфист по какому-то поводу назвал эту брошюру. Митя отвел парня в сторонку и строго предупредил, чтобы он не мутил комсомольцам головы. Не может Ленин так учить: шаг вперед, а два назад. Это не по-большевистски. На худой конец, если где-то действительно трудно, Ильич мог согласиться сделать два шага вперед и только один назад... Тогда Уваров рассмеялся, Митя забыл о том случае, а теперь, как видно, придется принимать сразу два удара. «Понятно, какая будет лекция».

Тревожное предчувствие овладело Мокиным. До вечера он был в таком душевном смятении, что забыл о записке, которую положил в карман гимнастерки.

Объявления не понадобилось. Вечером, как всегда, в комитет собрались комсомольцы и все, кто привык бывать здесь, собираясь связать свою судьбу с ячейкой.

Прежде всего инструктор объявил план своей лекции: каким было человеческое общество в далекие времена, что происходит в нем теперь и какое у него будущее. Он называл произведения Маркса, Энгельса, Ленина, зачитывал подчеркнутые в страницах строки и подробно растолковывал их. Впервые поселковая молодежь услышала фразу: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...»

Было тихо. Никто не переговаривался, не пытался курить или щелкать орехи. Лектор видел плохо освещенные маленькой лампой пытливые лица юношей и девушек. Перед ними широкая и неизвестная дорога жизни. Кто-то из них погибнет в классовых схватках, кто-то пройдет через все испытания и будет закладывать фундамент, а может быть, и возводить стены величественного здания коммунизма. Кем станет вон тот рыжеватый парень с маленьким, вздернутым носом? Что ждет эту худощавую девушку?

Если бы лектор мог отгадывать мысли своих слушателей, то он узнал бы, что мыслей этих превеликое множество. Все сидящие перед ним люди уже сейчас, опережая время, сквозь пургу и метель событий, хотят разглядеть новое общество и найти себя в нем...

Слушая лекцию, Митя размышлял... Башковитые эти старики Маркс и Энгельс, о пролетариате вопрос ребром

ноставили. Смотри, как здорово придумали: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Мировая революция и есть коммунизм. Послать бы во все страны агитаторов, пусть скорее поднимут трудящихся на борьбу с капиталом. Митя тоже поехал бы. Поехал... А как же с философией? Лектор пока ничего не сказал насчет Уварова, хоть бы пронесло тучу грозовую, ведь телеграфиста быстро восстановили в комсомоле. Учиться надо, с четырьмя классами в коммунизм не поедешь. Ничего, Аннушка поможет...

Схватился за карман гимнастерки, вот она, записка. Отвернулся к шкафу. Буквы мелкие, строки ровные.. «Здравствуйте (слово Митя зачеркнуто), тов. Мокин. Дела наши идут. Сломали пол в поповском амбаре, из половиц в клубе делаем сцену. Плотничает Никишка. Собрали мешки, шьем из них занавес. Моя хозяйка говорит, что без тебя скучно. Мы вас часто вспоминаем. Вечером пьем чай, и все кажется, что вот-вот откроется дверь и ты войдешь в избу. Митя, приезжайте к нам на открытие клуба». На этот раз имя не было зачеркнуто.

Записку Митя прочитал трижды, он уже ничего не слышал, хотя голос лектора раздавался над его головой. Спрятал бумажку, посмотрел на комсомольцев. Все такие хорошие ребята. Уваров — начитанный парень и много знает — устроил на коленях тетрадку, что-то записывает. «Пусть говорит про меня, это же все правда...»

Федя из угла видел сияющее лицо Мокина. «Неужели от нее письмо? Хотя бы у них наладилось...» И сейчас же переключился на свои мысли... Японцы и белогвардейцы, бандиты и эсеры, вот еще разруха. Все поборем — ближе к социализму. А коммунизм где-то совсем далеко... Федя посмотрел на свои сапоги. «Выдержим, дойдем...»

На спинку скамьи откинулся Васюрка. Совсем почти сомкнулись щелки его узких глаз, лектора он не видит, только слышит. Васюрка давно уже уверовал в то, что при коммунизме будет в тысячу раз лучше, чем теперь: Хорошо поработал — хорошо поел. Исчезнут болезни, но отец не дожил до той поры, мать, наверное, тоже не доживет. Их дети, Васюрка и Витька, должны дожить. К этому еще долго идти; много работать, воевать...

Такие же мысли и у смазчика Сени Широких. Он обязательно хочет узнать у лектора, нельзя ли сократить

путь. Хорошо бы всем постараться и сразу к коммунизму, без остановки. Что для этого требуется? Спросить разве Уварова, он уже перестал писать. Нет, не надо, шуму наделаешь, шепотом ведь о таком деле не поговоришь. Сеня не знает, что телеграфист сам кое-чего не понимает и собирается обратиться к лектору... Если социализм мы еще только будем когда-то строить, то почему же Октябрьскую революцию уже сейчас называем социалистической. Тут надо раскумекать.

Своя забота у Веры. Все, что говорит лектор о большом и великом, она понимает так: идти в будущее трудно—все в гору и в гору; упадешь не раз, руки раскровянишь, коленки расшибешь. Вера представляет себя идущей в гору — цепляется за кусты, за обнаженные корни деревьев. Кто-то подает ей руку. Вдвоем идти легче... Она смотрит на увлеченного лекцией Костю, отрывает от газеты клочок чистого поля и пишет карандашом: «Будет ли при коммунизме любовь?» Передала свернутую бумажку Васюрке, тот — Уварову... Не догадаются, от кого записка.

Костя в этот момент мечтает о большой книге. Восьмиклассники написали сочинения о героях, взятых из жизни. Они жили или живут для народа, отдавали или отдают себя общему делу. Комсомольцы должны быть такими. Приятно, когда что-нибудь делаешь не только для себя, но и для всех. О тебе напишут другие. Вот и получится толстая книга о борьбе человека за свое счастье на земле...

В полутьме на маленькой скамейке сидели рядом Кузя, Пронька, Ленька Индеец. Каждый по-своему относился к тому, что говорил инструктор укома... Пронька боялся прослушать что-нибудь, вытянул вперед шею... Вот и приезжий товарищ вспоминает слова Ленина о том, что пятнадцатилетние увидят коммунистическое общество. А если война, да на много лет? Тогда отодвинется коммунизм. Одна война затухнет, а за ней другая может разгореться. Так и вырастешь, постареешь, ничего не увидишь... Когда кончится последняя война? Лектор, наверное, знает. Еще Проньку интересует, будут или нет при коммунизме бедные и богатые? У Хохряковых семья большая, нужда к земле прижимает. Пронька еще ни разу не носил новых сапог, ему не покупали, приходится донашивать отцовские...

Кузино воображение рисует картину... По Европе бродит призрак. Это огромная-преогромная фигура в белом, в руках у нее красное знамя. Она медленно продвигается к Азии, ее ждут в поселке Заречье. Собрался народ, в толпе выделяется невысокий мужик с рыжей бородой, это сам Кузя...

У Леньки и вовсе разыгралась фантазия, в ней много детского... По океану плывет пароход-гигант, ведет его известный всему миру сын смазчика, капитан Алексей Сергеевич Карасев. Налетел шторм. Разбушевалась водная стихия. Кораблю угрожают зловещие подводные камни. Но штурвал в надежных руках. Где-то в тумане еле-еле видны огни маяка — там коммунизм. Туда и направил свой корабль капитан...

До полуночи лектор отвечал на вопросы.

* * *

Умели фантазировать и государственные мужи Японии — солидные дяди в военных мундирах и гражданских костюмах. Им грезилось... Соглашательские партии Дальневосточной республики победили на выборах Учредительного собрания. Наконец-то создано желательное правительство, оно не признает Советской России и обратится за помощью к иностранным государствам.

Мечты самураев не осуществились...

Как-то машинист Храпчук принес Тимофею Ефимовичу газету с небольшим сообщением из японской печати.

— Сами признают, желтые дьяволы! Читай!

Кондуктор вооружился очками, прочел вслух:

«Новое правительство в Чите состоит из коммунистов и ровно ни в чем не отличается от советского правительства Москвы... Его создание глубоко противоречит ожиданиям японских властей».

— Лучше не придумаешь! — радовался Храпчук. — Еще не растает снег, а я уже полезу на крышу вокзала срывать синюю заплатку с красного знамени. Ей-богу, руки чешутся!

Очки Тимофея Ефимовича сдвинулись на лоб. Старый Кравченко задумался, закусил ус. Потом сказал:

— Рановато на крышу лезть. Такие заметки, Николай Григорьевич, в Японии печатают не для того, чтобы

нас с тобой потешить. Ты собираешься сорвать синюю заплатку, а они весь наш флаг!

И скоро Храпчук убедился, что его сосед был прав. Япония, с благословения Антанты, готовила грязное, пахнущее кровью дело. События в Дэ-вэ-эр развертывались так, что огни маяка, которые представлял себе Ленька Индеец, терялись в океанском тумане, а подводных камней на пути корабля обнаруживалось все больше и больше.

В один из весенних солнечных дней, когда на улицах поселка бурлили ручейки, а школьники несли из лесу букеты темно-синих подснежников-ургуек и ветки багульника с первыми, яркими цветами, поступили тревожные известия.

21 мая 1921 года японские интервенты во Владивостоке заняли штаб крепости и другие важные стратегические пункты. Через несколько дней открыто выступили белогвардейцы. При поддержке японцев они разоружили народную милицию и совершили переворот. Власть была передана только что состряпанному правительству Спиридона Меркулова. Это правительство состояло из представителей буржуазии, тесно связанной с японским капиталом. Многие работники, верные Дальневосточной республике, были арестованы и убиты. В новые органы власти вошли те, кто служил при белогвардейском режиме. Коммунисты перешли на нелегальное положение, а эсеры и меньшевики стали на задние лапки перед Меркуловым. Так создавался «черный буфер». Японцы собирались распространить его на весь Дальний Восток. Назревала война...

В последний день учебного года старшеклассники шумели в коридоре, около географической карты. На все лады обсуждался переворот во Владивостоке. Кикадзе чувствовал себя более уверенным. Он по обыкновению что-то перемалывал своими челюстями. Сладкоежка уже десятый раз дергал Костю за рукав, показывал на карте кружок, означавший портовый город на берегу Тихого океана.

— Я тебе, Кравченко, и раньше говорил: не бывать здесь советской власти! Спиридон Меркулов держится крепко!

— Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!— сказал Костя. — Большевики вышибли читин-

скую пробку, вышибут и владивостокскую! Вот осенью придем в школу и тогда увидим, что изменилось на карте... До свидания!

Костя и его товарищи шли домой без смеха и шуток. Все знали, что к большим политическим неприятностям сегодня прибавилась одна своя печаль — у Васюрки умерла мать.

Со станционных путей ребята свернули в депо, там митинговали мастеровые. Блохин стоял на подножках паровоза и, держась за поручни, кричал в толпу:

— Загнанные в исторические могилы мертвецы-эсеры хотят вылезти из гроба и удивить мир новым предательством. В сговоре с Меркуловым они пытаются задушить власть трудящихся, надеть петлю на шею трудового народа.

Кузя слушал оратора и думал о нарисованной когда-то в уме картине... Призрак бродит по Европе... Добредет ли он до Азии, появится ли когда-нибудь в поселке Заречье...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГРОЗА

В мае не выпало ни капли дождя. Ветер кружил на пашнях столбы пыли, всходы были чахлые. В Осиновке упорно говорили о засухе. Объяснение давалось простое «Бог наказывает нас за грехи». Главным грехом считался клуб, устроенный в поповском доме.

Клуб получился просторный и светлый. Зал и читальня могли бы вместить много народу, но сюда почти никто не ходил. Комсомольцы приуныли: разве только для себя старались? Изредка днем, и то тайком от родителей, в клуб ради любопытства заглядывали школьники. Из взрослых кроме Никишки бывали лишь церковный сторож Ефим и мать Андрея Котельникова, Лукерья.

Никишку комсомольцы считали в какой-то мере своим, он помог клубу не одним плотницким топором. Лавочник Петухов отправил с ним на мельницу полную четверть керосину. Никишка поздно вечером принес полезную жидкость в клуб, а отцу сказал, что посудину

с керосином нечаянно разбил о колесо телеги. Что ему было за это — никто не знает. Парень аккуратно читал в клубе газеты, интересовался книгами об устройстве машин. Правда, читальня была еще бедной. Ревком мог выписать «на казенные средства» две газеты и ничего больше. Анна Гречко принесла в читальню все свои книги, кое-что выпросила у псаломщика. В одной книжке описывалась жизнь американского изобретателя Томаса Эдисона, Никишка прочитал ее и попросил еще что-нибудь. Анна написала Мокину — пусть подберет подходящую книгу в поселковой библиотеке.

Дед Ефим, по собственному признанию, ходил в клуб, чтобы пощупать новую жизнь и узнать, из какого теста сделаны комсомольцы. Они удивляли и злили его. Таких людей старик раньше не видывал. Комсомольцы не боялись ловить «домового». Рискуя жизнью, гонялись за бандитами. Наперекор всему нынче весной засеяли комсомольскую десятину. Да как засеяли-то! Тут и хвалить и ругать есть за что. Ревком выделил им совсем неважнецкую землю. Так они со слезами на глазах выпрашивали у отцов коней, просыпались до рассвета, и два раза перепахали участок. Люди только диву давались. Комсомольцы ходили по дворам, собирали древесную золу для своей десятины, черт погнал их на колокольню, под метелочку соскоблили там голубиный помет — циркуляр, говорят, такой получили. А что было потом! Послали Андрюшку Котельникова в уезд, он привез оттуда какой-то отравы, в ней намочили посевное зерно. Чего только осиновцы не говорили по этому поводу. Сам дед Ефим, встретив Андрея, назвал его племянником колдуньи Бабы-Яги. «Тебя бы ядом отравить да в землю посадить — ты будешь расти? Нет! И зерно тоже!» По его мнению, семена погубили ни за грош, ни за копеечку. Мужики до сих пор смеются над тем, как комсомольцы объегорили Прохора — Андрюшкиного отца. Сдуру, что ли, дал он им взаймы семенного зерна. Обещали отдать осенью, когда соберут урожай. А что соберут? Лебеда да крапива вырастут... Пуще всех интересует Ефима учительница Анна Васильевна, она — всему делу голова. Днем — с ребятишками в школе, вечером — с комсомольцами в клубе. А то по избам шныряет, про большевиков рассказывает или на сходке с Петуховым ругается. Ей бы о женихах думать, а

она по воскресеньям ходит (редко кто подвезет на лошади) в Каменку с букварем, учит там грамоте парней. И, что удивительно, ни копейки за это не получает. Дед Ефим читать не умеет, но каждый вечер кладет перед собой книгу о русско-японской войне, разглядывает в ней портреты генералов, считает, сколько у каждого орденов и медалей.

Лукерью уговорили участвовать в спектакле, и она ходит в клуб на репетиции. Пьеса маленькая, но артистов все равно не хватает. Роль у Лукерьи несложная, нужно произнести несколько фраз...

Начался жаркий июнь. Анна Васильевна отпустила учеников на летние каникулы, а сама увлеклась подготовкой пьесы «В волнах революции», заделалась режиссером, суфлером и вообще лицом, отвечающим за все на свете. Это будет первый в истории Осиновки спектакль. Анна возлагала на него большие надежды. Надо как-то ломать стену предрассудков, которая выросла между клубом и крестьянами, мешает осиновцам перешагнуть порог бывших поповских хором.

В день спектакля Анна не находила себе места. Утром собрала группу школьников, раздала им бумажки с названием пьесы, просила обойти все избы, пригласить мужчин и женщин на бесплатный спектакль. Через час не выдержала и сама отправилась по дворам. Задолго до вечера, отказавшись от обеда, пошла в клуб, полила на подоконниках цветы, подмела и без того чистый пол. Сосчитала скамейки, хотя давно знала, сколько их поставлено. Ловила себя на том, что часто смотрит в окна, ждет людей. Больше других в ячейке Анна понимала: сегодня односельчане ответят ей на вопрос, что сильнее — суеверие или тяга к новому. Конечно, за один вечер невозможно покончить с укоренившимся годами невежеством, но видно будет, какую трещину дала старина. Придут на спектакль или не придут? Сенокос еще не начался, по вечерам все взрослые и молодые дома...

Прохаживаясь по пустому залу, Анна перебирала в памяти события сельской жизни... Молодежь свободное время проводит на вечерках. В обоих концах деревни одинокие старухи за муку и картошку сдают избы для гулянок. Там игры с обязательными поцелуями, там страшная нецензурная брань, там самогон и драки. Ког-

да парни одного края зазывают на свою вечеринку девчат другого края, гулянка кончается поножовщиной. В Осиновке один-единственный гармонист. Кто сумеет перетянуть его на свою сторону, лучше угостит — у того и музыка, а значит, и веселье. Комсомольцы думали, как же быть? На ячейковом собрании единогласно проголосовали за предложение Андрея Котельникова: «Принимая во внимание, что частные вечерки никакой пользы не дают, кроме разврата, постановили пресекать в корне все частные вечерки и танцы. Вынесенную резолюцию провести в жизнь». После собрания взяли винтовки, пошли сначала в избу бабушки Липатихи, разогнали одну вечеринку, оттуда направились в другой конец села и в доме Аксенихи запретили еще одну частную гулянку. Председатель ревкома Герасим похвалил комсомольцев за боевые действия, а приехал инструктор укома в буденновке и сказал, что винтовки придется отставить. Анне он подарил пьеску. «Для начала попробуйте это...»

Первой в дверях клуба показалась хозяйка квартиры Анны Васильевны. Старушка оглядела в зале углы, выискивая глазами иконы, и, не найдя их, погрозила квартиранке сложенными для крестного знамения пальцами. Затем посетительница поправила на голове кашемировый платок с яркой цветистой каймой, который, видимо, не часто вынимался из сундука, присела у стены на краешек последней скамьи. Анна провела хозяйку на первый ряд, усадила в самом центре против ящика из-под кирпичного чая, который служил суфлерской будкой. Через несколько минут появились соседи Котельниковых, за ними робко вошли две девушки. На всех праздничная одежда. Уже заняты все места, а люди все подходят и подходят. Анна кружилась по сцене, что-то негромко напевала, обнимала по очереди актеров.

Прозвенел школьный звонок. Никишка, давно ожидавший команды, с гордым видом открыл занавес. Анна низко поклонилась зрителям и сказала, что перед спектаклем объяснит текущий момент. Минут пятнадцать она говорила о событиях в Приморье — кто совершил переворот, что он значит, какие от него могут быть последствия и как относиться к нему трудовому крестьянству...

В это время Прохор Котельников вернулся из леса.

Окна в доме не светились, на дверях висел замок. Вышел за ворота, сел на лавочку, покурил. Было совсем темно. Звезды быстро гасли, должно быть, небо заволакивалось тучами. Подул свежий ветер. «Пахнет дождем,— подумал Прохор.— Дай-то бог». На улице еще играли ребятишки. Один из них крикнул: «Тетка Лукерья в клубе представленье показывает». Прохор как был с бичом в руках, так и заявился на спектакль. Пришлось стоять у порога. Шло второе действие. Зрители то громко смеялись, то выкрикивали одобрения или угрозы в адрес героев пьесы. На сцену легко, как уточка, выплыла Лукерья. Ее сразу узнали, стали называть по имени и отчеству. Доморощенная артистка присела к столу и сказала: «Царь ехал на белом коне». В зале притихли. Лукерья помолчала, зачем-то развела руками, повторила сказанное и опять замолчала. В первом ряду было слышно, как Анна подсказывала Лукерье, но она поднялась с табурета и снова произнесла: «Царь ехал на белом коне». Даже неопытные зрители догадались, что происходит неладное, зашушукались, захихикали. Анна сильнее прежнего, уже высовываясь из ящика-будки, подавала Лукерье нужные слова, а та, как завороженная, ходила по сцене и твердила одно и то же про царя, ехавшего на белом коне. Прохор не выдержал, протолкался к самой сцене, взмахнул бичом и закричал на жену:

— Да ты, язви тебя в душу, знаешь еще кого-нибудь, окромя этого проклятого царя!?

Женщина всплеснула руками, тихо ойкнула, скрылась за кулисами Никишка думал, что так положено по ходу пьесы, и занавеса не закрывал. В зале поднялся невероятный шум. Зрители хохотали, соскакивали с мест. Кто-то, сложив руки рупором, кричал:

— Лукерья, выходи! Не бойся!

Крикуна поддержали:

— Мы тут Прохора пока подержим, он драться не будет!

Лукерья уже выскочила в окно и, не чуя под собой ног, побежала домой. У ворот ее догнали крупные капли дождя.

В суфлерской будке плакала Анна, а за ее спиной зрители шумно обсуждали пьесу и происшествие с Лукерьей. Все для них было необычно, интересно. И вдруг,

когда Андрей Котельников уговаривал Анну вылезть из укрытия, над клубом что-то загрохотало, как будто какой-то великан протопал по крыше и рассыпал за собой камни. В следующее мгновение все поняли, что это гром — сильный и раскатистый. В окна из темноты бросилась молния, с порывом ветра ударила дождевая струя. Люди заторопились к выходу. Впечатления от первого спектакля смешались с радостным чувством, рожденным грозой. Она тоже была первая, первая после весеннего сева. Мужчины и женщины бежали по улице, по-детски восторгались дождем, не боясь испортить нарядных рубах, кофт и юбок. Некоторые останавливались, поднимали голову вверх, подставляли лицо небесному потоку.

Раскаты грома удалялись, а дождь все усиливался. «Кругом заморочало, заненастит надолго», — сказал про себя Прохор. Он не торопясь шел к дому, похлопывая кнутовищем по ичигу. Дорога жадно впитывала влагу, кое-где уже блестели лужицы. «Напьется земля досыта», — продолжал раздумывать Прохор. Проезжая днем по полям, он видел потускневшие всходы пшеницы. И только на комсомольской десятине зелень тянулась к солнцу быстрее, чем на других пашнях, была выше и гуще. «Ребята собирались поливать, теперь не надо...» Дед Ефим считает семена пропавшими. Повезти бы его в поле да показать хлеба. Пусть смеются мужики, Прохор дал комсомольцам зерно не взаймы и не за деньги, а так — для почина доброго дела... Еще недавно он обещал снять шкуру с сына Андрюшки, если тот запишется в комсомол, а сейчас молчаливо помогал ему. Прежде слушал Прохор сказки Петухова о том, что будто у комсомольцев отрастают рога и хвосты. Больше не слушает. У мужика своя голова на плечах, и она соображает, куда ведет ячейка молодых. Комсомольцы сделаны из того же крестьянского теста, но на большевистской закваске... И закваска та — добрая, Прохор видит. Обидно, что Лукерья запуталась на спектакле, это он, Прохор, невольно сбил ее. Он же в душе гордился ею. Знал он, что жена по вечерам бегала в клуб на репетиции, да виду не показывал. Еще никогда и нигде так не бывало, чтобы неграмотная крестьянка вышла на сцену перед всем народом, поборола страх, в котором жила вечно...

* * *

В комнате было душно, Анна распахнула окно в полисадник... Ух, какой дождь! Старая береза принимала холодный душ, сбрасывая с ветвей серебристые брызги. С крыши в бочку, булькая, стекал ручеек. Анна протянула ладони, набрала полную пригоршню воды и освежила заплаканное лицо... Волнение улеглось, можно спокойно все осмыслить... «Еще одну кочку перескочила», — подумала Анна. Кочками она называла трудности и неприятности в жизни. На ее пути они попадались часто, особенно в последние годы... Родилась и росла Анна в уездном забайкальском городке. Не гладкой была дорога в детстве. О первую кочку запнулась в семилетнем возрасте, когда умерла мать. В памяти осталось немного: бледная и худая женщина слабо сжимает пальцы и чуть слышно говорит: «Аннушка моя, Аннушка». На другой день, увидев мать в гробу, девочка убежала к реке и спряталась в тальниковых кустах...

Отец, почтовый служащий, мечтал о том, чтобы дочь вышла в люди. Но понимал это однобоко: «Вырастет дочурка, замуж ее выдам, тут и счастье ее». А девочка еще играла с соседскими мальчишками в лапту и сыщики-разбойники, тайком от отца отправлялась в ночное пасти лошадей, училась ездить на них верхом... Шли годы. Девочка превратилась в девушку, ходила с парнями в кедровник добывать орехи, хорошо стреляла из дробовика и берданы. Вечера и часто ночи проводила за книгами. Любила читать о героях, которые умели служить народу верой и правдой. Роман «Овод» перечитала несколько раз...

Закончила учительскую семинарию. Отец усиленно поговаривал о замужестве, уютном семейном гнездышке. Анна решила учительствовать в деревне. В Осиновке, куда она приехала осенью 1917 года, кочки вырастали одна за другой... На скромное свое жалованье выписала волшебный фонарь, показывала детям картинки. Однажды в школу ворвалась пьяная компания. Фонарь сломали на куски, картинки на стеклах растоптали. Анне заявили: «Не совращай ребятишек!» Стала по воскресеньям собирать крестьян и читать им стихи Некрасова. Местный поп зашел к ней на квартиру и пригрозил: «Брось крамолу! Мужикам и бабам надо читать

священное писание». В тот же вечер какие-то парни жестоко избили Анну на улице. Как-то летом следующего года над деревней разразилась страшная гроза. Молния зажгла скирду хлеба, сложенную в огороде купца Петухова. Хлеб сгорел. Ночью мужики срубили в школьном дворе столб с приборами для наблюдения за природой. Столб посчитали причиной пожара. Сам Петухов сказал Анне в лавке: «Не гневи бога, а то из деревни выживем!» И вот клуб в поповском доме. Это всем кочкам кочка. И ее одолела Анна...

Как хорошо получилось! Такое совпадение: спектакль и гроза. Хорошо, что сначала спектакль, потом гроза. Вот так «наказание господне»! Спектакль пошатнул стену предрассудков, а дождь еще сильнее подмывает ее. Не жалко затраченного труда, не стыдно слез... В жизни, как в недосмотренной сегодня пьесе. Сильные и смелые держатся на гребне революции. Подлецы и трусы, идут ко дну, они еще будут барахтаться в волнах и, может быть, утопят кого-нибудь из тех, кто учится плавать, но им все равно не добраться до берега... Всю весну не приезжал Митя Мокин, а так хочется поделиться с ним нахлынувшими мыслями. Поставить бы сейчас самовар, и чтоб неожиданно распахнулась дверь... И вошел бы промокший до нитки Митя! Можно было бы пить чай и всю ночь под шум дождя разговаривать о будущем...

Анна села писать письмо. Старая береза протягивала мокрые ветви в открытое окно...

* * *

За кладбищем, в широкой зеленой долине, окруженной сосновым лесом, чоновцы рассыпались цепью, вели огонь из незаряженных винтовок, поднимались в атаку на невидимого противника, кололи его штыками, били прикладами. Июньское солнце помогало командиру роты Знове выгонять из бойцов пот. Но и сам Знова не железный. Снял фуражку, вытер платком мокрый лоб, объявил перекур...

Винтовки в козлах стояли, как суслоны хлеба. Вокруг них расположились умаянные тяжелой военной работой люди. Костя Кравченко лег на траву и едва закрыл глаза, как земля под ним закружилась, и он про-

валился в глубокую пропасть. Открыл глаза: небо чистое, голубое. Года два тому назад в домашнем сочинении «Осень» Костя опроверг чье-то утверждение, что самое голубое небо в Италии. Голубее голубого считал он забайкальское небо... Глаза сами смыкаются, земля куда-то плывет...

Около Кости сидит Кузя, он разулся и разминает босые ноги — как удобно без сапог! Почему нельзя заниматься босиком? Искупаться бы, да негде. Это Знова выбрал такое место без речки, а Кузя еще считал его хорошим командиром. Первое время в ЧОНе было легче, новички учились отдельно и недолго, теперь все вместе — попробуй угонись за старыми солдатами. Каждое воскресенье выход в поле, когда же рыбу ловить?..

Проньке тоже трудновато. Рубашка на спине взмокла, левая нога болит: вчера, купаясь, наступил на разбитую бутылку, сильно порезал пятку. Надо бы снять ботинок, найти в траве листок подорожника и перевязать ногу, но лучше потерпеть. Пронька читал где-то, что нужно всячески закалять себя, тогда в жизни ничего не страшно. Распускаться нельзя, Знова должен видеть в строю крепкого бойца...

Поодаль от товарищей животом вниз лежит Ленька Индеец, ему виден весь лагерь... Блохин и Храпчук прячутся в кустиках, ищут тень. Блохин хромой, а у старого машиниста одышка, тяжело им. Васюрка, Сеня Широких и Федя-большевичок курят стоя, значит, не шибко устали. Некоторые бойцы громко смеются, кто-то затянул песню про Стеньку Разина. Леньке кажется, что он измучен больше всех. Костя объяснял: винтовка весит одиннадцать фунтов с четвертью. Нет, пожалуй, тяжелее. После команды Зновы: «Вперед коли, назад отбейся»—штык норовил воткнуться в землю, приклад тянул назад... Вон идет Вера Горяева. Ленька оглянулся и подумал: «Девчонка, а не устала. Ишь ты!» Она тоже в сапогах, серая кофточка перетянута ремнем с подсумком.

Вера поравнялась с ребятами.

— На Шипке все спокойно, мальчики?

Услышав ее голос, Костя приподнялся, сел. И Вера опустилась на траву, охватила руками колени. У нее новость:

— От санитара сейчас слышала... Сын доктора Свиридка потерялся... Всю ночь искали — не нашли.

Ленька подполз на животе поближе и сказал:

— Он не потерялся, а уехал в Совроссию!

— А тебе это откуда известно? — спросил Костя, надевая фуражку.

Тут-то и попал Ленька в беду. Ведь он знал, что Пронька и Кузя, желая отучить его от вранья, запретили ему в течение лета рассказывать в ячейке и друзьям что-либо интересное. Было решено: о бегстве Свиридка, когда придет время, будет сообщать Кузя. С опозданием вспомнив о договоре, Ленька исподлобья взглянул на Кузю—мол, я только заикнулся, самое главное передашь ты. Но Кузя, как будто не понял Леньку, свалился боком на траву, зажмурился, собрав вокруг глаз веснушки. Он успел смекнуть: свяжись с этой Мандолиной — из комсомола вылетишь, пусть уж Ленька врет, с него взятки—гладки. Тогда Ленька перевел взгляд на Проньку, спрашивал глазами, как быть. Пронька сидел по-бурятски, поджав под себя ноги, и вертел в руках красную саранку. Он незаметно кивнул, разрешая говорить.

— Ты откуда знаешь? — повторил Костя.

Может быть, первый раз в своей жизни Ленька поведал правду. Ничего не приукрашивая, он открыл большую тайну... В день ссоры Свиридка с Кикадзе из-за соучраба и комсомола троица (Ленька, Пронька и Кузя) дали Мандолине слово — помочь убежать от отца. Готовились все. Молодой Свиридок запасал съестное, а троица, зарабатывая на распиловке дров, откладывала для него деньги. Вчера Мандолину отправили на товарном поезде. Зачем помогали? Хотели, чтобы Свиридок со временем вступил в комсомол. На Урале его никто не назовет беженцем. К отцу он никогда не вернется...

Костя собирался что-то еще спросить, но тут Вера вскочила на ноги.

— Кто-то едет сюда на коне!

И верно, из лесу показался всадник. Все узнали в нем Прейса.

Чекист бросил повод на шею лошади, пустил ее кормиться, а сам отозвал в сторону Блохина, Знову и Мокина. Пока они о чем-то совещались, бойцы без команды на всякий случай подходили к винтовкам. Все это

затмило Ленькин рассказ о бегстве Свиридка. Только Пронька, поднимаясь с травы, зло сказал Кузе:

— Трусишка!

Кузе оставалось лишь потереть переносицу.

Знова построил чоновцев, и Прейс объяснил причину своего появления:

— Товарищи коммунары! В Приморье, как вы знаете, собираются черные тучи. Испортилась погода и на границе с Маньчжурией, оттуда участились налеты белых банд на наши села и станции. Только что получены сведения: бывший семеновский палач, командир конно-азиатской дивизии барон фон Унгерн выпустил из Монголии на нашу территорию своих шакалов. Враги хотят одним комбинированным ударом с трех сторон разбить нас. Но не бывать этому!

— Не бывать! — дружно подхватила рота.

Прейс рассказал о том, что против барона из Верхнеудинска двинуты народоармейцы, к ним примыкают иркутские части Красной Армии. Под Троицкосавском уже начались бои. В пограничных районах, на берегах рек Аргунь и Шилка от бандитов отбиваются местные коммунисты и комсомольцы. Им нужна помощь. Прибайкальские отряды ЧОНа выделяют бойцов. Местная рота должна послать шесть человек. Прейс призывал к спокойствию, пресечению паники, которую сеют малодушные. Вот начальник соседней станции, узнав о нашествии орд Унгерна, все бросил и с первым же поездом укатил в Читу.

— Все бойцы, — продолжал Прейс, — на ночь должны являться в нардом. Возобновляются охрана станции и патрулирование поселка.

Фамилии бойцов, намеченных к отправке в пограничную зону, зачитал Знова. В обеих шеренгах головы чоновцев поворачивались в сторону счастливчиков. Вера искала глазами Федю-большевичка, но раньше увидела Костю. Смутное чувство овладело девушкой, ей и хотелось, чтобы комсомолец Кравченко поехал на границу, и в то же время она обрадовалась, что его туда не посылали. Федя стоял спокойно. «Мне не впервой, а вот как Сеня Широких? У него же Лена...» Ленька Индеец, конечно, переживал, почему не выделяют таких, как он? Ему еще зимой исполнилось полных пятнадцать, полго-

да, как идет шестнадцатый. Винтовка не так уж тяжела... Кузя чувствовал локтем Проньку. «Вот с ним бы я поехал на бандитов»... А Пронька не собирался — раз не назвали фамилии, нечего зря голову ломать...

Когда Прейс уехал, Знова приказал командирам взводов начать стрельбу боевыми патронами по мишени... Целясь в пень, Костя представлял себе сбежавшего штабс-капитана. Теперь предохранитель не подведет. И другим чоновцам тоже казалось, что в лесу притаились шакалы барона фон Унгерна...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ МАНЬЧЖУРИИ

Теплушку в хвосте эшелона сильно качало. В открытых настежь дверях, свесив ноги, сидели Федя-большевичок и Сеня Широких. Мимо них уплывали назад одетые лесом горы и густо поросшие травами пади. Картины природы не привлекали парней, оба они хотя и далеко отъехали от родного поселка, но в мыслях еще были дома. Разговаривать не хотелось. Федя негромко напевал, шум поезда заглушал его песню. Сеня лишь изредка улавливал слова, а уловив, повторял их за товарищем...

Ах, жалко соснам умирать,—
Позеленеть весной еще бы...

Пыль, постоянный спутник военных походов, вылетала из-под колес вагона, садилась густым слоем на Федины сапоги, на Сенины ичиги...

На много тысяч верст легли рельсы великой Сибирской магистрали. За Читой одна пара стальных ниток потянулась дальше на восток, в далекое Приморье, другая отклонилась вправо и по степям, между голыми сопками, уползала к Маньчжурии. Сидя на верхних нарах, Федя видел в окно то место, где железнодорожные пути разошлись, как разведенные в руках ножницы. Эшелон бежал по левым ниткам, а правые, поблескивая на солнце, ждали своего поезда. Федя еще долго наблюдал за линией телеграфных столбов, уходивших

крупными шагами к русско-китайской границе. Уйти бы за ними по Маньчжурской ветке до Китайского разъезда. У Феди есть душевная причина попасть туда... Осенью 1918 года маленький отряд красногвардейцев, окруженный на этом разъезде белыми казаками, вел неравный бой. Телеграфные столбы были свидетелями горячей схватки. Тогда ни один красногвардеец не ушел живым. В степи осталась братская могила, вместе с другими в ней зарыт и Федин отец. Хотелось бы положить на могильный холм букет полевых цветов, запах которых батя вдыхал перед смертью...

Уже скрылись макушки столбов, а Федя все еще смотрит им вслед. Где-то тут близко чужая страна. Дедушка в русско-японскую войну сражался под Мукденом. Когда Федя слышит вальс «На сопках Маньчжурии», ему представляется усатый солдат в фуражке-бескозырке, он лежит в густом гаоляне с японской пулей в сердце. Это дед... Какая она, Маньчжурия? Если иметь в виду не всю страну, а только город Маньчжурию, то Федя бывал там мальчишкой. Когда граница была открыта, многие жители Забайкалья ездили в Маньчжурию за покупками. Перед германской войной мать собиралась на ту сторону и взяла с собой Федю. Тогда мать и сын проезжали мимо Китайского разъезда, не зная, что через несколько лет он станет местом гибели близкого им человека... В памяти от Маньчжурии остались длинные ряды магазинов с яркими бумажными фонарями над входом да бойкие зазывалы, наперебой хвалившие свои товары. Помнится еще дешевая сарпинка. На обратном пути мать подняла у Феди рубашку, обмотала вокруг тела аршин десять этой материи и велела забраться на верхнюю полку. Таможники не обратили на него внимания... Теперь по улицам китайского города бродят русские белогвардейцы, может быть, и те, которые зарубили отца. В бандах много казаков, бывших жителей приграничных станиц. Прийти с повинной головой к властям Дальневосточной республики они боятся потому, что в свое время участвовали в карательных экспедициях атамана Семенова, их руки обагрены кровью рабочих и крестьян. Но и уходить далеко от родных мест им тоже не хочется. Вооружаясь в Маньчжурии, эти головорезы переходят на русскую тер-

риторию, нападают на ревкомы, убивают коммунистов и комсомольцев, отнимают у крестьян скот, продовольствие, фураж. Может быть, и доведется Феде встретиться с ними в бою...

Сеня с закрытыми глазами лежал на нарах и мечтал о Лене. Он простился с ней у церковной ограды. До сих пор в ушах звучали ее горячие слова: «Пускай бьют-колотят, пускай проклинают, а в храме больше петь не буду. Ты, как кончишь воевать, отпиши мне, я все брошу и к тебе подамся, тут нам с родителями не житье...»

Федя отвернулся от окна, попросил у Сени закурить и очень удивился, увидев голубой кисет с красными цветами. Ехали вместе больше суток, а красоту кисета Федя заметил только сейчас.

— От нее? — осторожно спросил он.

— А от кого же еще? — ответил Сеня, насыпая зеленуху в подставленный обрывок газеты.

Ночью на небольшой станции ребята выпрыгнули из теплушки. Им предстояло ехать дальше по ветке, свернувшей вправо, к большой реке.

Сретенск стоял на высоком берегу Шилки. Со станции он был хорошо виден. В ожидании плашкоута Федя и Сеня устроились на больших камнях, торчавших из земли, и любовались широкой рекой. Какой-то мужик в казачьей фуражке с желтым околышем поживился у них табачком, присел рядом и, прыгая с пятого на десятое, ударился в историю и географию... Здесь, на станции, заканчивается железная дорога, Шилка открывает большой водный путь в Китай. Сливаясь с Аргунью, она образует великую реку двух государств с русским названием Амур и китайским Хэйлун-цзян. При всех царях со всей России сгоняли в Сретенск людей в арестантской одежде. Крикливые пароходы, тяжело шлепая колесами, тащили баржи с живым грузом вниз, на Карийскую каторгу. Над рекой звенели песни и кандалы. Для отправки в Петербург доставлялось сюда добытое каторжниками золото, смоченное их потом и кровью. Сюда же прибывали товары из Китая... В 1919 году японцы обстреливали город с горы из пушек прямой наводкой, а годом позднее под Сретенском осколком снаряда был смертельно ранен партизанский вожак, командующий фронтом Павел Журавлев, о котором еще при его жизни были сложены песни...

По рассказам мужика в казачьей фуражке выходило, что маленький город на большой реке никогда не знал тишины и покоя.

На противоположном берегу ремонтировались лодки и старая баржа. Перестук многочисленных молотков доносился оттуда через реку, как частые винтовочные выстрелы.

Вверх по течению медленно прошел маленький пароходик с пулеметом на борту...

Уком взял прибывших на учет и направил их в распоряжение командира комсомольского эскадрона Фадеева. Долго его искать не пришлось.

Все комсомольцы-одиночки и те, кого прогнали от себя родители, жили коммуной в большом купеческом доме. На крыльце Федю и Сеню остановил парень с винтовкой. Посмотрев документы, он велел подождать и тут же посчитал своим долгом предупредить новичков, что Иван Фадеев любит порядок, умеет спрашивать дисциплину.

— Прямо жуть, до чего строгий!

Разговорчивый часовой ничего не утаил о своем командире.

— Тут как-то зимой некоторые наши коммунары на вечерке гуляли. А ночью тревога. Прибежали они во двор, конюшня-то у нас при коммуне, быстро оседлали коней — и вместе со всеми в поход. За городом опомнились: на ногах легкие сапожки, переобуться в ичиги не успели. Доложили Фадееву. Так и так, неустойка с обутками — ноги отморозим. Он им: «Черт с вами! Держитесь за седла и своими ножками рысью за нами!» Ну, побежали. От своих отстали, конечно! Конники в деревню залетели — там бандюги истязали учительницу — расправились, с кем надо, глядят — гулеваны в своих сапожках являются. Таким же порядком обратно. Хорошо, что недалеко! Ванюшка заставил гуляк полы в коммуне мыть и караулы нести вне очереди. Вот он какой, командир!.. А то два дня назад случай был... Батальон наш одну банду расколошматил и домой поспешает. Навстречу подвода. Тетка на телеге сидит и доносит нам, что в лесу, на заимке, прячутся подозрительные. Фадеев сам в разведку подался. Верно, на заимке семеро неизвестных с винтовками — ясно, кто та-

кие. Ваня прикинулся бандитом из шайки, которую мы расколотили, и говорит им: «Здесь нельзя оставаться, комсомольский эскадрон поблизости бродит. Я вас у знакомого казака в пригороде на сутки спрячу». Короче сказать, привел бандюков в госполитохрану...

— Старый вояка он, что ли? — поинтересовался Федя.

Часовой бросил с крыльца окурок.

— Какой там старый, 23 года ему! Из этих... Учился в кадетском корпусе, бросил богатых родителей и всей душой комсомолу отдался.

Больше распространяться часовому не пришлось, к крыльцу подошел сам Фадеев. Стройный, молодой, в гимнастерке защитного цвета и с кольтом на боку, он обращал на себя внимание военной выправкой. Федя и Сеня невольно вытянулись перед ним. Он выслушал обоих и спросил, умеют ли они ездить на лошадях. Ребята поняли, почему Знова выбрал их для посылки на границу. Федя полтора года был в партизанском отряде, умел обращаться с конем, хорошо владел шашкой. Сеня, небольшой и легкий, считался в поселке прекрасным наездником. В дни масленицы купцы устраивали бега и приглашали Сеню на них, как опытного ездока. Но рубить шашкой он не умел, честно признался в этом.

— Пока один руби лозу во дворе, потом будешь вместе со всеми упражняться на площади, — сказал Фадеев и, оглядев приезжих, добавил: — Жить будете тут, в коммуне... Ну, пошли обедать! Сегодня у нас гречневая каша с молоком!

* * *

В безоблачный полдень по главной улице города мчалась взмыленная гнедая лошадь. Седок усиленно пришпоривал ее голыми пятками, размахивал длинным концом повода. Вдруг на всем скаку лошадь упала, как подкошенная, седок перелетел через ее голову и шлепнулся на песок. Это был подросток лет 15—16, без фуражки, в расстегнутой, выцветшей на солнце красной сатиновой рубахе.

— Загнал коня-то, дьяволенок! — крикнул ему сидевший на лавочке старик.

Подросток вскочил и, не глядя на храпевшую лошадь, побежал в штаб эскадрона. Привезенная им но-

вость была печальной... В селе, откуда он прискакал, белогвардейцы из банды есаула Богатырева поймали двух городских комсомольцев. Ребята приехали выявлять излишки хлеба, из захватили во дворе богатого казака, страшно избили и хотели повесить на воротах. Хозяин запротестовал, боясь, что после отступления банды местные власти потянут его к ответу. Тогда беляки решили подождать до завтра — приедет сам Богатырев и распорядится. А пока пойманных крепко связали и бросили в баню. Все это в заборные щели из соседнего огорода видел сельский паренек в красной рубахе. Комсомолец, он прятался от бандитов. Когда пришельцы из Маньчжурии разошлись по избам пьянствовать, он взял узду и пошел ловить коня. Казак, охранявший у ворот поскотины выход из села, даже не взглянул на подростка, беспечно шагавшего по пыльной дороге с уздой через плечо. На первом же выпасе паренек поймал гнедка и поскакал за двадцать верст в город...

Штаб немедленно отправил в село оперативную группу из семи комсомольцев, попали в нее и Федя с Сеней. Перед группой поставили задачу — отбить у бандитов пленников. Следом должен был выехать более многочисленный отряд. В городе объявили срочный сбор коммунистов, комсомольского актива и бывших красных партизан.

На подходе к селу Фадеев велел Феде и Сене разведать положение, а остальным залечь в логу и ждать. Своих коней и винтовки Федя и Сеня передали товарищам. Подросток, известивший о беде, боялся идти домой. Он показал на одиннадцатый с краю дом. Там живет его старший брат. Он казак-фронтовик, считает себя нейтральным, но большевикам сочувствует.

— К нему и валяйте!..

Бородатый бандит, дежуривший у ворот поскотины, курил трубку, сердито сплевывая. Все его друзья давно уже пьют самогон и поют песни, а он торчит тут и глотает слюнки. Бородач только взглянул на проходивших мимо пареньков и махнул рукой,—дескать, убирайтесь отсюда.

Федя и Сеня пришли к нейтральному казаку. Узнав, что братишка достиг цели, он сообщил разведчикам:

— Ваши ребята в бане. Я иногда посылаю свою дочь

Фроську посматривать, не творят ли чего с ними. Сколько вас?

— Всего семь!

Казак почесал затылок.

— Маловато! Банда нагрянула большая. Правда, трезвых уже мало. Рядом вон гуляют офицеры.

Разведчики заволновались. Надо как-то передать Фадееву, что пленники живы и что их охраняет один часовой.

— А я Фроську пошлю! — сказал казак.

Девочка лет десяти пошла за поскотину. В уголок ее платка разведчики завязали маленькую записку. Скоро она благополучно вернулась. Фадеев просил передать на словах: «Ждите, скоро будем, наши подходят». Казак поинтересовался, где у комсомольцев оружие.

— Оно осталось в логу! — ответили разведчики.

— Ладно!.. Я вам дам кое-что!

Хозяин достал из подполья две пехотные винтовки, одну кавалерийскую и набитые патронами подсумки. Потом он оглядел ребят, протянул каждому по гранате и объяснил, как с ними обращаться.

— Это французская штуковина. Ударишь капсюлем о каблук, сосчитаешь до трех и кидай, куда требуется. На пятой секунде взрывается. Только, паря, не зевай, а то...

Время тянулось медленно. Казак успокаивал разведчиков:

— В случае чего я и сам вам помогу. Стрелять-то, однако, буду с чердака соседа-богача, разберись потом. Как просуну руку в дыру около трубы, так вы и знайте, что я готов.

Казак ушел, а Федя и Сеня притаились в пустом сарае. В соседнем доме кутили офицеры. Из открытых окон доносились пьяные голоса. Бандиты затянули протяжную казачью песню. Федя, наблюдая в щель за крышей, прислушался к песне о двух казаках. Где-то в другом краю они сманивали с собой девушку:

За Байкал служити,
Сусло с медом пити...

В песне говорилось, что за озером-морем много серебра и золота, там все живут богато. Но Федю поразил припев. Исполнялся он с гиканьем, присвистом и составлен был из странных слов.

Эх, мама, не зюз-зюм. Хаюня.

Изба гремела от пьяных, но еще довольно стройных голосов.

Эх, тирба! Ишь ты!
Ой тирлим-бом-бом да ой-ее...

Казалось, что идет колонна конников, цокают лошадиные копыта. На какое-то мгновение Федя даже забыл, зачем он здесь, — так заинтересовала его песня...

Но вот на окраине села раздались выстрелы. Это прискакавший из города отряд начал атаку. Бойцы с ходу зарубили у поскотины бандита с трубкой и ворвались на улицы села. Понимая, что помощь подоспела, Федя и Сеня побежали через огороды к бане, а казак, заняв позицию на чердаке соседа, открыл пальбу по выбегавшим из домов богатыревцам.

Федя ухватил винтовку за ствол, как дубину, и, выскочив из-за угла бани, ударил часового по голове. Бандит рухнул на землю. Сеня приколол его штыком. На дверях бани висел огромный амбарный замок. Сбить его было нечем. Тогда Федя сломал окошко и просунул в него винтовку.

— Берите, ребята, — крикнул он пленникам.

— У нас руки связаны! — послышалось в ответ.

— Связанные лежали на полу. Федя бросил им свою винтовку, а на подоконник положил гранату. В эту минуту на улице около огорода показались два бандита в форме урядников. Приняв Сеню за своего часового, они крикнули ему:

— Добей красноперых!

Стоявший у окошка Федя наказывал Сене:

— Подпусти их ближе и бей в упор, чтобы не промазать!

Подобрав винтовку убитого часового, Федя выстрелил в одного из подбежавших богатыревцев, другого уложил Сеня. Но у ворот показались еще трое бандитов.

— Бросай гранату! — крикнул Федя товарищу.

Сеня, как советовал казак, стукнул гранату капсюлем о каблук сапога и кинул ее к воротам. Напуганные взрывом бандиты повернули обратно. Федя и Сеня зорко оглядывались по сторонам, ожидая пришельцев с чужого берега. А из бани доносились крики:

— У нас руки связаны!

— Развяжите нам руки!

Только теперь юные разведчики заметили валявшуюся недалеко от бани железную ось, подняли ее и скоро сбили замок. Развязать руки пленникам было уже не трудно.

Тем временем отряд выгонял бандитов из домов. Некоторые, быстро отрезвев, успели спрятаться в надворных постройках, но их нашли. Суд был скорый и правый: бандитов расстреляли.

Убедившись, что с бандой покончено, Иван Фадеев скомандовал:

— По ко-ням!

На обратном пути молодые чоновцы, к удивлению Феди-большевичка, затянули уже слышанную им казачью песню. Подмигнув рядом ехавшему Сене, он сильным голосом подхватил припев:

Эх, тирба! Ишь ты
Ой тирлим-бом-бом да ой-ее...

Сеня петь не мог, он первый раз в жизни участвовал в бою и впервые видел перед глазами смерть...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
ВРАГ У ПОРОГА

Весь день пекло солнце. К вечеру сделалось пасмурно. Запыленные тополя и черемухи в палисадниках притихли. Но дождь так и не собрался, сухой земле не досталось ни капли. Накаленный воздух повис над поселком...

На военные занятия отец и сын шли вместе. Обычно разговорчивый и веселый, Тимофей Ефимович на этот раз всю дорогу до станции молчал. Костя еще с утра заметил, что отец чем-то обеспокоен, — угрюмый ходил по комнате, не брался за книгу, не играл с детьми. «Что-

то неладно с ним», — подумал Костя, но с расспросами не приставал.

Когда поравнялись с порожним товарным составом, выведенным «Овечкой» на последний путь, Тимофей Ефимович замедлил шаг, начал присматриваться к номерам вагонов. Около теплушки с открытой дверью остановился.

— Вот что, сынок... Всякое теперь может случиться... Одним словом, если барон Унгерн прорвется к железной дороге, семьи коммунистов будут эвакуированы. Сам знаешь, мы с тобой... Вдруг я окажусь в поездке, так ты помоги матери быстренько собраться. Это наш вагон. Понял?

Конечно, Костя все понял. Как и другие комсомольцы, он знал, что где-то за Гусиным озером народоармейцы бьются с унгерновскими шакалами. Враг еще силен. И в тылу очень беспокойно. Банды бесчинствуют не только в пограничной полосе. Два дня тому назад недалеко от станции, на маленьком разъезде, какие-то гордеевцы устроили крушение пассажирского поезда... Такой он, текущий момент. Костя сразу почувствовал себя возмужалым, взрослым. Отец ему все доверяет. Но Косте доверяет и ячейка. Вчера его избрали в состав комитета. На собрании сам Блохин сказал: «Парень в комсомольском котле поварился, нашим духом пропитался. И кровь у него рабочая — не подведет!» Костя еще не сказал об этом отцу, ведь теперь вместе с Митей Мокиным надо отвечать за судьбу всех комсомольцев поселка...

— Я понял, папа! Я все сделаю!

Они пошли дальше, не говоря больше друг другу ни слова. Еще одна мысль сверлила мозг молодого Кравченко: «Не мешало бы и Веру тоже с мамой и ребятишками отправить, опасно тут...»

После трехчасовой строевой подготовки на площади чоновцы рассыпались по поселку: патрулировали улицы, охраняли водокачку, телеграф, паровозное депо.

Июльская ночь была душная. Тучи, сбившись плотно, как овцы в отаре, бродили по всему небесному полю, заслоняли собой звезды и луну. Часовые и патрульные напрягали зрение, вслушивались в темноту.

Трое чоновцев спустились с Крестовой горы к станции. Кузя и Пронька отпросились у Васюрки на водо-

грейку утолить жажду и смочить под краном потные головы, а сам он остался на дороге, недалеко от вокзального подвала, где помещался склад оружия. В ночной тишине ему почудился торопливый стук железа о железо. Стучат, кажется, в подвале. Неслышно ступая, Васюрка подошел к каменной лестнице. Часовым здесь должен стоять машинист Храпчук. Почему же он не окликнул? Неужели уснул старина? Васюрка безбоязненно опустился на три-четыре ступеньки. Дальше непроглядная темень.

— Николай Григорьевич!

Никто не ответил. Васюрка спустился еще ниже. К нему кто-то кинулся снизу, схватил за ногу и дернул. Он свалился на спину, сжимая в правой руке винтовку. Левую обожгла боль: кто-то, пробегая мимо, наступил на нее. Васюрка, опираясь на винтовку, поднялся, в тот же момент снизу на него наскочил другой человек. Ударом ноги Васюрка отбросил неизвестного назад и, пятясь, по ступенькам выбрался наверх. Прежде всего выстрелил в воздух, разбудил тишину.

Кузя и Пронька выбежали из водогрейки. Раздался чей-то топот, в темноте загремела телега.

— Стой! — закричал Пронька и погнался следом. Дорога шла между высоким забором товарного двора и крутым обрывом Набережной улицы, тут никуда не свернешь. А за товарным двором, где переезд, можно было ускользнуть куда угодно. Проньке нужно увидеть, в какую сторону свернет подвода за переездом, может быть, удастся пересечь дорогу. Хорошо бы закрыть переезд, но ведь у Проньки нет крыльев, лошадь на своих-двоих не обгонишь. Хорошо бы одному побежать по следу, а другому перемахнуть линию железной дороги и встретить подводу у реки. Может быть, убегающие попытаются спрятаться в Теребиловке. «Где этот рыжий? — сердился про себя Пронька. — Сзади не сопит, отстал трусишка...»

Кузя не хотел отставать от Проньки, но в темноте было страшно, и он вернулся к Васюрке, а тот послал его к дежурному по станции за фонарем. Теперь с подвала Васюрка не спускал глаз, там находился чужой человек — его нельзя было прокараулить.

На выстрел прибежали из депо Прейс и Мокин. Чекист спросил, в чем дело, вырвал у Кузи фонарь, взвел

курок нагана и застучал армейскими сапогами по ступенькам лестницы.

— Ко мне! — крикнул он через минуту.

На маленькой площадке перед дверью склада лежал Храпчук с кляпом во рту, он был без сознания. К нему привалился и стонал соучрабовец Кикадзе. На каменном полу валялись молоток и зубило. Тяжелый засов и замок еще не были сломаны...

Подвода мчалась к переезду. В том месте, где кончается забор товарного двора, один мужчина на ходу спрыгнул с телеги и быстро начал подниматься по лестнице, ведущей на Набережную улицу к церкви. На верхних ступеньках его встретил окрик.

— Кто идет? Пароль?

Не отвечая патрульным, неизвестный перемахнул через перила лестницы и запрыгал по косогору. Тимофей Ефимович выстрелил ему вдогонку, почти одновременно разрядил винтовку и Костя. Неизвестный шумно рухнул и, медленно переваливаясь, покатился вниз.

Фонарь, светивший за забором товарного двора, помог бежавшему по дороге Проньке разглядеть человека, неподвижно лежавшего у телеграфного столба.

— Сюда! — закричал Пронька.

Как только по косогору спустились Тимофей Ефимович и Костя, Пронька заторопился дальше к переезду.

Против церкви помещался приемный покой. Прейс и Мокин принесли сюда Храпчука, у него была проломлена голова. Пока дежурный фельдшер приводил старика в чувство и перевязывал рану, Тимофей Ефимович и Костя с трудом втащили свою добычу. Беглец был мертв. Пятна крови на его сером костюме смешались с землей. Убитого положили на лавку в коридоре. Костя заглянул ему в лицо и вздрогнул.

— Папа, это «белая акация»!

Костя и на этот раз не обознался. Тимофей Ефимович нагнулся к штабс-капитану Орлову. Правая щека каппелевца больше не дергалась.

— Вот и встретились, да поговорить не пришлось!..

Кикадзе, оглушенный при падении от Васюркиного пинка, на свежем воздухе быстро пришел в себя. Посланная из штаба связная Вера Горяева настояла на том, чтобы ему связали ремнем руки. Васюрка, по приказу Зновы, оставался часовым при оружейном складе.

а Вера и Кузя повели соучрабовца в штаб. Вера не могла удержаться и заговорила с арестованным:

— Помнишь, сладкоежка, наши ребята в прошлом году осенью поймали тебя около аптеки? Ты тогда хотел у Кости Кравченко винтовку раздобыть... О чем тогда трепался?

Вера слезливым тоном представила, как оправдывался Кикадзе: «Мама послала за каплями датского короля».

Допрос продолжался:

— Скажи, член соучраба, какое лекарство искал ты сегодня у склада оружия? Тебя мама послала? А какой дядя приходил вместе с тобой?

Кикадзе отмалчивался.

— Ему надо сахару дать, а так он неразговорчивый! — заметил Кузя...

Пронька вернулся в нардом на подводе. Путевой сторож объяснил ему, что переезд был закрыт, лошадь остановилась у шлагбаума. Человек, сидевший на телеге, бросил вожжи и скрылся в темноте. Так Проньке представился случай не идти пешком, а ехать...

В штабе то и дело появлялись патрульные, они сообщали командиру Знове обо всем, что случилось. Ленька Индеец сидел у лампы-коптилки, мучаясь от зависти. Сколько ночных приключений, а он все время находится в штабе, как боец резерва. Он никого не догонял, ни разу не выстрелил хотя бы вверх. Не везет ему в жизни. Скоро исполнится шестнадцать, а там, глядишь, и старость подойдет. О чем же он будет рассказывать детям и внукам, если сейчас не сотворит ничего интересного? «Бабам счастье так и лезет в руки, — возмущался в душе Ленька, — Верка Горяева и то доставила в штаб задержанного Гогу Кикадзе...» Ленька жалел, что ему не довелось поехать вместе с Федей-большевичком и Сеней Широких поближе к маньчжурской границе, вот где можно набраться впечатлений — на много лет хватит рассказывать, даже нисколько не преувеличивая...

* * *

Письмо давалось Сене с трудом. Он долго что-то шептал про себя, затем смачивал коротенький химический карандаш кончиком языка и старательно перено-

сил на бумагу придуманные слова. Написав одну-две строчки, снова шевелил губами...

В широкие окна общежития коммуны из-за облаков хлынуло солнце. Луч скользнул по стене, пересек портрет Карла Маркса, упал на стол, задержался на Сениной шее, пощекотал ее. Сеня поднял голову и глубоко вздохнул. В огромной комнате пахло сенокосом оттого, что по некрашеному, выскобленному добела ножами полу девчата разбросали свежую траву. Сеня нагнулся, поднял зеленый стебелек, зажал его в зубах. Запах травинки смешался во рту с горечью химического карандаша. Сеня сплюнул под стол, посмотрел на недописанное письмо, перечитал его. Главное еще не сказано...

Бойцы пригнали с водопоя лошадей, двор коммуны наполнился топотом и ржанием. В общежитие вошел Федя. Бросив на кровать фуражку, он остановился перед прибитым в простенке осколком зеркала. «Искупался большевичок», — догадался Сеня, наблюдая за тем, как Федя прихорашивал свой мокрый, вьющийся колечками черный чуб. А Федя видел товарища в зеркало.

— Небось Лене писульку строчишь?

— А то еще кому же!

Сеня, торопясь, рассказал о своей радости. Он получил письмо. Невеста держит свое слово, она бросила петь на клиросе. Пишет, что регент приходил уговаривать ее, но Лена при родителях спела ему веселую песенку о том, как Сергей-поп, а с ним дьякон, пономарь и звонарь — все Сергеи, Матрена Сергеевна, да вся деревня Сергиевка хвалили комсомольцев, называли их молодцами. Регент убежал, отец весь вечер ругался, мать плакала. Лена теперь хочет знать, не пора ли ей приехать к Сене.

— Ну, и что же ты? — спросил Федя, усаживаясь за столом напротив.

— Да не знаю, война с бандитами еще не кончилась.

Федя укоризненно покачал головой, его мокрый чуб свалился на лоб.

— Жди, когда она кончится, эта война! Поседеешь! Ты вот что! Пиши!..

Сеня послюнявил карандаш, склонился над бумагой.

— Пиши! — диктовал Федя. — Любезная моя Ле-

ночка! Сердце коммунара разрывается на части от разлуки с тобой. Приезжай без всякой волынки!..

Сеня усердно водил карандашом. Каракули косо разбегались по листу. Когда Сеня поставил свою подпись, Федя сказал:

— Тебе здорово повезло!

— Еще как! — улыбнулся Сеня. — Знаешь, какая, она, Лена-то!

— Да я не про то!.. Тебе повезло потому, что я рядом. Я ведь давным-давно обмозговал, как провести комсомольскую свадьбу. Берег этот план для Мити Мокина, да уж ладно, пользуйся моей добротой, бери себе!

И Федя стал излагать свой план:

— Запрягаем, значит, коней тройками и с бубенцами катим в ревком!..

— Погоди ты! — испугался Сеня. — Выходит, что все по-старому. Нельзя так!

Федя убрал со лба чуб.

— Недокумекал я тут... Ну, тогда весь эскадрон в пешем строю пойдет, ты с Леной в первой шеренге. Банты вам красные приколем. Законный брак оформим — и в коммуну.

Федя оглядел стол:

— Одного маловато будет, принесем еще из девичьей половины. Эх, и гульнем!..

— И речи будем говорить? — забеспокоился Сеня.

— Твое дело целоваться с невестой! — осадил его Федя. — А речи будут от укома партии и комсомола, от женотдела, от кооперации, от штаба ЧОН и от бывших красных партизан. После речей, конечно, подарки молодоженам. Я вам люльку-качалку смастерю.

— Это зачем? — удивился Сеня.

— Не прикидывайся маленьким, жених! Где двое, там появится третий — в капусте ребеночка найдете!

— Согласен! — Сеня покраснел. — Мы его, знаешь, как назовем? Гертруд! Герой труда!

— А если девочку найдете?

— Тогда будет Революция!

Федя подумал.

— Можно и так!.. Слушай дальше! Рыбы в Шилке неводом поймаем, картошки свежей накопаем. Чаю подадим с сахаром!

— Сахару нету! — возразил Сеня.

К стр. 221.

— Будет! Бандитов где-нибудь разобьем, у них сумки к седлам со всяким добром приторочены. В крайнем случае сахарину маньчжурского добудем! За столом мы с Леной песню затянем.

— Ты с Леной? — удивился Сеня. — А я куда денусь?

— Ты же мастер плясать! Вот и выделывай все двенадцать колен с подковыркой!

— Люблю плясать! — тихо засмеялся Сеня. — Хорошо бы под гармошку с бубном. Я один раз на вечерке...

— Тревога, ребята! По коням! — крикнул со двора в окно дежурный по эскадрону.

Федя перепрыгнул через стол, схватил на кровати фуражку, кинулся к пирамиде за винтовкой. Сеня сунул под подушку письмо и выскочил во двор вслед за Федей...

Недалеко от города обнаружена банда. Из-за границы вырвалось десятка полтора казачьих офицеров. Все они раньше проживали в Сретенске, имеют там родственников, пробрались сюда, чтобы пакостить. В лесу офицеры напали на городских девушек, собиравших ягоды, избили их, изгалялись над ними, замучили до смерти сестру одного комсомольца. По данным разведки банда прячется в ближайшем селе.

В лощине Фадеев остановил эскадрон, приподнялся на стременах.

— Готовьтесь к бою, коммунары!

Дальше двинулись двумя группами. Одну по прибрежным кустам повел сам Фадеев, другую лесом — Федя Комогорцев. У них план: взять белых офицеров в кольцо.

Среди бойцов, которых принял Федя-большевичок под свое командование, был и Сеня Широких. Он крепко держался в седле и считал себя вполне обстрелянным коммунаром. Во всяком случае не думал, что придется встретиться со смертью один на один. Понюхав пороху в недавнем бою с богатыревцами, когда у бандитов отбивали попавших к ним комсомольцев, Сеня уже не испытывал страха. Теперь ему хотелось одного: пусть бы Лена увидела, как он, чуть прищуриваясь от встречного ветерка, мчится на горячем коне — в левой руке повод, в правой зажата казачья шашка, а за пле-

чами колотится о спину винтовка. Мысли у Сени прыгают... Ему кажется, что невеста стоит на поляне и машет ему вслед полученным письмом. А через полминуты скачущих впереди бойцов он принимает за свадебный поезд... «Так красивее, чем в пешем строю... В лошадиные гривы ленты бы вплести». Потом картина вдруг меняется... Сене кажется, что Лена вместе с другими девушками собирала ягоды, беляки поймали ее и сейчас издеваются над ней, она зовет на помощь...

Кто-то уже предупредил банду о том, что из города выслан эскадрон. Как только Федина группа, обогнув село, вырвалась к берегу реки, засевшие на мельнице и вокруг нее офицеры открыли огонь из револьверов и карабинов. Сразу же были убиты две лошади, у Феди сбита с головы фуражка. Сеня пришпорил коня, оторвался от группы. Он хотел объехать мельницу. В черемуховых кустах мелькнула фигура, должно быть, кто-то из бандитов струсил и решил спасаться бегством. Заметив погоню, беляк выстрелил, но промахнулся, второй раз передернуть затвор не успел, и Сеня взмахнул шашкой. На этот раз он рубил не тонкую лозу во дворе коммуны, а живого врага. Повернув лошадь, разгоряченный Сеня вымахнул из кустов к мельничной ограде. За старым сломанным жерновом лежал офицер, всадник перед ним как на ладони. Бандит вскинул карабин. Пуля пробила луку седла и попала Сене в низ живота. Парень без крика склонился на шею коня, но тот метнулся в сторону, и седок свалился на землю. Сеня уже не видел короткой атаки, не слышал выстрелов и криков...

Отступать офицерам было некуда. Федина группа прижала бандитов к реке, а на берегу устроили засаду коммунары во главе с Фадеевым. Белых рубили безжалостно, в плен взяли только двоих...

Сеню повезли на лодке к деревенскому фельдшеру. Он лежал без стона и жалоб, зажимая ладонями рану. Кровь обильно смочила одежду, выступила между пальцами. Голову раненого поддерживал Федя. Узнав его, Сеня пытался улыбнуться и тихо сказал:

— Ничего, до свадьбы заживет...

На середине реки он умер...

Вечером в общежитии Федя достал из-под подушки неотправленное письмо, прочел его вслух всем комму-

нарам, потом добавил от себя несколько строк. На конверте, склеенном из газеты, написал адрес Мити Мокина.

Во дворе строгали доски для Сениного гроба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ГЛЯДИ В ОБА!

В субботу Петухов приехал с сенокоса, долго парился в бане, обливался потом у самовара, а после чаепития уселся перед открытым окном. Темень сгущалась. По улице недавно прогнали стадо, и пыль, окрашенная заревом заката, еще висела над дорогой и домами. Во дворах женщины покрикивали на коров, в огородах скрипели колодезные журавли, на церковной колокольне звонили к вечерне.

Прислушиваясь к шуму летнего вечера, Петухов мял зажатую в горсть бородку. Его беспокоило одно обстоятельство. На днях он спрятал в зимовье человека. «Не дай бог, комсомольцы пронюхают, тогда ни ему, ни мне мало не будет...»

Редкие прохожие кланялись богачу. Отвечая им едва заметным наклоном головы, он мыслями был в зимовье. «Вот маленько утихнет суматоха, я его в Петровск увезу, пускай по железке удирает куда-нибудь подальше...»

Из переулка показались двое. Присмотревшись, Петухов узнал деревенского гармониста и Анну Гречко. «Эти не поздороваются»... Перед домом купца гармонист растянул трехрядку, заиграл «подгорную». Анна нарочно громко пропела частушку:

Неказисты мы и серы,
Но ведем борьбу к концу.
Офицеры да эсеры
Нам ни к месту, ни к лицу...

«Сама холера сочиняла», — подумал об учительнице Петухов, и ему сразу стало не по себе. «Эта зловредная бабенка, как рыбья кость в горле торчит». Он приподнялся с табурета, наскоро прикрыл створки окна,

сбросил с плеча на цветы мокрое полотенце и, шлепая большими галошами, надетыми на босу ногу, вышел на крыльцо. Гармошка удалялась по улице, голосила «подгорную». Петухов повернул голову в ту сторону, не поет ли Анна. «Она и музыку в комсомол переманила...»

Под навесом две батрачки доили коров. В глубине обширного двора сыновья снимали с телеги и складывали треугольником у забора белые, сильно пахнущие сосной драницы. Петухов крикнул:

— Никишка, принеси-ка мне фунтовую гирю!

Рябой парень сбросил на землю почерневшие от смолы холщовые рукавицы, вразвалку поплелся к амбару. Петухов взмахом руки подозвал к себе старшего сына, насмешливо прозванного в деревне Мизинчиком за большой рост, что-то тихо сказал ему, подавая пустую четверть. Братья столкнулись в дверях амбара. Мизинчик взял у Никишки заржавленную гирю и протянул ему четверть.

— Нацеди квасу!

Как только Никишка удалился от порога, тяжелая, с железным кольцом дверь захлопнулась. Лязгнул тяжелый засов. Никишка все понял: его заперли потому, что не хотят пустить в клуб, там сегодня красная вечерка. Стучать и кричать бесполезно, придется ночевать вместе с крысами...

* * *

Осиновский священник не раз говорил деду Ефиму, чтобы он не ходил в клуб, называл его еретиком, так как всякий, кто перешагнет порог антихристова дома, продает христову веру. Ефим крутил белой бородой и возражал пастырю: «Божий храм я сторожу исправно, а за клуб с меня на том свете спросят». Его по-прежнему интересовали все затеи учительницы. Даже на летние каникулы она никуда не уехала — так заела ее работа в ячейке и клубе. Надолго ли хватит у нее пороху — вот в чем вопрос.

По окончании вечерней службы он закрыл церковь, сунул за пояс большой, похожий на револьвер ключ и отправился в клуб. Анна читала вслух газету «Боец и пахарь». Старика радовало, что народоармейцы бьют Унгерна. Так и надо барону. Говорят, он из немцев, а немцы убили на фронте единственного сына Ефима.

Пение тоже нравилось церковному сторожу. Разучивали «Интернационал». Мотив в Осиновке все знают, а слова — никто. Случилось же однажды на сельском сходе: Анна начала гимн, а поддержать ее было некому. Сейчас Анна стояла на сцене, произносила один куплет, взмахивала по-дирижерски руками, и все пели. Ефим шевелил губами, не подавая голоса. Когда дошли до того места, где сказано, что работники всемирной, великой армии труда владеть землей имеют право, а паразиты никогда, старик попросил объяснить, кого в Осиновке можно причислить к паразитам. Немного поговорили на эту тему, перебрали богатеев, в том числе и Петухова. Потом повторили все куплеты.

Пение сменилось чтением рассказа Чехова «Канитель». Читала Анна выразительно, подражая голосам героев. Всем представилась церковь. На клиросе с пером в руках стоит дьячок Отлукавин. Перед ним две бумажки. На одной написано: «О здравии», на другой: «За упокой». Около клироса старушка. Она называет много имен, путает живых с мертвыми. Дьячок пишет, зачеркивает, сердится...

Больше всех хохотал дед Ефим.

— Ты бы, Васильевна, дала мне эту книженцию, я ее батюшке покажу. У нас похлеще бывает...

Андрей Котельников показывал фокус. В руках он держал скрученную вдвое белую нитку, к ее нижнему концу была привязана маленькая пуговица. Фокусник попросил деда Ефима поджечь нитку. Огонек быстро поднялся от пуговицы до Андрюшкиных пальцев. Фокус удался: нитка сгорела, а пуговица какое-то время еще висела в воздухе. Секрет от публики не утаили. Нитка смочена в густом растворе соли и высушена. Она сгорела, а соль осталась, она и держала пуговицу.

Дальше по программе предполагался конкурс плясунов. Кто лучше спляшет, тому приз — книга рассказов Чехова. Сдвинули к стене скамьи. Гармонист начал плясовую. Опережая молодых, дед Ефим уточкой выплыл на середину круга.

— Держите меня, а то приз будет в моем кармане!..

Он лихо топнул, повертел носком правой ноги, что означало вызов желающему поспорить в мастерстве пляски. Но в эту минуту в клуб с криком и свистом ввалилась ватага пьяных парней и мужиков, многие были

с кольями в руках. Вечерка притихла, круг рассыпался. Из толпы нежданных гостей выступил Петухов. Не отходя от дверей, он коротким, полусогнутым пальцем поманил к себе гармониста. Тот передал Анне трехрядку и покорно подошел к лавочнику. Петухов толкнул его в сени. Послышались удары и ругань.

— Забудь сюда дорогу, паршивец! — кричал Петухов.

Анна рванулась к дверям, но Андрей схватил ее за руку.

— По твою душу явились... За сценой окно открыто, беги с гармошкой!..

Вся пьяная орава ринулась в зал. Дед Ефим выхватил из-за пояса церковный ключ и кинулся на Петухова.

— Назад, паразит! Это тебе не старая власть. Лишь мы, работники всемирной...

Его сшибли с ног и волоком вытащили на крыльцо. Размахивая кулаками и кольями, петуховские наемники выгоняли парней и девушек на улицу. Сам Петухов, не найдя Анны, гонялся за Андреем, старался ударить его, но не мог достать — секретаря ячейки окружили девушки и принимали на себя петуховские кулаки. Тогда купец схватил небольшой стол и сгрудил защитниц вместе с Андреем к дверям. Девушек из сеней вытолкали, но Андрея вернули в зал. Петухов пнул его в живот и ударил по голове зажатой в руке гирей. Кто-то бросил фуражку в лампу, зазвенели осколки стекла...

Пока Анна добежала до своей квартиры, взяла винтовку, спрятала на сеновале гармошку да свернула в переулок к избе председателя ревкома Герасима, прошло не менее двадцати минут. С Герасимом она встретилась в калитке. Оказывается, его предупредил дед Ефим. Падая с клубного крыльца, старик повредил ногу, однако все-таки доковылял до местной власти...

В клубе было тихо и темно. Герасим чиркнул одной спичкой, другой. Андрея нашли в углу зала с проломленной головой.

Появились еще два комсомольца с винтовками. Одного Анна отправила за фельдшерицей, другого за подводой.

Андрея привезли домой, он так и не проронил ни слова. Увидев его перевязанную голову, отец во дворе погрозил кому- то в темноту кулаком.

— Мы еще повоюем с этими подлюгами!

Котельников вызвался срочно скакать на разъезд и сообщить на станцию о случившемся. Выезжая на коне из ворот, он нагнулся к предревкома Герасиму.

— Ты, кажись, партячейку сколачиваешь... Запиши меня в сочувствующие!..

В ту ночь Анна легла в постель не раздеваясь. У изголовья стояла винтовка. Какой тут сон, если одна мысль обгоняет другую... Почему не пришел на вечерку Никишка? Не замешан ли и он в грязном деле?.. В клубе разгром. Несколько скамей и суфлерская будка сломаны. Занавес исчез. Портреты изорваны в клочья. Цветы сброшены с подоконников, два окна остались с пустыми рамами... Завтра же устроить воскресник, пусть Петухов не думает, что комсомольцы сдаются... С разбега перескочить новую кочку. С утра собрать всех своих — и за работу! Интересно, Никишка придет?.. Что-то давно нет вестей от Мити. Писем он, правда, не пишет, но приветы с попутчиками иногда передает. Как недостает его сейчас! Посоветоваться бы с ним, поговорить по душам. Слова у него грубоватые, неотесанные, а согревают, успокаивают...

...Это не первая ночь, когда Анна думает о нем. Както старушка хозяйка сказала: «Другие девчата клад свой ищут, а твой сам на длинных ногах приходит. Не зевай!» Самой себе признаться можно: нравится парень. Какой-то он человечный, этот большой тихоня... Анна перебрала в памяти все встречи с ним, припомнила все разговоры. Всегда он казался таким милым, приветливым. Так и тянет к нему. И хочется знать: что увидишь в жизни, если с ним пойдешь,—сплошные кочки или ровную дорогу...

Анна прислушалась к ночным шорохам. Новые мысли кружились роем...

* * *

Митя Мокин и Костя Кравченко составляли план работы ячейки. Семи дней недели им никак не хватало. Взять понедельник. Во-первых, партдень. Комсомольцы на партийном собрании присутствуют в обязательном порядке. Во-вторых, всевобуч, а всеобщее военное обучение на данном этапе для комсомольцев — самое глав-

ное. Одним словом, понедельник тяжелый день. Посмотрели вторник. Опять всевобуч. Не отложишь! Перешли к среде. Занятие естественно-научного кружка. Организовали его недавно, из плана не выкинешь. Инструктор укома в буденновском шлеме так и сказал на собрании: «Песня про попа Сергея — хорошая штука, но одной песней вы религию не одолеете». А что в четверг? Конечно, всевобуч и общее собрание ячейки. В пятницу занятия первой и второй групп политкружка. Суббота тоже занята: всевобуч и потом лекция. Вне очереди может состояться субботник — вдруг дрова из вагонов выгружать понадобится или еще какая-нибудь другая работа подвернется. В воскресенье не обойдешься без воскресника (днем) и живой газеты (вечером). Когда же поставить платный спектакль: нужны деньги для выписки газет безработным комсомольцам. Как выкроить вечер для диспута о боге. А еще...

Хлопнула дверь. Митя и Костя оглянулись. К столу решительно подходила девушка в красной косынке и сапогах. В правой руке свернутые и перевязанные веревочкой тонкое серое одеяло и подушка, в левой плетеная корзинка с крышкой. Положила на скамейку вещи.

— Здравствуйте! Здесь в комсомол принимают?

— Здесь! — ответил Митя и увидел, какие у девушки большие голубые глаза — чистое море.

Голубоглазая из кармана военной гимнастерки достала бумажку, подала ее Мите.

— Запишите меня!

— Это ты Лена и есть?

— Не уберегли вы моего Сеню! — девушка закусила губу, отвернулась.

— Не надо плакать! — тихо сказал Митя.

— Я не плачу! — Лена тряхнула головой. — Винтовку мне дадут? Я хочу на границу ехать!

— Дадут, когда время придет! — Митя взглянул на постель и корзинку. — От родителей, значит, ушла?

— А то как же!

— Мы тут вчера мозговали, — сказал Митя, — жить будешь у Веры Горяевой, в Заречье...

— Она с матерью, у них хорошо! — добавил, улыбаясь, Костя.

Мокин повертел в руках заявление.

— На границу, Лена, не сразу. Шамать-то что бу-

дешь? Мы тебя на телеграф ученицей устроим, жалованье — семь рублей серебром. Пока хватит...

Она забрала свой скарб и ушла в Заречье.

Через полчаса Митя и Костя были на партийном собрании. Прейс докладывал о текущем моменте... Унгерновских шакалов поколотили и прогнали в Монголию. Есть сведения, что барон Унгерн, выслушав отступившего от народоармейцев полковника Казагранди, самолично отрубил ему саблей голову... На территории Дальневосточной республики спокойствия еще нет. Надо смотреть в оба. Отец и сын Кравченко пристрелили каппелевского штабс-капитана Орлова, который вторично появился в поселке в надежде выкрасть оружие из чоновского склада и под видом кооперативного груза отправить его на Амур. Теперь известно, что учитель-эсер, прозванный учениками Химозой, использовал летние каникулы для личной связи с белогвардейской организацией, вместе с Орловым вернулся из отпуска и пытался проникнуть в склад оружия. Он же дал задание члену соучраба Кикадзе, в случае удачного наступления белых с востока, убить нескольких комсомольских активистов. Химоза скрылся и разыскивается... В Осиновке кулаки напали на местный клуб, разогнали молодежь, тяжело ранили секретаря ячейки Андрея Котельникова. Вчера по этому делу арестован лавочник Петухов...

Как всегда, домой с собрания Тимофей Ефимович и Костя шли вместе. Оба они заметили, что эшелона, подготовленного на случай эвакуации семей коммунистов, на последнем станционном пути уже не было.

* * *

Федя-большевичок нанялся в батраки к зажиточному казаку. Надо было поддерживать коммуну, где он ел и пил, надо было подумать и о хлебе для матери. Казак оказался вроде того, который помог комсомольцам спасти от смерти двух товарищей и стрелял с крыши в бандитов. Он увез Федю на сенокос в широкую падь Удыча.

А через три дня Федя попал в сложный переплет.

В полдень хозяин заметил облако пыли на дороге.

— Гляди, Федька, какой-то отряд идет! Может, банда, а ты комсомолец... Прячься!

Бежать было поздно, и Федя юркнул в балаган. Казак быстро забросал его потниками, шубами, а сверху положил еще хомуты и седло.

Отряд свернул к некошеной траве покормить лошадей. К балагану подъехал один всадник.

— Здорово, станишник!

— Здорово, служба!

Заваленный одеждой и сбруей, Федя слушал едва доносившийся до него разговор и понял, что хозяин и приезжий давно знакомы. «Пропал я теперь».

А беседа около балагана продолжалась.

— Откуда едете? — спросил казак верхового. — Вроде бы из-за границы?

— Сейчас нет... Тут недалеко красноперые потревожили нас малость, мы к родным местам подались.

Всадник спешился и сказал:

— Говорят, тут у тебя комсомолия какая-то работает.

Федя замер под поклажей, стараясь услышать ответ хозяина.

— Есть один шпингалет... Недавно я его домой за харчами отправил... А вы не боитесь, что коммунисты накроют вас?

— Чего бояться?! — отозвался бандит. — Атаман за границей большое войско собирает, а мы пока здесь отсидимся. Ты бы, станишник, дал мне коня какого получше!

Казак заупрямился.

— Я же батрака на гнедке домой за провиантом отправил, а рыжку моего ты знаешь — молодой да уросливый!

Приезжий вздохнул.

— Худо дело! Придется где-то в другом месте лошадку добывать!.. Ну, давай хоть сливанчику попьем!

И, не дожидаясь приглашения, направился в балаган. Хозяин, озираясь по сторонам, шагал следом. Он еще утром отправил племянницу пасти лошадей в кустах у реки и теперь боялся, как бы девушка не вернулась, тогда обман откроется.

Бандит прошел в конец балагана и опустился на

седло. Федя чуть было не вскрикнул от навалившейся на него тяжести. Дышать стало труднее.

Попивая из большой деревянной чашки чай, бандит расспрашивал казака о житье-бытье в станице. Тот отвечал коротко и сбивчиво. Видно, что он нервничал: племянница могла вот-вот пригнать лошадей к балагану.

У Феди душа ушла в пятки. Кто его знает, этого хозяина. На словах добрый, а может быть, уже перемигнулся с бандитом, вот сейчас выволокут на поляну — и сверкнет над комсомольской головой острая шашка. Задыхаясь под здоровенным «седоком», Федя боялся шевелиться.

Часто выглядывавший из балагана хозяин вдруг проговорил:

— Кажись, ваши в путь собираются. Поспешай, служба!

Бандит допил чашку и поднялся с седла. Когда он отъехал, казак сбросил с Феди все пожитки.

— Ну как, комсомолец, не заикаешься с перепугу?

Федя тяжело дышал, вытирая рукавом потное лицо. Хозяин перестал смеяться.

— Дуй в город, скажи своим, что банда Богатырева у нас шляется. Мне она тоже покоя не дает!

Пошли в кусты. Федя вскочил на гнедуху и погнал ее в Сретенск... В коммуне рассказал все по порядку. Но ему не поверили...

— Банда Богатырева ушла за границу! — утверждал Фадеев.

— Да вы что, дьяволы! — выходил из себя Федя. — На мне бандюга полчаса сидел, чуть не задавил совсем, а вы...

Бойцы собрались по тревоге и выехали в падь Удыча.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

НЕДЕЛЯ СУХАРЯ

Осень серебрилась инеем на траве и крышах, размахивала над озерами окрепшими крыльями утят, шуршала сухими листьями на дорогах.

Дальневосточная республика убирала урожай, оберегая его от налетов врага. По утрам крестьянин выез-

жал в поле не только с косой и серпом, на телегу он клал винтовку или бердану. А в газетах все чаще и чаще появлялись сообщения о большой беде в Советской России: голод в Поволжье.

На станцию прибыла передвижная выставка. В фойе нардома были развешаны фотографии: выжженные солнцем черные пашни, исхудавшие люди, человеческие кости в чугунках и мисках. Посетители рассматривали «хлеб» из лебеды и древесной коры.

Из пораженных засухой губерний везли истощенных детей. Всюду создавались Компомголы — комитеты помощи голодающим.

В поселковую ячейку приехал инструктор укома в буденновском шлеме. Он отменил назначенное на вечер занятие естественно-научного кружка и созвал экстренное комсомольское собрание. На повестке дня стоял один вопрос: «О проведении недели сухаря».

* * *

Мать подала на стол вареный картофель, подошла к вешалке, поискала что-то в карманах шинели.

— Митя, где же твоя рыба?

Паровозникам ежедневно выдавали в депо полфунта кеты. Кочегар всегда приносил паек домой, и мать привыкла к этому, но сегодня карманы шинели оказались пустыми.

Митя вышел на кухню из своей комнаты с газетой в руках.

— Мама, кеты пока не будет!

За ужином, запивая картошку чаем, он рассказал о голоде на берегах Волги и о том, что на ячейковом собрании предложил передать в фонд голодающих недельный паек кеты. Все комсомольцы-паровозники поддержали его. «Что это мама не ест, — гадал Митя, счищая тоненькую кожуру с молоденькой картофелины, — неужели мой паек пожалела?» Женщина действительно не прикасалась к еде, часто вздыхала. Не допив чай, она вышла из-за стола, открыла на комоде шкатулку, среди пуговиц нашла два золотых кольца и возвратилась с ними к столу.

— Отнеси их Блохину, а то кусок в глотку не лезет!

Митя все понял. В его отсутствие мать читала газе-

ту, а в ней была напечатана заметка о том, что читинские комсомольцы сдали в комитет помгола все предметы роскоши: кольца, брошки, серьги. Значит, мать хочет, чтобы золото обратилось в хлеб. Митя ничего ей не сказал, молча завернул кольца в обрывок газеты и положил в карман гимнастерки. Завтра он передаст материнское пожертвование председателю поселкового комитета помгола Блохину.

На другой день началась неделя сухаря. В семье Кравченко она вызвала новые заботы и хлопоты. Утром Костя, теребя вихор, ходил по комнате и зубрил роль студента-подпольщика. Ячейка через три дня будет ставить платный спектакль в пользу голодающих, времени на подготовку очень мало, а студент в пьесе — главное действующее лицо. Костя стал на табурет, представил себя на перевернутой бочке среди заводского двора, обратился с речью к воображаемой толпе рабочих.

— Пусть трепещут тираны. Революция грядет! Мы несем красный стяг свободы!..

От большого монолога даже в горле пересохло. Костя захотел пить. На кухне мать вынимала из печки железные листы с темно-коричневыми, местами подгоревшими кусками ржаного хлеба. Наверное, Косте придется нести сухари в комитет помгола, все равно скоро надо идти в нардом на репетицию. Большая семья кондуктора Кравченко получала норму муки по заборной книжке в магазине транспортного потребительского общества, хлеба редко хватало от получки до получки. Вчера мать испекла несколько ковриг и одну оставила на сухари. Костя вспомнил об этом и подумал: «Сами ремешки потуже затянем, а Поволжью кусок дадим».

Вернулся из поездки отец. Чем-то взволнованный, он отодвинул поданный ему чай, обратился к жене.

— Слыхала, из Совроссии детишек привезли. Бледные, худые — в чем душа держится.

На глазах матери Костя заметил слезы и поспешил успокоить ее:

— Их, мама, по домам разбирают.

Тимофей Ефимович добавил:

— Будут держать самое малое до нового хлеба. И правильно делают. Я так соображаю: где пятеро, там и шестой прокормится.

Мать вытерла слезы краем фартука.

— Бери одного, Тима, не задавит!

Костя позвал со двора четверых своих братишек и сестренок. Им сказали о желании принять в семью одного едока из России. Ребятишки обрадовались, запрыгали.

— Возьмем голодненького!

— Вам хлеба меньше достанется! — сказал Тимофей Ефимович.

Самый младший достал из кармана хлебную корку и положил ее на стол.

— А мы куски не будем таскать, и всем хватит!

К обеду Тимофей Ефимович привел со станции стриженого, круглоголового, белесого татарчонка лет 11—12. Мальчик, держась за руку Кравченко, глядел на всех потухшими серыми глазами. Он плохо говорил по-русски, но его хорошо понимали.

— Как тебя зовут? — спросил Костя.

— Дуфар! — едва слышно ответил сразу ставший своим гость из неведомой забайкальским ребятишкам Уфимской губернии. «Дуфар Кравченко», — произнес про себя Костя.

Скоро Дуфар на равных правах сидел за столом. Дети отламывали ему хлеб от своих кусков, наперебой предлагали мятую картошку. После обеда водили Дуфара в огород, совали ему в руки стручки гороха и морковь. Скоро во двор Кравченко привалили ребятишки чуть не со всей улицы. Должно быть, в сыщики-разбойники играют дети всего земного шара. Дуфар впервые за несколько часов улыбнулся и побежал за поленницу прятаться. Потом мальчишки и девчонки стали просить Дуфара что-нибудь спеть. Он оглядел своих новых друзей и вдруг запрыгал, напевая:

Бас кызым апипэ
Син басмасан
Мин басам

Ребята ликовали, хотя и не понимали татарских слов. Забыв свое горе, Дуфар пел народную плясовую. В песне говорилось:

Танцуй, дочь моя!
Если ты не будешь,
Я буду танцевать!

В окно на детвору поглядывал Тимофей Ефимович. «Надо Дуфарке обутки справить».

Вечером в доме Кравченко дети называли по-татарски отца и мать, просили хлеба и даже пели: «Бас кызым апипэ...»

* * *

Вера и Костя стояли рядом, опираясь на перила. Когда кто-нибудь с одного или другого конца заходил на мост и не пришитый гвоздями деревянный настил начинал греметь, юноша и девушка отодвигались друг от друга. Потом, проводив глазами пешехода, оказывались снова плечом к плечу.

Было уже поздно, от реки несло холодом. Вера продрогла в легкой кофточке, но уходить домой ей не хотелось. В реке, как в зеркале, видно чистое небо. Глубоко нырнула луна, ее отражение качалось, рвалось оттого, что ветерок рябил воду. Звезды из мерцающих точек превращались в продолговатые запятые. Вера смотрела на эту картину и думала о твердой точке в своей жизни. Мысли расплывались... Нынешней осенью пошла она в последний класс школы. А что ждет ее впереди? Будущее вырисовывалось неясно. Веру могут принять на работу в участок пути. Можно пойти, как Лена, на телеграф. А мать советует поступить приказчиком в потребиловку, там работа чистая и для себя можно кусок выкроить. Митя Мокин на комсомольском собрании толковал о другом. Надо быть ко всему готовым. Вдруг Третий Коммунистический Интернационал пошлет комсомольцев в Америку или Африку, должен ведь кто-то выручать индейцев и негров, не век же сидеть им в кабале у капиталистов. Так можно объездить весь свет. А как же Костя? Вот и запятая. Странно все на земле устроено. Росли по соседству, прошли вместе все классы школы второй ступени, неужели теперь в разные стороны разойтись? Лена живет у Горяевых. Вера по ночам слышит ее плач. Лена не может забыть Сеню. Почему? Жил да был смазчик, шел своей дорогой, как будто совсем чужой для Лены, а случилось что-то такое, и Сеня уже стал не чужой, а родной. Всегда быть вместе—это очень хорошо. Допустим, нет на свете Кости. Без него скучно и даже страшно...

— Костя, ты поехал бы со мной далеко-далеко? — спросила Вера, не отрывая глаз от затонувшего в реке неба.

— Поехал бы! — живо ответил Костя, и Вера почувствовала его дыхание над самым ухом и теплую руку на плече.

— И в неведомые страны поехал бы? — усложнила вопрос Вера.

— Поехал бы! — решительно сказал Костя.

— А почему?

— Не знаю... Так просто! Ты ведь хочешь, чтобы я поехал?

— Хочу! — призналась Вера.

— А почему?

Замолчала Вера. Внизу, разбиваясь о сваи, булькала вода. Костя ждал ответа. Ему тоже не хотелось уходить с моста. По небосводу покатилась звезда.

— Кто-то умер! — тихо сказала Вера. — Чья-то звездочка закатилась!

— Бабушкины сказки! — поучающим тоном заметил Костя.

— Мама всегда так говорит! — оправдывалась Вера.

— Все равно бабушкины сказки! — настаивал Костя. — Теперь много людей умирает от войны, от болезней, от голода. Звезд на небе не хватит, если за каждым покойником падать им с неба!

Вера осторожно повернулась лицом к Косте, боясь, чтобы он не убрал руку с ее плеча.

— Поедем, Костя, в Совроссию голодных спасать?! Я люблю, где опасно!

— Что ты там есть будешь?

— Что все, то и я!

— Всем еды нет. Одним голодающим больше будет, а если и я с тобой, то двумя. Зачем же туда ехать!

Больше ни о чем Вера не спрашивает, Костя всегда убедительно говорит. Он такой же, как его отец Тимофей Ефимович. Это оттого, что они читают много книг. Вера слышит, как Костино сердце отсчитывает удары, и сильнее прижимается головой к его груди. Сколько же сейчас времени? А кто его знает! На станции прокричал паровоз. Из-за мыса выплыла лодка, на ее носу, на железной «козе» костер. Кто-то лучит рыбу...

К стр. 251.

— Вера, почему ты хочешь, чтобы я поехал с тобой далеко-далеко?

— Не знаю!.. Так просто!..

* * *

Подвода двигалась медленно. Пронька держал в руках вожжи, но лошадь не подгонял. Пусть все читают прикрепленный к дуге плакат: «А ты помог голодающим?» На телеге сидел Дуфар. За подводой шел Кузя. На мир он глядел невесело. Вчера у него состоялся неприятный разговор с Пронькой по поводу недели сухаря. Когда написали плакат, Кузя сказал: «А что сами будем жевать? Зубы на полку положим?» Пронька рассердился, накричал на Кузю: «Жадюга ты!.. В твоей голове сознательность и не ночевала, а еще комсомолец!» Убегая домой, крикнул Кузе в сенях: «Игоист!» Откуда он взял такое слово, что оно значит? Весь вечер Кузя не выходил из дому, разговаривал с самим собой, присаживался к столу — то ли сочинял, то ли заучивал что-то. Помирились друзья сегодня рано утром. Кузя пришел к Проньке и откровенно сказал: «Это я по сугубой несознательности ляпнул!.. Скоро поедем для голодающих собирать? Знаешь, как я подготовился!..» Пронька, конечно, не будет больше злиться, но на душе у Кузи противный осадок. Искоса поглядывая на товарища, Кузя что-то шептал про себя, должно быть, повторял заученное вчера...

Подвода остановилась на перекрестке улиц. Быстро собралась небольшая толпа. Пронька заговорил:

— Товарищи! В мире есть царь, этот царь беспощаден, голод название ему! Товарищи, на Волге голодают советские люди. Поможем им, товарищи!

Пронька показал рукой на Дуфара.

— Товарищи! Голод протянул к детям свою костлявую руку и хочет задушить тех, кто будет строить коммунизм! Ударим по руке царя Голода, товарищи!

Дуфара обступили женщины, спрашивали, откуда он, живы ли родители, как он переносил голод. Мальчик, с трудом подбирая русские слова, рассказывал о том, как летом в деревне, где он жил, люди ели крапиву и разную сорную траву. В семье первым не выдержал исто-

щения дедушка, затем слегла в постель и не встала мать. Дуфара в числе многих других детей увезли в Уфу, оттуда отправили за Байкал...

Разговаривая с Дуфаром, женщины плакали, убегали в избы, приносили в фартуках, ведрах и ситах картофель или сухари. Пронька деловито все записывал. Мешки наполнялись.

— Теперь, товарищи, будет говорить товарищ Кузьма Иванович Зыков!

Кузя забрался на телегу, потер переносицу и начал громко декламировать:

Недород окаянный гуляет,
Зной поля и луга погубил,
Голодный люд убегает
Без надежды, без средств
и без сил...

Толпа плотнее окружила подводу. Кузя снял фуражку и продолжал:

Слушай—стоны слышней да
слышнее,
Голод беженцев гонит в наш
край,
Пролетарий, смыкайся теснее
И несчастным живей помогай!

Кто-то из мастеровых крикнул:

— Складно получается! Молодец, Рыжик!

Это еще больше воодушевило Кузю. Он нагнулся к Дуфару, взял его под мышки и поставил рядом с собой. Стихотворение читалось легко, с подъемом.

Но сначала любовь и вниманье
Голодающим детям отдай,
Позабыть помоги им страданье,
Накорми их, одень, согревай.

Тут Кузя сделал маленькую передышку, взмахнул фуражкой, последние строки стиха произнес громче, чем предыдущие:

И ребяческим смехом янтарным
Побежден будет стон роковой,
Власть Советов на подвиг
ударный
Всех зовет,
Марш же с голодом в бой!..

Пронька шевельнул вожжами, подвода тронулась, толпа двинулась следом, все увеличиваясь и увеличиваясь...

На другой улице задание ячейки выполняли Васюрка и Ленька Индеец. Они остановили лошадь около дома машиниста Храпчука. Летучий митинг открыл Васюрка:

— Все должны помогать голодающим. Вот мы с братишкой целую неделю не будем есть вечерами потому, что я отдал свой трехдневный заработок на борьбу с голодом!..

Более обстоятельную речь произнес Ленька. Она была первой в его жизни и очень удивила жителей Заречья. Давно ли сын смазчика Карасева бегал босиком, играл в бабки и лапту, лазил в чужие огороды, а сейчас как взрослый говорит о серьезных делах.

Ленька только что вернулся из школы, поэтому поехал с Васюркой в своем обтрепанном японском кителе, казачьей фуражке и новых ичигах. Речь, написанную Костей Кравченко, он выучил заранее, но, увидев перед собой людей, оробел. С минуту переминался с ноги на ногу, потом заговорил громко и спокойно. Слушали его с большим вниманием. Как же, Ленька — и вдруг такая речь! Машинист Храпчук стоял в толпе среди соседей и, кивая на оратора, тихонько говорил:

— Был Ленька, да весь вышел! После революции это — комсомолец, государственная башка. Как толкует, как толкует, чертенок!..

Ленька выкрикивал с телеги:

— Что я вам скажу... Друзья познаются в беде. Не забывайте, что в первой половине этого года Совроссия из своих скромных запасов выкроила по-братски для Дальневосточной республики...

Цифры он знал наизусть.

— Хлеба 74 тысячи пудов, соли 7800 пудов, овса 11216 пудов. Разве мы теперь не поможем России? Поможем!..

Костя и Вера ходили по избам. По совету Блохина, они рекомендовали всем побывать на фотовыставке в нардоме, объясняли, что комитет помгола принимает не только продукты, но также золотые и серебряные вещи, их продадут и на вырученные деньги купят в деревне хлеб. Вера заносила в подписной лист фамилии, а Костя складывал в железную коробочку серьги, брошки, кольца.

Шла неделя сухаря...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ТЕМНЫЕ СИЛЫ

В то сентябрьское солнечное утро Андрей Котельников шел по улице Осиновки без фуражки. Рана на голове заживала медленно. Хотя он и поднялся с постели, но повязку еще носил, по ней секретаря сельской ячейки узнавали издалека.

Из ворот петуховского дома выглянул Мизинчик и крикнул:

— Эй ты, большевистский выродок, скажи своим комсомольцам, чтобы по ночам во дворах не шарили, а то...

— А то что? — остановился Андрей.

Мизинчик презрительно сплюнул сквозь зубы.

— Ежели родитель мой голову тебе только проломил, то я ее совсем оторву и собакам брошу!

— Стоял бы ты в огороде да пугал воробьев, а мы не из трусливого десятка! — огрызнулся Андрей и, не оглядываясь, свернул в переулок.

Еще вчера он вместе с Анной начал писать отчет о работе ячейки. Уком комсомола прислал вопросник, на который надо было дать ответы. Анна уже ждала Андрея, разбирая за столом какие-то бумаги.

— Садись! Следующий вопрос: сколько и чего собрано в пользу голодающих? Ты подсчитал?

Андрей посмотрел на свои записи.

— 73 пуда и 7 фунтов хлеба разного в зерне!

— Маловато! — сказала Анна, откладывая в сторону ручку. — Надо общую сходку собирать, еще поагитировать!

— Прибавь 68 пудиков урожая с комсомольской де-

сятины, наш хлеб тоже в Россию пойдет, а мужиков агитировать боязно. — Андрей обеими руками потрогал перевязанную голову. — Перегнули мы вчера палку!

Прошлой ночью вооруженные винтовками комсомольцы действительно пошарили по дворам и огородам односельчан. Ячейке было известно, что многие жители гонят самогон. Предревкома Герасим, как он сам выразился, благословил комсомольцев на борьбу с зеленым змием. Отбиваясь от злых собак и вступая в перебранки с хозяевами, комсомольцы обыскали бани и сараи. Самогонные аппараты ломали кольями и прикладами винтовок. Барду, приготовленную для перегонки, вываливали на землю. Посуду, наполненную самогоном, разбивали вдребезги. У Петуховых не нашли ничего ни в бане, ни в амбаре, ни в погребе, а ведь всей деревне известно, что после ареста самого купца самогоноварением занимается Мизинчик, его продукция продается даже на станции. Кто-то предложил сделать обыск на мельнице. Герасим послал туда двух комсомольцев, но они вернулись ни с чем. Все это и беспокоило Андрея, однако Анна не соглашалась с ним.

— Ну и пусть перегнули палку. Бог нас не накажет, мы неверующие, а революция простит!

Она обмакнула перо в чернильницу.

— Что дальше писать?

Дальше писать не пришлось. Двери распахнулись настежь, на пороге появился улыбающийся Митя Мокин.

— Здорово, братва!

Ручка покатилась со стола, воткнулась пером в половицу. Андрей нагнулся за ней, увидел, что Анна ногой уронила табурет, рванулась к двери. «Сейчас повиснет на шее кочегара, а он покружит ее вокруг себя», — подумал Андрей. Но Анна только протянула гостю руку. Митя сразу покраснел и начал объяснять, почему он здесь оказался.

— Как прошла неделя сухаря? Меня уком к вам послал!

Он говорил что-то еще, забыв освободить из своих широченных ладоней маленькую руку Анны. Так они и подошли вместе к столу. Митя сел, расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки: ему вдруг стало жарко. Анна успела отметить про себя, что он сильно загорел, похудел и даже будто стал выше ростом. Но он все такой

же простой, немного угловатый, с добрыми глазами, с теплой улыбкой!

— Хлебушко собрали? — начал Митя деловой разговор.

Ему рассказали, что собранное зерно лежит в бывшем поповском амбаре и охраняется комсомольцами, не забыли и о ночном походе по дворам. К удивлению Андрея, член укома Мокин одобрил разгром самогонных аппаратов.

— Голодающие спасибо вам скажут, а что перегнули самую малость — это ничего, исправим ваш промах.

У Мити уже созрел план действий. Андрей и Анна сейчас же начнут обход деревни с двух концов и пригласят в клуб всех, у кого нашли самогонные аппараты.

— Скажите, что вызывает представитель из уезда. Я с ними поговорю!

— Мы палку перегнули, а ты ее сломать хочешь? — спросил Андрей.

— Там видно будет! — неопределенно ответил Митя.

Через час более двадцати осиновцев сидели на скамьях, ожидая расправы. На сцене вокруг Мокина жались предревкома Герасим, Анна и Андрей.

В первом ряду вертелся невысокий крестьянин, он то и дело оглядывался назад, передвигался с середины скамейки на край и обратно. Митя припомнил его. Когда созывалось собрание по поводу создания ячейки, этот мужик предлагал завезти в деревню побольше мануфактуры, соли, керосина, а крестьяне за такую заботу выставили бы своих сыновей для вступления в комсомол. Митя посмотрел в окно без двух стекол, еще не вставленных после разгрома, подошел к шатающемуся столику и обратился к старому знакомому:

— Вот ты, дядя, скажи мне, зачем самогонку гонишь?

Мужик соскочил со скамьи, указал рукой на собравшихся:

— Как обчество, так и я. Монополку революция закрыла, мы уж забыли запах николаевской водки, так хоть своей хлебнуть по праздникам!

— Ты бы все хлебал! — возмутился Митя. — Пьешь, хлеб переводишь, а на Волге люди с голода пухнут и умирают. Ты слыхал об этом?

Все притихли

— Кажись, слыхал... Объясняли комсомолы!

Митя так и вцепился глазами в самогонщика, тот присел на скамью и опустил голову. Слова Мокина пригвоздили его.

— Ну вот, тебе разобъясняли, а ты все-таки свое гнешь. У нас на станции рабочий класс последнюю корку пополам ломает, с голодными делится. Я свою норму кеты отдал, мать моя золотые обручальные кольца не пожалела...

Кивнув на Андрея, Митя заговорил громче:

— Осиновские комсомольцы со своей десятины добрый урожай собрали, хотели продать его да клуб в порядок привести, вон окна без стекол, библиотеки нет. На Волгу хлеб ребята посылают, а ты... А вы тут пшеницу на водку перегоняете! Самогон есть хуже всякого белогвардейца и японца. Ты, дядя, сколько зерна перепортил?

Новый вопрос вторично поднял крестьянина со скамьи.

— Ну... с мешок на это дело пустил...

— Так! — многозначительно произнес Митя. — Мешок, значит?

Он взял из рук Анны тетрадку и что-то записал в нее и опять обратился к самогонщику.

— Фамилия?

Мужик через плечо указал рукой в зал.

— Другие поболе меня гонят, им ничего, таких не записываешь, а за меня сразу ухватился. Ты Петуховых тряхни, парень!

— Тряхну! — твердо сказал Митя. — А фамилию скажи! Должен я знать, сколько ты на голодающих вносишь!..

Робость и страх слетели с лица мужика, он вдруг заулыбался.

— Ты, рабочий класс, не хитри! Скажи нам, как попу на исповеди, зачем приехал? Хочешь за шиворот взять да в каталажку посадить? А если на голодающих собираешь, так мы не против!..

— Не против! Боже упаси! — оживились на скамьях другие самогонщики.

— Видал! — совсем повеселел Митин знакомый. — Против нету. Где-то за Уралом мой братан после германской войны осел. Може, и у него кишка кишке кукиш кажет! Пиши мешок!

Довольный таким оборотом дела, Митя заговорил добродушно.

— Моя забота — хлебца для голодающих добыть!

В зале зашумели.

— Так бы сразу и сказал!

— А мы-то думали... Нагнал страху!

Около печки засопел толстомордый, с большим мясистым носом мужик. «Еще один знакомый», — шепнул Митя председателю ревкома. Прошлой осенью на собрании мужик был в полушубке, опоясанном красным кушаком, не давал говорить Феде-большевичку, показывал ему большой волосатый кулак. Сейчас толстомордый глухо прокашлялся и сказал, обращаясь к односельчанам:

— Чего размякли? Рабочий класс наговорил тут с три короба. А что получается? Пролетарии всех стран, соединяйтесь и ешьте наш хлеб. Все они голодные, на них не напасешься! Ничего я не дам!

— Петуховским голосом поешь, — крикнул со сцены Герасим, — такого и в каталажку не жалко!

Другие тоже заворчали на толстомордого:

— Ты нам не указ!

— Мы свой хлеб даем!

Толстомордый засопел и, не отвечая на выкрики, пошел к дверям. Митя поглядел ему вслед, но ничего не сказал. Записав фамилии жертвующих хлеб, он объявил:

— А теперь по домам, мужики! Мы подводы пошлем по селу. Вы провинились перед голодающими, вам и оправдываться. Первыми хлеб насыпайте, соседей приглашайте на доброе дело.

Самогонщики быстро разошлись.

Пока на сцене обсуждали, как лучше собирать хлеб, в клуб вошел рябой Никишка. Через руку у него был переброшен брезентовый плащ, за плечами висел мешок.

— Вот мы и встретились, — сказал рябой, увидев Митю. — Помнишь, я тебя в Каменку возил?

— Как же, помню! — охотно отозвался Митя. — Ты еще говорил, что любишь паровую машину. Я ведь тебе книгу посылал!

Рябой потоптался на одном месте.

— В город я собрался. Опротивело все дома. Теперь меня никто не задержит. Отец сидит в казенном доме

с решетками, а Мизинчика я слушать не собираюсь... Один знакомый обещал пристроить на Петровском заводе... Я сюда по делу завернул. Выйдем-ка на крыльцо!

Все пошли за ним. Никишка вытянул руку.

— Денек сегодня тихий. Видите, во-он дымок курится?

Верно, далеко за селом тянулся к небу высокий голубой столб.

— Это на нашей заимке, там самогон варят. Мизинчик пока дома, так вы не зевайте!

Рябой спустился с крыльца.

— Ну, прощевайте! И спасибо вам!

Не оглядываясь, он запылил к воротам. Митя обернулся к председателю ревкома Герасиму.

— Вы тут сами справитесь, а мы с Анной на петуховскую заимку махнем!

* * *

От села до заимки верст шесть-семь. Ехали лесной дорогой, ее часто пересекали извивающиеся корни сосен, как будто беспрерывно переползали змеи. Сидели рядом. Лошадью правила Анна.

— Почему долго не показывался?

— Работа задавила, Аннушка!

Его ответ напомнил Анне беспокойную поездку на уездный съезд в теплушке бывших политкаторжан, ночевку в общежитии, где Митя впервые назвал учительницу Аннушкой.

— А почему не писал? — помолчав, спросила Анна.

Митя посмотрел на свои руки.

— Знаешь, какой я грамотей!.. А про тебя всегда думал...

— Что думал? Скажи, если написать не мог.

Их глаза встретились. Анна поняла, что сказать ему еще труднее, чем написать. А он вдруг схватился за вожжи, натянул их. Лошадь остановилась.

— Ты что? — тихо спросила Анна.

Митя молча привлек ее к себе и поцеловал в маленькие горячие губы. Она не оттолкнула его, а легко отстранила, концом вожжей стегнула лошадь.

— Н-но! Постой еще у меня!

Колеса прыгали по корням, ранили их железными

шинами, переезжали, не имея силы перерезать пополам. Телегу затрясло. Митя сидел ни живой ни мертвый, боясь взглянуть на Анну. Скажи она хоть слово возмущения, он спрыгнет с телеги и убежит неизвестно куда. Но Анна не упрекала его, а только все время погоняла лошадь, словно хотела скорее удалиться от того места, где Митя без слов сказал все. Конечно, когда-нибудь в другой раз она нарочно задержится здесь и вспомнит, как это было. Митя стыдился заговорить с ней. А ведь он, собираясь в Осиновку, представлял себе, как все будет. Вот он рассказывает Анне все, что узнал от Блохина о его юности, тяжелой жизни и любви, о том, как в сибирском селе состоялось венчание политических ссыльных Владимира Ульянова и Надежды Крупской. Лишь после всего этого можно сказать, как ему трудно без Анны.. А все вышло не так. Целовать и не думал. Разве можно теперь начинать разговор. «Я на обратном пути все ей скажу, только бы она не обиделась», — успокоился вдруг Митя. Так и ехал молчком...

Заимка стояла на склоне горы. Из незастекленного маленького оконца избушки за ними наблюдал Химоза. Лошадь не петуховская — это он сразу узнал, едет кто-то чужой. Если ищут его, то почему так неосторожно? «Во всяком случае просто не дамся». Химоза вынул из бокового кармана пиджака револьвер, вышел из избушки и скрылся среди толстых сосен.

Митя и Анна прошли сразу к сколоченному из драниц и накрытому лиственничным корьем сарайчику. Из железной трубы валил дым, поднимаясь высоко к небу. В сарайчике и был устроен самогонный завод Петуховых. Из краника аппарата в огромную бутыль сбегала мутноватая жидкость. Большим поленом Митя разбил аппарат, выкатил из сарайчика и опрокинул на землю кадушку с приготовленной бардой. Анна осматривала сарайчик. В дальнем углу она увидела прикрытую драницами яму. Прикладом винтовки отбросила одну драницу. В яме лежали мешки с зерном. Анна позвала Митю, он спрыгнул в яму и крикнул оттуда:

— Выливай самогон, а я мешками займусь!

Прислонив к стене сарайчика винтовку, Анна взяла две полные четверти, вынесла их в сосняк, стукнула посудиной о посудину, и они со звоном разбились. В руках остались лишь горлышки четвертей. Анна не за-

метила, как от дерева к дереву, приближаясь к ней, переходил Химоза.

Один за другим раздались два выстрела. Митя сбросил с плеча мешок, поднялся на руках из ямы и выскочил из сарая. Среди молодых деревьев лежала Анна. В правой руке был зажат платок. Видимо, Анна сорвала его с головы, когда падала Митя склонился над ней.

— Кто тебя, Аннушка? Кто?

Девушка молчала Митя выдернул из ее пальцев платок, трясущимися руками наскоро сложил его в полоску, как бинт, и, не завязывая, обернул вокруг головы, чтобы прикрыть рану на виске. Затем осторожно, словно спящего ребенка, поднял Анну с земли. Огляделся вокруг. Ни души. Только лес. Сосны тревожно шумели вершинами. Не чувствуя на руках тяжести, быстро понес девушку к телеге. Белый платок с крупными пятнами свежей крови зацепился одним концом за ветку молодой сосенки и повис на ней. Но Митя не заметил этого. Шел он как слепой, как во сне. Только подойдя к телеге, вздрогнул: телега почему-то напомнила ему гроб. Опуская Анну на доски, он уставился в бледное, с закрытыми глазами лицо девушки. И тут впервые, кажется, в его душу закрался страх. В голове пронеслась давнишняя картина похорон Капустина: могильный холм, несвязные речи, салют из винтовок. Митя приподнял Анну, присел рядом, одной рукой придерживая ее за плечо, а другой дернул вожжи.

Митя не видел ни чистого неба, ни леса, среди которого пролегала дорога. Он только погонял лошадь. Телега часто подпрыгивала на толстых корнях. После каждого толчка Митя склонялся к Анне и приговаривал:

— Потерпи еще немножечко, Аннушка!

Ее голова склонилась на грудь, кровь медленно капала на кофточку...

Против высокой толстой сосны с засохшей вершиной телегу сильно тряхнуло. Мите показалось, что Анна застонала. «Мучается бедняжка, больно ей»,—забеспокоился парень и остановил лошадь. Он встал с телеги, держа на руках Анну, и пошел по обочине дороги, рядом с пустой подводой «Как я, дурной, раньше не догадался»

Версту или две нес он Анну, не чувствуя, как немеют от напряжения его сильные руки. Заглядывая часто в

бледное лицо девушки. Митя все ждал, что она откроет глаза и скажет хоть слово... Когда показалась река, Митя понял, что скоро будет деревня. «Что же я? Надо быстрее!..» Снова сел на телегу, боясь выпустить из рук дорогую ношу. Подводу уже не трясло, она катилась по ровному берегу.

За поворотом, откуда хорошо была видна Осиновка, Митя своей широкой ладонью ощутил, что тело Анны остывает, и еще сильнее погнал лошадь.

По улице за телегой бежали дети и взрослые. К избушке, где жила фельдшерица, скоро собралась большая толпа. Люди ждали, тихо перешептываясь между собой.

На пороге сеней показался председатель ревкома Герасим.

— Вот какое дело, товарищи граждане! Заклятый враг загубил еще одну молодую революционную жизнь! Убита наша Анна Васильевна. Славная ей память! Всю тайгу насквозь пройдем, того зверя-убивца найдем и покараем своей мозолистой рукой!..

Митя стоял у кровати и держал маленькую, совсем холодную руку Анны.

* * *

На дровяном складе в ночном карауле стояли Васюрка и Ленька Индеец...

Светало. Ленька прохаживался вдоль длинной поленницы, чтобы согреться и прогнать от себя дремоту. Тишину раннего утра растревожил гудок паровоза. Из-за скалы показался поезд. Паровоз с тремя огненными глазами-фонарями был похож на голову огромного змея, про которого не так давно Леньке приходилось читать в сказках. Змей, шипя, подползал все ближе. Его хвост еще тащился за семафором, когда с тормозной площадки одного из товарных вагонов на мягкий песчаный откос спрыгнул человек. Ленька спрятался за поленницу и стал наблюдать. Пассажир пропустил мимо себя состав, пересек пути и скрылся по другую сторону полотна. Ленька побежал в сторожевую будку к Васюрке. Тот выслушал и сразу сделал вывод:

— Какой-то тип не доехал до станции потому, что боится там показаться. Ты последи-ка, куда он пойдет!

«Вот теперь я отличусь», — обрадовался Ленька и бросился к линии железной дороги. Силуэт странного пассажира уже маячил около давно потухших паровозов, загнанных в заросший гравой тупик. Но вот он совсем пропал из виду. Ленька пробежал пустырь перед паровозным кладбищем и, ныряя среди искалеченных войнами и временем железных бегунцов, оказался рядом с крутой сопкой. Пассажир торопливо поднимался по каменистой тропинке. «Это он в Порт-Артур подался», — сообразил Ленька, прячась за телеграфным столбом. И тут же паренька взяло сомнение: «Черта с два отличишься. Мужик с поезда соскочил поближе к своему дому, а я...» Однако человек, выбравшись на дорогу, двинулся не к Порт-Артуру, а к поселку Гора. «Что этот тип отсюда прется пехтурой? Ведь со станции намного ближе», — подумал вслух Ленька и начал карабкаться по тропинке. С дороги увидел, что неизвестный успел уйти далеко. Надо выиграть время, приблизиться к нему. Пригибаясь, Ленька бежал по склону сопки, молодые сосенки и кусты багульника хорошо прикрывали его. Мешала винтовка, она затрудняла бег.

У первого огорода Ленька перевел дух, выглянул за угол. Приезжий уже повернул в переулок к железнодорожным, так называемым казенным домам. «Не уйдешь!» — прошептал Ленька, перелезая через забор. Из одного огорода он попал в другой, оттуда в третий и скоро притаился в конце переулка. Сквозь редкий штакетник небольшого палисадника было видно, как пассажир, озираясь, подошел к дому с желтым фасадом и постучал в окно. Ему скоро открыли. Ленька ликовал... Есть что сообщить командиру. В этом доме две квартиры. В одной живет приказчик из потребиловки, а в другой регент церковного хора. «Тип» стучался к регенту... «Поворачиваю стрелку к нардому», — решил Ленька.

В штабе народу было немного. За маленьким столом, на котором стояла железная лампа с сильно закопченным стеклом, сидели Знова и Прейс. В углу на скамьях спало несколько бойцов. Ленька, прижимая локтем висевшую на плече винтовку, остановился перед столом и бойко начал докладывать:

— Коммунар Алексей Карасев...

— Сбежал с поста! — добавил сурово Знова. — Кто тебе разрешил?

Ленька замер в стойке «смирно».

— Так что... Старший по наряду Чураков приказал мне преследовать подозрительную личность!

— Это другое дело! — смягчился Знова. — Где же личность? Поймал?

— Я ее выследил. Значит, так...

Ленька снял с плеча винтовку.

— Личность спрыгнула с товарного поезда недалеко от дровяного склада, а я за ней. Личность в гору, а я за ней. На камнях все колени себе до крови ободрал, штаны вот порвал на самом интересном месте, кусты мне по глазам хлестали, но я где ползком, где бегом по огородам, где как...

— Ты покороче! — перебил Знова рассказчика.

— Личность у регента спряталась! — закончил Ленька.

Знова и Прейс посмотрели друг на друга.

— Личность незнакомая? — спросил Знова.

— Издалека не разберешь, но шибко подозрительная! — определил Ленька.

Прейс бросил на пол окурок, раздавил его сапогом, как червяка, легко поднялся со стула, поправляя на шинели ремень.

— Я беру их! — кивнул он в угол на спящих.

— Кравченко, ко мне! — крикнул Знова.

Костя поднял голову, протер глаза, ткнул кулаком в спину Проньку, потормошил Кузю. С широкого подоконника спрыгнула Вера...

Квартиру регента окружили. Прейс грохнул кулаком в дверь. Подождал и снова забарабанил. Звякнул засов, в полуоткрытой двери показалась лысина регента.

— По какому праву беспокоите? — возмущался он.

— Обыск! — Прейс оттолкнул его рукой и первым вошел в кухню. Костя и Ленька постарались не отстать от него. Регент перекрестился и молча последовал за ними.

Прейс оглядел кухню и соседнюю с ней комнату. Регент жил один, старым холостяком.

— Нехорошо ночью курить, вредно для здоровья! — сказал Прейс, принюхиваясь.

— А я некурящий! — чуть заикаясь произнес регент. — Не научился, знаете ли!

— Знаю! — Прейс взял из цветочника маленький окурок. — Еще тепленький!

Регент рухнул на стул и стал еще больше заикаться.

— Заходил ко мне вчера старый сослуживец, христом-богом клянусь!

— Может быть, но меня интересует тот, кто курил минут десять тому назад.

Регент открыл рот, но так ничего и не сказал. Прейс походил по комнате, остановился на крышке подполья, носком сапога ковырнул кольцо.

— Товарищ Карасев, откройте! — сказал он, а сам отошел к регенту.

Ленька потянул за кольцо, тяжелая крышка немного приподнялась, сейчас же снизу, из темноты грохнул выстрел. Пуля просвистела мимо Ленькиного уха. Ленька бросил крышку и отскочил к печке.

— Там мыши балуются? — повернулся к регенту Прейс.

— Мы... Мы... Мы... — бормотал, крестясь, хозяин. Прейс взял его за руку и вывел на крыльцо.

— Покараульте, ребятки, божьего человека!

На крыльце стоял Пронька, против окон — Вера и Кузя. Комсомольцы обступили регента. Вера вспомнила, как поймали Кикадзе, и предложила связать старику руки. Кузя снял с себя школьный ремень. Регент начал отчаянно пинаться, потом неожиданно расхныкался:

— Отпустите, дети, душу мою на покаяние. Век за вас буду бога молить!

— Чудненько! Славненько! — приговаривал Кузя, осматривая крепко связанные руки любителя церковного пения.

В квартире регента хозяйничал Прейс. Он снял со стены трость, поддел ручкой кольцо и, пригнувшись, приоткрыл на себя крышку. В узком отверстии блеснул огонек выстрела. Не более чем через полминуты сидевший в подполье выстрелил еще раз, но это был приглушенный выстрел.

— Себе пулю пустил, значит, последний патрон! — сказал Прейс, без опаски поднимая крышку.

Спускаясь вниз, чекист попросил Леньку посветить

ему. Ленька взял со стола лампу, поставил ее у края подполья и тоже прыгнул в темноту. События так нарастали, что у него захватывало дух. Теперь-то уж он кое-что расскажет в ячейке и в школе о ночных приключениях и своих подвигах!

Костя помог Прейсу и Леньке вытащить наверх труп самоубийцы и положить его на широкий деревянный диван... Черные усики отросли, пенсне свалилось с переносицы и болталось на шнурочке. Леньке почудилось, что стекляшки живые. Все узнали Химозу, но никто не назвал его имени. Прейс положил в карман шинели подобранный в подполье револьвер. Это было все, что осталось от эсера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ТРАНСВААЛЬ, СТРАНА МОЯ!

Гроза на востоке все-таки разразилась. Правительство Меркулова при поддержке Японии науськало своих белогвардейских псов на Дальневосточную республику. Наступление началось из Южного Приморья на Хабаровск. Меркуловские войска состояли из каппелевцев, семеновцев, врангелевцев и других недобитых хищников, слетевшихся к берегам Тихого океана. Владивостокские газеты начали шуметь о том, что существуют две России — большевистская и национальная. По их утверждению, в Приморье сохранилась национальная Россия, она-то и объявила войну большевикам.

Дальневосточный комитет комсомола обратился с призывом ко всей трудящейся молодежи буферного государства:

«Юные пролетарии! Вспомните, как вы сражались против Семенова, Колчака и других атаманов, как скитались по сопкам и тайге. Вы завоевали свободу для трудового народа. Так неужели мы теперь будем спокойно смотреть, как эту свободу у нас хотят отнять?

Молодежь должна быть в первых рядах Народно-революционной армии. В прифронтовой полосе все организации КСМ уже влились в войска республики. В тылу члены комсомола готовятся к бою...»

* * *

— Ты, Кравченко, теперь шишка на ровном месте, секретарь поселковой ячейки. Говорят, под твоим командованием сто комсомольцев. А я скажу, что ты граф Трепачевский! Трепач, проще сказать!..

У карты Азии старшеклассники вели оживленный разговор о наступлении белых. Большого спора не было. К началу учебного года соучраб в школе фактически развалился. Его идейный руководитель Химоза скрылся, а потом отправился на тот свет, химозовский подручный Кикадзе по независящим от него причинам сменил адрес — из последнего класса школы второй ступени перешел в тюремную камеру. А главное — сами учащиеся раскусили соучраб и поняли, чем он пахнет. Только сын начальника лесничества, юноша с большими черными глазами и густыми черными волосами, еще держался независимо, считал себя непримиримым противником комсомола и советской власти. Это он назвал Костю Кравченко графом Трепачевским.

— Да, ты трепач! Что твердила ваша милость на этом месте перед летними каникулами? Ты болтал: «Большевики вышибут владивостокскую пробку. Осенью придем в школу и увидим, что изменилось на карте...» Ну, и что изменилось? Вот она, карта Азии! Владивосток стоит, как скала! Напирает на вас доблестная армия Меркулова! Кто же прав? Гога Кикадзе! Не бывать большевикам в Приморье, не видать им Тихого океана, как своих ушей!

Приглаживая пятерней непослушный вихор, Костя сказал:

— Называй меня графом Трепачевским или маркизом де Вру, но ваша песенка спета!

Костя обвел пальцем по карте вокруг Владивостока.

— Отсюда меркуловцам одна дорога: на дно океана. А на берегах осядут большевики! Положение пока изменилось не в нашу пользу, но нас теперь стало больше и мы сильнее!

— Подумаешь, раскудахтался! — Костин спорщик презрительно хмыкнул. — Посмотрим, как закукарекаешь, когда меркуловцы возьмут Хабаровск!

Считая долгом комсомольца помочь Косте, Ленька Индеец протискался к сыну начальника лесничества.

— Хабаровск назад отберем, если что! Ты лучше скажи, где ваш соучраб похоронен? Поминки бы справить!

Школьники засмеялись.

В толкучке не было видно Проньки и Кузи. Они сидели на парте в пустом классе и секретничали. Кузя держал в руке письмо, полученное от Свиридка с Урала. Мандолина сообщал, что работает учеником слесаря на заводе, его обещают принять в комсомол. Кузя сомневался, надо ли говорить в ячейке об этом письме, кто его знает, как отнесется к этому новый секретарь Костя Кравченко, вдруг еще начнет ругать за связь с бывшим соучрабовцем. Пронька щелкнул Кузю в лоб.

— Плохо варит твой котелок! Письмо можно даже на собрании зачитать... Ну, айда погуляем!

— Погоди! — Кузя потер переносицу. — Проха, много деньжищ будет загребать Костя? Секретарь такой ячейки — это тебе не фунт изюма!

Пронька дал еще щелчка своему другу.

— Ты, Рыжик, из-за угла мешком ударенный. Костя по комсомольской совести в работу впрягается, а не за деньги.

— За так? — удивился Кузя, моргая белыми ресницами.

— За так! Старших ребят на фронт отправляют, а его выбрали, потому что он имеет авторитет!..

Надо бы спросить, что значит авторитет, но в коридоре раздался дружный смех, и Кузя потянул Проньку из класса. Там, у карты, кто-то из учеников присел за спиной сына лесничества, а Ленька Индеец толкнул его в грудь. Последний представитель соучрабовского племени, перевернувшись, растянулся на полу.

— Долой Меркулова! — закричали школьники.

— Даешь Тихий океан!

Соучрабовец рассвирепел и готов был кинуться на Леньку Индейца, считая его зачинщиком злой шутки, разыгранной с ним, как с первоклашкой. Но кто-то вовремя предупредил скандал.

— Тихо! Лидия Ивановна идет!..

Учительница стояла у входных дверей, качая головой.

— Узнаю!.. Сошлись враги, опять война!..

Ученики плотной толпой окружили Лидию Ивановну и Веру, которая держала небольшую корзинку с имуществом старой учительницы. Лидия Ивановна, прищу-

рившись, осматривала своих, ставших великовозрастными, питомцев, переборола нахлынувшее волнение и сказала:

— Вот и хорошо, что вы все вместе. Я прощаюсь с вами! Уезжаю, ребятки, в Осиновку продолжать дело, начатое комсомолкой Анной Гречко. Эту девушку застрелил эсер Химоза — так вы его, кажется, называли. Поймите, что случилось! Учитель убил учителя. Почему? Идет классовая борьба, товарищи! Анна Гречко и Химоза стояли не по одну сторону баррикады. И я хочу, чтобы вы были в лагере Анны Гречко. Надеюсь, мы не зря изучали русскую литературу и вы помните слова поэта!.. «Где трудно дышится, где стоны слышатся, будь первым там!» Приезжайте в Осиновку! Мне нужна ваша помощь!..

Все вышли во двор проводить учительницу.

* * *

Вечером того же дня на восток уезжали добровольцы: Митя Мокин, телеграфист Уваров, Андрей Котельников, инструктор укома в буденновском шлеме. Митинг был короткий. С тормозной площадки воинского эшелона говорил Блохин:

— Нападение меркуловских банд — еще одна попытка отнять революционные завоевания трудящихся Дальнего Востока и создать угрозу нашей родной стране — Красной Советской России...

Тимофей Ефимович и Храпчук стояли около водокачки. Машинист показал на флаг, трепетавший на крыше вокзала.

— Держится синяя заплатка. Верно ты, Ефимыч, говорил, что ее надо беречь, чтобы не потерять весь флаг. Вот хлопцы едут, они накостыляют Меркулову и всей его компании!

На старика зашикали, как раз в эту минуту на тормоз для ответного слова от добровольцев забрался инструктор укома...

— Буфер стоит впереди вагона или паровоза и всегда принимает на себя удар. Мы принимаем удар врага, но и сами будем бить его так, чтобы меркуловщина свалилась под откос истории. Даешь Владивосток!

— Даешь! Даешь! — покатилось по вагонам и перрону вокзала.

В открытых дверях теплушки, куда втолкнули свои сундучки Митя Мокин и телеграфист Уваров, на низенькой чурке сидел народоармеец с гармошкой. После речи инструктора укома он развернул свою трехрядку и запел:

Трансвааль, Трансвааль —
страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Митя не мог понять, почему эта песня сразу тронула его. Песня не новая, Митя слышал ее на вечеринках и свадьбах, слышал и в ячейке, даже подпевал товарищам, но тогда она не казалась особенной и пелась, как многие другие песни. Митя говорил что-то матери, отвечал на редкие вопросы комсомольцев, а сам боялся пропустить хоть одно слово. Народоармеец пел от имени какого-то героя о том, что у него десять сыновей, троих уж нет в живых, а семеро борются за свободу. Народ хлынул к теплушке, всех звала песня. Народоармеец уже не сидел, а стоял, толпа видела и слышала его... Младший сын героя песни, тринадцатилетний мальчик, просился на войну. Отец не хотел брать с собой малолетнего, но тот сказал, что за него не придется краснеть в бою и что он сумеет умереть за свою родину... Песня смешалась с прощальными звонками станционного колокола. Загудел паровоз. Митя поцеловал мать, крепко пожал руку Косте.

— Держись плана ячейки, мы его с тобой верно составили. Война, может быть, заставит кое-что изменить, но военные занятия четыре раза в неделю — душа из комсомольцев винтом. И вот что. Раз война, люди умирают, объяви-ка траур и запрети всякие танцы. Понял?

Уже на ходу поезда Митя вскочил в теплушку. Народоармеец пел:

И час настал, тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За ваших сыновей!..

Мелькали лица, летели вверх над провожающими шапки и папахи, но Митя ничего не видел и не слышал,

он был весь во власти песни... «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...»

Под впечатлением проводов и песни люди с вокзала уходили молча. Костя по обыкновению был с Верой. Они давно научились ходить под руку, и вечерами это у них хорошо получалось. Сейчас они шли по-солдатски — в ногу, одновременно выбрасывая вперед руки. Груз новых забот уже беспокоил Костю. С завтрашнего дня он должен без Мити Мокина вести за собой ячейку. Семнадцатилетний Константин Кравченко теперь больше, чем раньше, у всего народа на виду. Сколько глаз будет смотреть за ним — куда идет, как и что делает. «Если что не ладно — я сразу к Блохину, так Митя велел... И вот Вера рядом, с ней всегда легко...»

Васюрка шел заложив руки за спину. Задумаешься, пожалуй. Вчера Знова сказал ему, что о поездке на фронт заикаться бесполезно, Васюрка будет обучать военному делу комсомольцев-новичков, к тому же у него на руках маленький братишка.

Всегда молчаливый Пронька глядел себе под ноги, пинал на междупутьях мелкие камешки. Рядом топал Кузя и бубнил сочиненную на вокзале частушку:

Получили мы приказ,
Стали собираться,
Ах, кому-кому из нас
Надо оставаться...

Чуть отставая от других, со шпалы на шпалу прыгал Ленька Индеец. У него от наплыва мыслей скоро заболит голова. Что-то годы идут медленно. Взрослые уезжают воевать, а тут ходи в школу, все учись да учись, когда же человеком-то будешь... Посмотрел на эшелон и отправляйся домой, как маленький..

* * *

Почти на каждой остановке эшелон пополнялся новыми бойцами. На одной из больших станций за Читой среди подходивших к теплушке парней Митя увидел Федора Комогорцева и от радости закричал во всю мощь своих легких:

— Федька-большевичок! Черт ты некрасивый! Иди в наш спальный вагон международного сообщения!

И выскочил навстречу. Через минуту они обнимались.

— Знакомый нашелся или родня? — спрашивали Митю соседи по теплушке.

— Бери выше!.. Это мой друг!

Начались взаимные расспросы, оба выпытывали друг у друга все, чего не сообщали в письмах. Федя рассказывал о стычках с бандитами в пограничной полосе, гибели Сени-смазчика, а Митя — о ячейке, о том, как была убита Анна Гречко.

— А ты хоть успел открыть ей свою любовь? — серьезно и хмуро спросил Федя.

— Не успел! — признался Митя.

— Бить тебя мало! — огорчился Федя. — Ты знаешь, как важно бывает человеку знать, что его любят...

— Я это... — Митя задумался, сказать или нет, потом махнул рукой. — Я, Федя, поцеловал ее... один раз в жизни.

— Это хорошо, — сказал Федя, — значит, она поняла твою любовь, может, ей и умирать было легче...

И Митя рассказал о своих встречах с девушкой, о том, что часто видел Анну во сне, и о том, как навзрыд плакал на тормозе, когда ехал домой с похорон...

— Помнишь, Федька, я тебе говорил, что она ходила в Каменку обучать грамоте. Как раз в день ее похорон Андрей Котельников привез от ребят записку, они писали ее сами — благодарили Аннушку за учение. Эту записку мы в гроб положили... А не забыл ты церковного сторожа Ефима? После смерти Аннушки он пришел в ячейку и сказал, что будет до конца своей жизни охранять клуб и копейки не возьмет!..

И вдруг Митя вспомнил о песне, взволновавшей его, подозвал к себе телеграфиста Уварова.

— Трансвааль, страна моя! А где она такая? Почему о ней поют?

Объяснение телеграфиста Митя выслушал внимательно. Он не знал, что Трансвааль находится в Южной Африке, не слышал и не читал о том, что там двадцать лет тому назад закончилась война между бурами, населявшими эту маленькую страну, и англичанами. Митя в душе восторгался бурами. Англия хотела захватить Трансвааль и поставить на колени ее народ. Подумать только, война длилась два с половиной года. Буры от-

важно дрались за свободу своей родины, но англичане располагали огромными силами и в конце концов превратили Трансвааль в свою колонию. Теперь ясно, что песня осталась в память о героической борьбе буров против английских завоевателей. Песня поется от имени старика-бура, который воевал сам и взял с собой на войну десять сыновей. С тех пор песня кочует из страны в страну, ее поют все, кто защищает свободу любимой отчизны.

— Дошлый ты парень, — сказал Митя телеграфисту, — все знаешь. Эх, жалко, что буры рановато затеяли драку с Англией. Если бы сейчас, так мы помогли бы друг дружке.

Мите захотелось еще раз послушать песню, познакомить с ней Федю, и он крикнул гармонисту:

— Давай про страну мою Трансвааль!

— А вот эту не хочешь! — отозвался народоармеец. Напевая, он заиграл другую, боевую...

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен
над нами.

Вместе со всеми бойцами Митя и Федя подхватили припев:

Никогда, никогда, никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

...Для того и ехали комсомольцы на войну...

ОТ АВТОРА

В 1961 году, когда отмечалось 40-летие комсомола Забайкалья, я собрал много интересных документов. Некоторые из них имеют прямое отношение к моей повести «Искры не гаснут», и поэтому я прошу читателя ознакомиться с ними...

«...В январе 1922 г. Народно-революционная армия приближалась к станции Волочаевка, где белые подготовили сильно укрепленные позиции. Удары НРА на фронте поддерживались нападениями партизан.

Сражение началось 10 февраля 1922 года...» (Из военной сводки).

«Вот уже рукой подать до Волочаевки, но не тут-то было. Противник усилил огонь, и мы залегли перед заграждениями противника вокруг сопки Июнь-Карань. Четыре дня и четыре ночи лежали мы в снегу, прижатые огнем белогвардейцев. Каппелевцы думали, что чурки от нас остались — все померзли. А мы вытерпели 40-градусный мороз, полураздетые и плохо обутые, поднялись на штыки. Под ураганным огнем артиллерии, пулеметов и бронепоездов прошли три ряда проволочных заграждений» (Из письма Мити Мокина в ячейку).

«В ночной атаке изрублен на куски комсомолец Федор Комогорцев» (Из донесений в штаб полка).

«...Разрывая телами колючую проволоку, народоармейцы лезли вперед, стиснув зубы, с глазами, горящими последней решимостью. Большинство погибло тут же, запутавшись в железных сетях, под ливнем пуль и осколков... Крепкие колья не выдержали последнего отчаянного напора — затрещали и рухнули. Образовалась брешь, и в нее, как в прорвавшуюся плотину, хлынула людская волна. Противник не выдержал и бы-

стро начал покидать снеговые брустверы...» (Из воспоминаний командира особого 6-го полка).

«Комсомолец Д. Мокин был обморожен и не ушел с позиции. Метким пулеметным огнем целых шесть часов отражал яростные атаки каппелевцев. Его руки примерзли к пулемету. И только после боя его унесли в лазарет. Командующий сам представил его к награде и лично вручил ему серебряные часы» (Из донесений в штаб полка).

«...Такую беспримерную храбрость, какую проявили народоармейцы на Хабаровском фронте, мне приходилось видеть редко даже в Красной Армии. Бойцы безудержно шли на опутанные проволокой сопки и почти голыми руками брали пулеметы» (Из приказа командующего Блюхера В. К.).

«После разгрома 12 февраля 1922 года под Волочаевкой уже ничто — и даже японская помощь — не могло спасти белых.

10 июля началась эвакуация японцев из Приморья.

9 октября был взят Спасск, и белые покатились на Владивосток.

25 октября был взят Владивосток» (Из военной сводки).

* * *

«...Два года назад мы отказались от немедленного установления Советской власти на Дальнем Востоке и образовали буфер в надежде, что это даст возможность трудящимся ДВ заниматься мирным трудом, а Советскую Россию оградить от всяческих авантюр. На деле это оказалось не так. За эти два года трудящиеся ДВ не имели ни одной спокойной минуты, чтобы заняться хозяйственным строительством, а Народно-революционная армия почти беспрерывно на разных фронтах жертвовала своей жизнью в борьбе с желтым империализмом и его слугами.

Но этого мало. В тылу у нас работал враг. Буфер позволял реакционной буржуазии, эсерам и меньшевикам устраивать заговор за заговором.

Таким образом, республика потребовала много жертв, не дав ничего взамен. Этому должен быть положен конец.

Мы требуем ликвидации чуждого нам буфера. Мы требуем установления на ДВ настоящей трудовой власти Советов. Мы требуем полного единения с Советской Россией и готовы с оружием в руках выступить против каждого, кто помешает нам эти требования осуществить.

Мы поручаем партии пролетариата, неизменно верной нашей защитнице — Российской коммунистической партии осуществить эти требования.

Да здравствует единая Советская Россия!

(Из резолюции общего собрания бойцов, комсостава и политработников ордена Красного знамени Волочаевского полка).

«...Сила нашей партии на Дальнем Востоке состояла в том, что она все время равнялась на Москву. Трудящиеся знали, что мы буферим временно и при первом же удобном случае перестанем заниматься этой неприятной работой... Удобный момент наступил...»

(Газета «Дальневосточный путь»).

«...Теперь у нас Советская власть. Ур-ра! На демонстрации было много народу. Николай Григорьевич Храпчук шел впереди и нес Красное знамя без синей заплатки. Он даже плакал, мы видели, как он утирал слезы рукавом.

Мы будем чтить до конца наших дней поднятое в Октябре нашими отцами Красное знамя, мы понесем его вперед. Присоединяясь к заветной мечте наших отцов и старших братьев, мы тоже говорим: Долой буфер и да здравствует Советская власть на Дальнем Востоке. ***Прокопий Хохряков, Кузьма Зыков, Алексей Карасев*"**. (Из ячейковой стенгазеты „Молодая гвардия").

Между прочим, в областном музее нашлась фотография поселковой ячейки, на ее обороте дата: сентябрь 1921 года. Многих ребят я узнаю... В центре сидит Митя Мокин, инструктор укома в буденновском шлеме, телеграфист Уваров в тужурке, на которой нет двух пуговиц, Васюрка Чураков в отцовской шляпе. Позади стоят рядом Костя Кравченко и Вера Горяева. Такие юные, почти детские лица! На полу, поджав под себя ноги, устроились Пронька, Кузя и Ленька Индеец, он же сын смазчика Карасева.

На снимке я не нашел Сени Широких и Феди-большевичка. Сеня к тому времени погиб, а Федя еще воевал с бандитами в пограничных районах...

Все они дорогие сердцу моему товарищи. Написав эту книгу, я в какой-то мере исполнил долг перед ними, помог Косте Кравченко рассказать о героях, взятых из жизни.

1960—1962 гг.
ЧИТА.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Дэ-вэ-эр 3
Глава вторая. Друзья-товарищи 10
Глава третья. Танцы в нардоме 17
Глава четвертая. «Даешь, комсомол!» . . . 25
Глава пятая. Синяя заплатка остается . . 36
Глава шестая. Кто вы? Бойцы! 45
Глава седьмая. Петухов и Химоза 52
Глава восьмая. Тревога 61
Глава девятая. Спать некогда 67
Глава десятая. Водятся ли домовые? 73
Глава одиннадцатая. О чем толкует нам эсер 81
Глава двенадцатая. Стой! Кто идет! . . . 90
Глава тринадцатая. На кого быть похожим? 101
Глава четырнадцатая. Вера пришла в ячейку 116
Глава пятнадцатая. Зверь заметает следы . 128
Глава шестнадцатая. Шагай вперед, комсомолия! 138
Глава семнадцатая. Политсуд 150
Глава восемнадцатая. Два выстрела . . 161
Глава девятнадцатая. Рабочие слезы . . 169
Глава двадцатая. С Митей что-то случилось . 179
Глава двадцать первая. Почему волновался Химоза 186
Глава двадцать вторая. Призрак бродит по Европе 192
Глава двадцать третья. Гроза 199

Глава двадцать четвертая. Пришельцы из Маньчжурии 210
Глава двадцать пятая. Враг у порога . . 218
Глава двадцать шестая. Гляди в оба! . . . 227
Глава двадцать седьмая. Неделя сухаря 235
Глава двадцать восьмая. Темные силы . 244
Глава двадцать девятая. Трансвааль, страна моя! 256
От автора 264

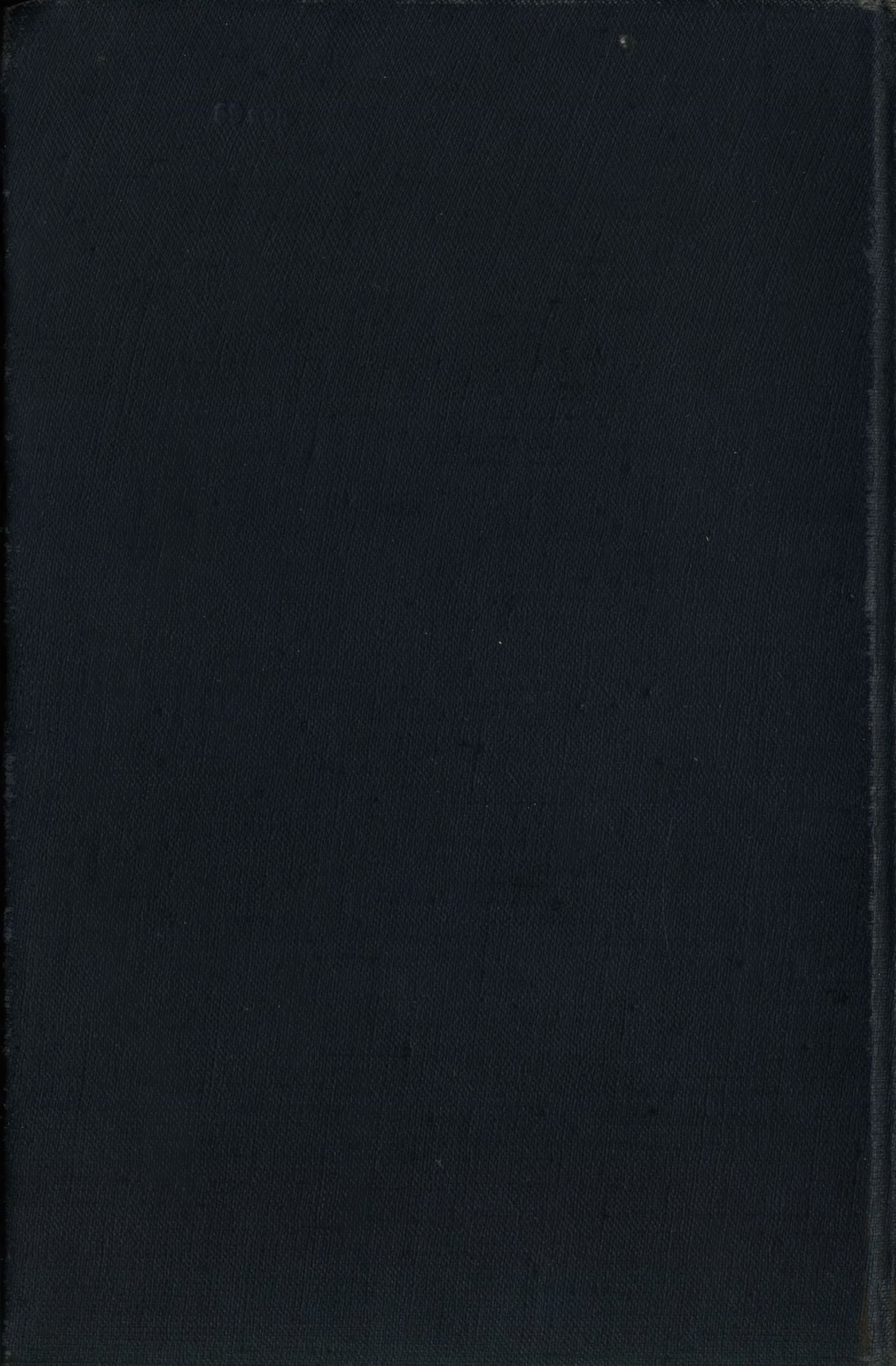
ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Художник В. Никитин

Николай Тихонович Ященко
ИСКРЫ НЕ ГАСНУТ

Редактор И. Лавров.
Художественный редактор И. Табаков.
Технический редактор М. Юрганова.
Корректор Э. Перевалова

Сдано в набор 18 октября 1962 г. Подп. в печать 12 декабря 1962 г.
Форм. бум. 84х108 1/32—4,187 бум. л.=13,735 печ. л. (13,794 уч.-изд. л.+8 вклеек).
ФД 04236. Заказ 5554. Тираж 100 000 экз. (1—50 000) Цена 64 коп.
В ледериновом переплете 69 коп.
Читинское книжное издательство, Чита, Ленинградская, 3.
Типография управления культуры, Чита, Анохина, 2.

Н. Ященко
ИСКРЫ НЕ ГАСНУТ